

**Каждый новый
роман Робин Хобб —
это повод для праздника.**

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН,
автор «Игры престолов»

Драконья Тавань

**ХРОНИКИ
ДОЖДЕВЫХ ЧАЩОБ**
Книга 2

РОБИН ХОББ

Звезды новой фэнтези

Робин Хобб

Драконья гавань

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хобб Р.

Драконья гавань / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 2010 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-17077-3

Пятнадцать драконов отправляются в опасное путешествие в неизведанные земли в надежде вновь обрести древнюю Кельсингру — потерянную драконью гавань. Их сопровождают люди-хранители, которые тоже ищут свой дом. Но реальна ли Кельсингра, или это всего лишь кусочек славного прошлого, хранящийся глубоко в памяти драконов? Достоверных карт не существует, и драконы понимают, что в стране, пережившей столько стихийных бедствий, от их ветхих воспоминаний мало толку. Продвигаясь вглубь неизведанной территории, люди и драконы обнаруживают, что становятся кем-то другим. Чем крепче их дружба, тем жестче испытания: сильнее голод, внезапнее наводнения, опаснее хищники. Правда, вскоре выясняется, что самые опасные хищники находятся в компании самих путешественников...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-17077-3

© Хобб Р., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	31
Глава 3	46
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Робин Хобб

Драконья гавань

Robin Hobb
DRAGON HAVEN
Copyright © 2010 by Robin Hobb
All rights reserved

Перевод с английского Елены Королевой

© Е. А. Королева, перевод, 2012
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019 Издательство АЗБУКА®

* * *

*Пятый день месяца Молитв, шестой год Вольного союза торговцев
От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, – Детози,
смотрительнице голубятни в Трехоге*

Письмо торговца Юрдена Совету торговцев Дождевых чащоб в Трехоге касательно заказа для ножевых мастерских Севириана и нехватки товара, вызвавшей существенный рост цен.

Здравствуй, Детози. Как выяснилось, королевские голуби медлительны в полете и плохо находят дорогу домой. Зато они плодовиты и быстро растут. Возможно, эта порода пригодна для разведения на мясо? В Дождевых чащобах это бы особенно пригодилось. Как по-твоему?
Эрек

Пролог

Люди были встревожены. Синтара ощущала их мечущиеся, жалящие мысли, словно рой кусачих насекомых. И как этот вид вообще ухитрился выжить, не умея держать при себе то, что они думают и ощущают? И что самое смешное, выплескивать свои жалкие фантазии люди горазды, а вот слышать других вовсе не умеют. Так и живут свой недолгий век, недопонимая соплеменников – да и всех прочих существ. Когда Синтара поняла, что люди только и могут, что издавать ртами шум, а затем угадывать, что подразумевал собеседник под ответными звуками, она пришла в ужас. А они зовут это «беседой».

Синтара ненадолго перестала отгораживаться от шквала их писков и попыталась определить, что же взволновало драконьих хранителей на этот раз. Как обычно, их тревоги сами себе противоречили. Несколько человек беспокоились из-за нездоровья медной драконицы. Не то чтобы они могли ей чем-то помочь – так к чему суетиться попусту, вместо того чтобы исполнять свои обязанности перед другими драконами? Синтара вот голодна, а никто еще не принес ей даже завалящей рыбки.

Она бесцельно брела вдоль реки. Смотреть тут было не на что – полоска грязной земли, камыши и одно-два чахлах дерева. Тусклое солнце озаряло спину Синтары, но почти не грело. Дичи на берегу не водилось никакой. В реке, возможно, плескалась рыба, однако поймать ее непросто, а съешь – и не заметишь. Вот если бы кто другой ее добыл...

Может, отправить на охоту Тимару? Из подслушанного у хранителей выходило, что отряд собрался торчать на этом позабытом богами клочке земли до тех пор, пока медная драконица не поправится или не умрет. Если все же умрет, дракона, который первым доберется до тела, ждет отменная трапеза. И будет им Меркор, с горечью заключила Синтара. Золотистый не спускал с больной глаз. Судя по всему, он подозревал, будто Медной что-то угрожает, однако пока что не хотел делиться своими подозрениями ни с драконами, ни с хранителями. Уже одно это вселяло в Синтару беспокойство.

Она прямо спросила бы Меркора, чего он опасается, если бы не была на него так зла. Золотистый, без малейшего повода с ее стороны, открыл хранителям ее истинное имя. И не только Тимаре и Элис, принадлежавшим ей, хотя и это уже было бы скверно. Но нет, он трубил ее имя всем, будто собственное. То, что сам Меркор и большинство других драконов решили представиться хранителям, ничего не значило для Синтары – если они настолько глупы и доверчивы, их дело. Она же не вклинивается между Меркором и его хранительницей. Так почему же золотистый так бесцеремонно лезет в их взаимоотношения с Тимарой? Теперь та знает истинное имя Синтары, и остается лишь надеяться, что девчонка понятия не имеет, как им можно воспользоваться. Ни один дракон не способен солгать тому, кто потребует от него правды его собственным именем или подобающе обратится с вопросом. Отказаться отвечать он может, но не солгать. И ни один дракон не сумеет нарушить уговор, если заключил его от своего истинного имени. Меркор вручил непомерную власть человеку, чей век не дольше рыбьего.

Синтара отыскала на берегу прогалинку, опустилась на нагретые солнцем камни, прикрыла глаза и вздохнула. Может, вздремнуть? Нет, пожалуй, не стоит. В отдыхе на холодной земле нет ничего хорошего.

Драконица нехотя снова впустила в сознание чужие мысли, пытаясь понять, что затеяли люди. Кто-то скулил по поводу крови на своих руках. Старшая из ее хранительниц тонула в пучине переживаний, решая, следует ли ей вернуться домой, к постылой жизни с мужем, или же спариться с капитаном баркаса. Синтара раздраженно фыркнула. О чем тут вообще размышлять? Элис изводится из-за таких пустяков. Какая разница, что она предпочтет! Все равно что гадать, куда сядет муха. Век людей смехотворно короток. Должно быть, именно поэтому

они производят столько шума при жизни. Наверно, иначе им не убедить друг друга в собственной значимости.

Драконы, конечно, тоже издают звуки, однако не нуждаются в них для передачи мыслей. Рев и речь полезны, если приходится перекрывать людской гам, чтобы привлечь внимание другого дракона. Крик потребен, чтобы заставить множество людей сосредоточиться на мысли, которую пытается донести до них дракон. Синтару не так сильно возмущали бы человеческие звуки, если бы этот писк неизменно не сопровождался неудержимым мысленным потоком. Порой из-за такого вот двойного раздражения Синтара жалела, что не может съесть их всех и покончить с шумом раз и навсегда.

Она утробно заворчала, выплескивая досаду. Люди – никчемные и надоедливые существа, и все же судьба принудила драконов положиться на них. Когда они вышли из своих коконов, пробудившись после превращения из морских змей в драконов, то оказались в мире, ничуть не похожем на их воспоминания. С тех пор как драконы последний раз ступали по земле, прошли не десятки, но сотни лет. И вместо того чтобы возродиться способными к полету, они вышли из коконов скверными насмешками над собственной природой и тут же увязли в топком речном берегу на краю непроходимых, заболоченных лесов. Люди с неохотой помогали им – приносили мясо и терпели присутствие драконов, дожидаясь, пока те вымрут или же наберутся сил, чтобы уйти. И драконы страдали и голодали многие годы (пищи едва хватало, чтобы не протянуть ноги), заточенные между лесом и рекой.

А потом Меркор нашел выход. Золотистый дракон сочинил легенду о полузабытом городе древнего народа, о несметных сокровищах, которые наверняка таятся там до сих пор и только и ждут, чтобы их отыскали. И драконов ничуть не смущало, что правдивым было лишь воспоминание о Кельсингре, городе Старших, достаточно просторном, чтобы и драконы в нем чувствовали себя как дома. Если даже все сверкающие богатства – лишь выдумка, приманка для людей, то и ладно.

И вот ловушка была поставлена, слухи разошлись, и некоторое время спустя люди предложили драконам помощь, если те отправятся на поиски древнего города Кельсингры. Была организована экспедиция, с баркасом и лодками, охотниками, чтобы добывать для драконов пищу, и хранителями, чтобы заботиться о них всю дорогу вверх по реке, до города, который они отчетливо вспоминали только во сне. Нечистые на руку купчишки, правящие в Трехоге, конечно же, дали им не лучших провожатых. Чтобы обеспечивать мясом полтора десятка драконов, они наняли всего двоих настоящих охотников. А «хранители», отобранные Советом торговцев, оказались по большей части выбракованными подростками, которым не полагалось выживать и размножаться. Все они щеголяли чешуей и наростами – отметинами, оскорбляющими взгляды жителей Дождевых чащоб. Лучшее, что можно сказать о хранителях, – в основном они были послушны и прилежны в заботе о драконах. Однако они совершенно не помнили своих прародителей и мчались по жизни, обладая лишь теми скудными познаниями о мире, какие успели накопить за свое краткое существование. Общаться с ними было затруднительно, хоть Синтара и не пыталась вести высокоумные беседы. Даже такой простой приказ, как «принеси мне мяса», обычно вызывал в ответ нытье о том, как трудно найти дичь, и глупые вопросы вроде: «Разве ты не ела всего пару часов назад?», будто эти слова могли заставить ее умерить аппетиты.

Синтара единственная из всех драконов предусмотрительно вытребовала себе сразу двух прислужниц. Та, что постарше, Элис, была скверной охотницей, но зато с рвением, пусть и не со знанием дела, чистила ее и держалась с подобающей почтительностью. Младшая, Тимара, была лучшей охотницей среди хранителей, однако ее портили несдержанность и дерзость. Тем не менее, раз уж хранительниц двое, кто-нибудь из них всегда будет на подхвате, по крайней мере насколько хватит их быстротечных жизней. Драконица надеялась, что ее люди протянут подольше.

Почти целый месяц они тащились вверх по реке, держась мелководья вдоль заросших берегов. Путь по суше преграждали непролазные дебри, заплетенные лианами и ползучими растениями, почва топорщилась корнями, и дракону негде было пройти. Охотники рыскали впереди, хранители двигались следом на маленьких лодках, а последним шел Смоляной, длинный, низкий речной баркас, от которого сильно пахло драконами и магией. Меркора очень заинтересовал этот так называемый живой корабль. Многие драконы, включая Синтару, сочли присутствие баркаса неуместным и едва ли не оскорбительным. Корпус корабля был построен из диводрева – на самом деле вовсе не дерева, а кокона умершей морской змеи. Эта «древесина» крайне прочна и не пропускает влагу. Люди высоко ее ценят. Но для драконов она так и разит драконьей плотью и памятью. Когда морской змей строит кокон, чтобы превратиться в дракона, он пережевывает особую глину и песок, сдабривая их своей слюной и воспоминаниями, а затем отрывает. И эта «древесина» обладает своего рода разумом. Нарисованные глаза баркаса, на взгляд Синтары, были чересчур осмысленными, и Смоляной слишком легко для обычного корабля шел вверх по реке, против течения. Драконица держалась подальше от баркаса и почти не разговаривала с его капитаном. Да тот и сам не выказывал особого желания общаться с драконами. На миг эта мысль задержалась в голове Синтары. С чего бы капитану их сторониться? В отличие от многих, он, похоже, ничуть не боялся драконов.

И не питал к ним отвращения. Синтара вспомнила о Седрике и презрительно фыркнула. Суетливый типчик из Удачного повсюду таскался за Элис, носил ее бумагу и перья, зарисовывал драконов и записывал обрывки сведений, которые сообщала ему хранительница. Он оказался настолько тупоумным, что не понимал ни слова, когда драконы с ним разговаривали. Речь Синтары он воспринимал как «животные звуки» и имел наглость сравнивать с мычаньем коровы! Нет, у капитана Лефтрина нет ничего общего с Седриком. Он не глух к словам драконов и явно не считает, будто они не заслуживают внимания. Так почему же он избегает их? Может, он что-то скрывает?

Что ж, он глуп, если надеется что-то скрыть от дракона. Синтара отмахнулась от мимолетной тревоги. Драконы способны раскопать человеческие мысли так же легко, как ворона – кучу навоза. Если у Лефтрина или кого-то еще из людей имеются тайны, пусть держатся за них. Люди живут так недолго, что близкое знакомство с ними не стоит траты сил. Вот Старшие, те в древние времена были достойными товарищами драконам. Они жили гораздо дольше людей и были достаточно умны, чтобы слагать стихи и песни, прославляющие драконов. В мудрости своей они строили общественные здания и даже некоторые, самые роскошные, из дворцов так, чтобы там было уютно гостю-дракону. Память предков рассказывала Синтаре о тучной скотине, о теплых убежищах, привечавших драконов в зимнюю пору, о купальнях с душистыми маслами, которые успокаивали зуд под чешуей, и прочих предупредительных любезностях, придуманных Старшими для драконов. Как жаль, что их больше не осталось в этом мире. Очень жаль.

Драконица попыталась представить Тимару Старшей, но ничего не вышло. Юной хранительнице недостает подобающего отношения к драконам. Она непочтительна, угрюма и слишком увлечена собственным мимолетным существованием. Тимара сильна духом, но не умеет использовать эту силу. Вторая хранительница, Элис, подходит еще меньше. Даже сейчас Синтара ощущала ее затаенные сомнения и страдания. Женщины Старших хотя бы отчасти разделяли решительность и страстность драконьих королей. Интересно, выйдет ли что из ее хранительниц? – задумалась Синтара. Что нужно, чтобы их подстегнуть, испытать их нрав? Стоит ли тратить силы, чтобы выяснить, из какого теста слеплены эти женщины?

Что-то кольнуло Синтару в бок. Она нехотя открыла глаза и подняла голову. Перекатилась на лапы, встряхнулась и снова легла. Когда драконица уже опускала голову, ее внимание привлекло движение в высоком камыше. Дичь? Она присмотрелась. Нет – всего лишь двое хранителей, пробирающихся с берега в лес. Синтара их узнала. Девушка, Джерд, ухаживает

за Верас. Прислужница зеленой довольно рослая для человеческой самки, с короткой щетиной светлых волос. Тимара ее недолюбливает. Синтара знала об этом, но не задумывалась о причинах. С ней был Грефт. Драконица тихонько фыркнула. Этого человека она едва терпела. Может, он и хорошо ухаживает за черно-синим драконом, и начищает его чешую до блеска, но даже сам Кало не доверяет своему хранителю. Все драконы относятся к нему настороженно. А вот Тимара разрывается между интересом и страхом. Девушку влечет к нему – и раздражает это влечение.

Синтара принюхалась к ветру, уловила запахи удаляющихся хранителей и прикрыла глаза. Она поняла, что они задумали.

Ей в голову пришла занятная мысль. Она внезапно нашла способ испытать свою хранительницу, только вот стоит ли растрачивать силы? Может быть... А может, и нет. Драконица снова растянулась на чуть теплых камнях, сокрушаясь, что это не согретый солнцем песок. И принялась ждать.

*Пятый день месяца Молитв, шестой год Вольного союза торговцев
От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, – Детози,
смотрительнице голубятни в Трехоге*

Послание торговца Полона Мельдара Седрику Мельдару, в котором спрашивается, все ли у того благополучно и когда ожидать его возвращения.

Детози, похоже, кое-кого беспокоит судьба неких жителей Удачного, направлявшихся в Кассарик, но, по-видимому, уехавших куда-то дальше. Двое встревоженных родителей сегодня заходили ко мне порознь, обещая награду за скорые вести. Я помню, что ты не в лучших отношениях со смотрителем голубятни в Кассарике, но, может, все-таки выяснишь у него, что слышно о Седрике Мельдаре или Элис Кинкаррон-Финбок. Муж этой Финбок происходит из состоятельной семьи, и добрые вести, возможно, будут щедро вознаграждены.

Эрек

Глава 1

Подозрения

Чавкающая серая грязь липла к ее сапогам, мешая идти. Лефтрин впереди шагал к сгрудившимся драконьим хранителям и все сильнее отдалялся от Элис, увязшей в топкой почве.

– Метафора всей моей жизни, – сердито пробормотала та и решительно ускорила шаг.

Мигом позже ей подумалось, что еще несколько недель назад она сочла бы подобную прогулку по берегу не только малость авантюрной, но и чрезвычайно трудной задачей. Теперь же она видела перед собой всего-навсего лужу вязкой грязи, вполне преодолимую.

– Я меняюсь, – сказала себе Элис и вздрогнула, ощутив согласие Небозевницы.

Ты слушаешь все мои мысли? – спросила она драконицу, но ответа не получила.

Интересно, знает ли драконица о ее симпатии к Лефтрину и подробностях ее несчастливому браку? Лучше не думать на эти темы, чтобы не пускать Небозевницу в личную жизнь. Хотя все равно ведь ничего не получится... Неудивительно, что драконы такого низкого мнения о нас, если им доступны все наши мысли.

Уверяю тебя, по большей части ваши мысли кажутся нам настолько скучными, что мы не трудимся давать им оценку, – раздался прямо в мозгу ответ Небозевницы, а затем драконица с горечью прибавила: – *Мое истинное имя – Синтара. Почему бы и тебе его не узнать, раз уж Меркор разболтал его всем остальным.*

Как же это было восхитительно – общаться напрямую, разум с разумом, с таким поразительным существом!

Я так счастлива узнать твое истинное имя, – отважилась подольститься Элис. – *Синтара... Его величие воистину соответствует твоей красоте.*

Ответом ей было гробовое молчание. Синтара не пропустила ее слова мимо ушей, просто не сочла нужным ответить.

Что случилось с коричневым драконом? – попыталась сгладить неловкость вопросом Элис. – *Он болен?*

Медная вышла такой из кокона. Удивительно, что она вообще дожилась до этого дня, – равнодушно отозвалась Синтара.

Она?

Перестань мне так громко думать!

Элис едва удержалась от того, чтобы мысленно извиниться. Скорее всего, это лишь еще сильнее досадит драконице. А она уже почти нагнала Лефтрина. Толпа хранителей, собравшихся вокруг коричневого дракона, теперь расходилась. Когда Элис поравнялась с капитаном, на страже остались только большой золотистый дракон и его хранительница, девочка с розовой чешуей. Когда Элис подошла, дракон поднял голову и воззрился на нее сияющими черными глазами. Она почти физически ощутила толчок его взгляда. Лефтрин резко обернулся к Элис.

– Меркор хочет, чтобы мы оставили коричневого в покое, – сообщил капитан.

– Но... но вдруг бедняжке понадобится наша помощь? Кто-нибудь уже выяснил, что с ним такое? Или, может, с ней?

Что, если Синтара ошиблась или просто подшутила над Элис?

Золотистый дракон впервые обратился к ней напрямую. Его звучный, словно колокол, голос отозвался эхом у нее в груди, а разум заполнили мысли дракона:

– Релпду пожирают изнутри паразиты, а еще на нее напал хищник. Я сторожу ее, чтобы никто не забывал: драконы – драконья забота!

– Хищник? – ужаснулась Элис.

– Уходи! – резко бросил ей Меркор. – Это тебя не касается.

– Давай прогуляемся, – решительно сказал Лефтрин.

Капитан хотел предложить Элис руку, но вдруг отстранился. Ее сердце сжалось. Седрик постарался. Несомненно, тот считал своим долгом напомнить капитану Лефтрину, что Элис – замужняя женщина. И его упрек достиг цели. Никогда больше они с капитаном не смогут держаться непринужденно. Теперь оба будут постоянно помнить о приличиях. Даже если бы ее муж, Гест, вдруг объявился здесь во плоти и встал между ними, Элис не ощутила бы его присутствие более явственно.

И не смогла бы возненавидеть его сильнее.

Последняя мысль потрясла Элис. Разве она ненавидит мужа?

Она признавала, что он ранил ее чувства, пренебрегал ею, унижал и ей совершенно не нравилось подобное отношение. Но ненавидеть? Элис осознала, что никогда не позволяла себе так думать о муже.

Гест был хорош собой, образован, обаятелен и прекрасно воспитан. Для других. Ей же дозволялось тратить его деньги как заблагорассудится, при условии, что она не станет ему досаждать. Родители считали брак дочери удачным, а большинство женщин завидовали Элис.

А она ненавидит мужа. Вот так вот. Элис некоторое время молча шагала рядом с Лефтрином, пока тот не прокашлялся, нарушая ход ее мыслей.

– Прошу прощения, – машинально извинилась она. – Я задумалась.

– Думаю, от нас мало что зависит, – печально произнес капитан, и Элис кивнула, отнеся его слова к сумятице в собственной душе, однако он продолжил: – По-моему, никто не может помочь коричневой. Она либо выживет, либо умрет. А мы застрянем здесь до тех пор, пока все не решится.

– Так непривычно думать о ней в женском роде. И вдвойне печально, что она больна. Самок драконов осталось слишком мало. Так что я несколько не возражаю. В том смысле, что я не против задержаться здесь.

Элис хотелось, чтобы капитан подал ей руку. Она решила, что не станет отказываться.

Между берегом и рекой не было четкой границы. Грязь постепенно становилась все более топкой и влажной, а потом превращалась в воду. Элис с капитаном остановились у самого края потока. Грязь начала засасывать ее обувь.

– Нам, стало быть, деваться некуда? – проговорил Лефтрин.

Элис огляделась. За спиной остался низкий речной берег с вытоптанной травой, дальше – опушка леса, загроможденная плавником и заросшая кустами, позади которой начиналась уже настоящая чаща. С того места, где они стояли, она казалась неприступной и зловещей.

– Можно попробовать углубиться в лес... – начала Элис.

Лефтрин негромко засмеялся, но особого веселья в его смехе не слышалось.

– Я не то имел в виду. Я говорил о нас с тобой.

Элис заглянула капитану в глаза. Она поразилась откровенности Лефтрина, но затем решила, что искренность – единственная польза от вмешательства Седрика. Теперь им незачем отрицать, как сильно их влечет друг к другу. Элис жалела, что ей не хватает смелости взять капитана за руку. Вместо этого она просто смотрела на него, надеясь, что он сумеет угадать ее мысли сам.

Он сумел – и тяжело вздохнул:

– Что же нам делать, Элис?

Вопрос был риторическим, но она все же решила ответить.

Они прошли еще пару десятков шагов, прежде чем Элис подобрала слова, которые действительно выражали ее чувства. Капитан шагал, уставившись под ноги. И она произнесла, глядя на его профиль, окончательно отдавшись на волю судьбы:

– Делай что хочешь. Чего ты хочешь, того и я хочу.

Не сразу до него дошел смысл ее слов. Ей казалось, они станут для него благословением, но Лефтрин воспринял их как бремя. Лицо его окаменело. Он поднял взгляд. На берегу, неподалеку от них, стоял баркас и как будто глядел на капитана с сочувствием. Лефтрин заговорил, обращаясь к нему, похоже, в не меньшей степени, чем к самой Элис.

– Я обязан поступить правильно, – с сожалением заключил он. – Правильно для нас обоих, – прибавил он со всей окончательностью принятого решения.

– Я не позволю, чтобы меня выпроводили обратно в Удачный!

Капитан кривовато улыбнулся:

– О, ничуть не сомневаюсь, госпожа. Никто не собирается тебя никуда выпроваживать. Куда бы ты ни направилась, ты пойдешь по своей воле или не пойдешь вовсе.

– Просто хотела убедиться, что ты это понимаешь, – откликнулась Элис, постаравшись принять уверенный и независимый вид.

Она потянулась, обеими руками взялась за мозолистую лапищу Лефтрина и крепко стиснула, прислушиваясь к ощущению его грубоватой силы. Капитан в ответ бережно сжал ладонь Элис. А затем отпустил.

Дневной свет казался тусклым. Седрик крепко зажмурился и снова открыл глаза. Не помогло. Головокружение усилилось, и он невольно нашарил стенку каюты. Баркас как будто ходил ходуном под ногами, хотя он точно знал, что судно стоит у берега. Где же у этой проклятой двери ручка? Он никак не мог ее разглядеть. Седрик привалился к стене и часто задышал, силясь побороть приступ тошноты.

– Как ты там? – донесся откуда-то сбоку низкий голос, вроде бы знакомый.

Седрик постарался собраться с мыслями. Карсон, охотник. Тот, что с густой рыжей бородой. Вот кто с ним заговорил.

Седрик осторожно вдохнул:

– Сам не знаю. Здесь вообще светло? Все кажется таким тусклым.

– Сегодня ясно, приятель. Солнце шпарит так, что на воду не взглянуть.

В голосе охотника угадывалась тревога. С чего бы? Они ведь едва знакомы.

– А мне мерещится, что сумрачно. – Седрик пытался говорить обычным тоном, но собственный голос казался ему далеким и слабым.

– У тебя зрачки как булавочные головки. Давай-ка обопрись на меня. Устроим тебя на палубе.

– Не хочу я сидеть на палубе, – чуть слышно возразил Седрик, но если Карсон и разобрал его слова, то не обратил на них никакого внимания.

Здоровяк-охотник приобнял Седрика за плечи и мягко, но решительно усадил прямо на грязную палубу. Седрику не хотелось думать, во что превратятся на грубых досках его брюки. Однако мир как будто бы стал раскачиваться чуть меньше. Седрик прислонился затылком к стенке каюты и закрыл глаза.

– Выглядишь так, будто чем-то отравился. Или наглотался какой-то дряни. Ты белый, как вода в реке. Я сейчас вернусь. Принесу тебе попить.

– Отлично, – слабо пробормотал Седрик.

Охотник казался лишь чуть более темной тенью в тусклом мире. Седрик чувствовал, как отдаются в палубе его шаги, и даже от этой слабой дрожи его мутило. Но потом охотник ушел, а Седрик ощутил другую дрожь. Еще слабее и не такую ритмичную, как от шагов. На самом деле это даже и не дрожь, решил он. Но все же нечто – нечто дурное и притом направленное на него. Нечто знало, что он сделал с коричневым драконом, и ненавидело его за это. Нечто древнее, могущественное и темное осуждало его. Седрик зажмурился сильнее, но от этого ощущение враждебности лишь сделалось ближе.

Вернулись шаги, зазвучали громче.

Охотник опустил на корточки рядом с ним:

– Вот. Выпей. Это тебя взбодрит.

Седрик обеими руками взял теплую кружку, почуяв запах дрянного кофе. Поднес к губам, отхлебнул, и глотку обожгло добавленной в питье щедрой порцией крепкого рома. Седрик попытался не выплюнуть пойло прямо на себя, подавился, проглотил и закашлялся. Он сипло задыхался и открыл слезящиеся глаза.

– Ну как, полегче? – спросил его этот негодай.

– Полегче? – гневно переспросил Седрик слегка окрепшим голосом.

Он сморгнул наворачнувшиеся слезы и разглядел-таки Карсона, сидящего перед ним на корточках. Рыжая борода была заметно светлее всклокоченной копны волос. Глаза у охотника оказались не карими, а редкого черного цвета. Он улыбался, чуть склонив голову набок. Словно кокер-спаниель, со злостью подумал Седрик и заскреб сапогами по палубе, тщетно пытаясь подобрать ноги под себя и подняться.

– Проводить тебя до камбуза?

Карсон забрал у Седрика кружку, после чего с легкостью подхватил его под мышки и поставил на ноги.

Голова юноши вяло мотнулась.

– Да что со мной такое?

– Откуда же мне знать? – дружелюбно откликнулся охотник. – Может, перебрал вчера вечером? В Трехоге-то тебе могли подсунуть какую-нибудь дрянь. А если затаривался в Кас-сарике, то отравился наверняка. Они там перегоняют что попало: корни, фруктовые очистки... Обопрись на меня и не рыпайся. Я знал одного парня, так тот пытался гнать спирт из рыбьей кожи. Заметь, даже не из рыбы целиком, а только из кожи. И не сомневался, что получится... Вот мы и на месте. Береги голову... А теперь садись за стол. Тебе надо хоть немного поесть. Пища впитает ту дрянь, которой ты нахлебался, и станет лучше.

Карсон, понял вдруг Седрик, на целую голову выше его. И гораздо сильнее. Охотник провел его по палубе, втащил на камбуз и усадил за стол, словно мать – непослушного ребенка. И его зычный, низкий голос звучал почти успокаивающе, если не принимать в расчет грубоватые слова. Седрик уперся локтями в липкую столешницу и спрятал лицо в ладонях. От вони застарелого жира, дыма и еды ему сделалось еще хуже.

Карсон сутился на камбузе: высыпал что-то в миску, плеснул из чайника кипятку. Выждал немного, потыкал ложкой и поставил угощение на стол. Седрик поднял голову, взглянул на месиво в миске, и его едва не вырвало. Во рту снова появился привкус багряной драконьей крови, а ее запах заполнил ноздри. Седрик едва не лишился чувств.

– Вот, от этого тебе наверняка полегчает, – заявил Карсон. – Давай съешь немного. Чтобы нутро успокоилось.

– Что это?

– Сухари, размоченные в кипятке. Действуют словно губка, если неладно с брюхом или к утру надо быть как стеклышко.

– Выглядит отвратительно.

– Это уж точно. Ешь давай.

Седрик давно не ел, а во рту и в носу до сих пор стояло послевкусие драконьей крови. Хуже уже не будет, решил он, взял большую ложку и помешал мерзкую кашу.

Ученик охотника, Дэвви, заглянул в камбуз.

– Что стряслось? – спросил он.

В его голосе угадывалась тревога, что несколько озадачило Седрика. Он сунул в рот ложку размоченных сухарей. Никакого вкуса, только текстура.

– Ничего по твоей части, Дэвви, – строго ответил мальчишке Карсон. – А у тебя полно работы. Займись-ка починкой тех сетей. Бьюсь об заклад, мы проторчим здесь до конца дня.

Закинем раз-другой сеть по течению – может, рыбы наловим. Но только если починить сеть. Так что за работу.

– А он? Что с ним случилось? – В голосе мальчишки угадывались едва ли не обвиняющие нотки.

– Он болен, хотя тебя это совершенно не касается. Займись делом и не путайся под ногами у старших. Ступай.

Дэвви не то чтобы хлопнул дверью, однако закрыл ее резче, чем следовало бы.

– Мальчишки! – с негодованием воскликнул Карсон. – Воображают, будто знают, чего хотят, но позволь я ему это – что ж, он тотчас же смекнет, что еще не готов. Уверен, ты-то понимаешь, о чем я.

Седрик проглотил липкую массу. Сухари перебили привкус драконьей крови. Он съел еще ложку и только тут сообразил, что Карсон смотрит на него, дожидаясь ответа.

– У меня нет детей. Я не женат, – проговорил он, зачерпывая еще сухарей.

Охотник был прав. Желудок уже успокаивался, и в голове прояснилось.

– Да я и не сомневался, – улыбнулся Карсон, как будто оценил шутку. – У меня тоже никого. Просто мне показалось, что ты маленько разумеешь в мальчишках вроде Дэвви.

– Нет. Ничего подобного.

Седрик был благодарен охотнику за его простецкое лекарство, однако предпочел бы, чтобы Карсон уже заткнулся и ушел. У него и без того голова шла кругом от мыслей. Седрику требовалось время, чтобы во всем разобраться, а не забивать мозги пустой болтовней. Его встревожили слова Карсона об отравлении. О чем он вообще думал, пробуя драконью кровь на вкус? Он не помнил, что заставило его это сделать. Он намеревался лишь взять у этой твари немного крови и чешуи. Плоть и кровь дракона стоят целое состояние, а именно состояния ему и не хватает. Гордиться нечем, но что сделано, то сделано. Выбора у него не было. Они с Гестом смогут вместе уехать из Удачного, только если Седрик накопит достаточно средств. Драконья кровь и чешуя купят ему ту жизнь, о которой он всегда мечтал.

Дело казалось таким простым, когда он украдкой сошел с баркаса, чтобы забрать необходимое у больного дракона. Тварь явно умирала. Какая кому разница, если Седрик возьмет несколько чешуек? Стекланные пузырьки стали такими тяжелыми, когда он наполнил их кровью. Он собирался продать ее герцогу Калсиды как лекарство от болезней и старости. Сам он вовсе не собирался ее пробовать. Он не помнил даже того, как захотел отпить драконьей крови, не говоря уже о том, как действительно на это решился.

Считается, что драконья кровь обладает невероятной целебной силой, но, возможно, как и прочие лекарства, она может стать и ядом тоже. Неужели он действительно отравился? Поправится ли он? Жаль, спросить не у кого... А ведь Элис может знать! Она столько всего прочла о драконах, – наверное, ей известно, как действует на человека их кровь. Только как бы ее расспросить? Так, чтобы не навлечь на себя подозрений?

– Ну что, полегчало хоть немного твоему нутру от этой закуски?

Седрик резко вскинул голову и сейчас же пожалел об этом. На миг его одолело головокружение, но вскоре прошло.

– Да. Да, стало легче.

Карсон сидел напротив Седрика и внимательно разглядывал его. Черные глаза неотрывно смотрели ему в лицо, как будто охотник пытался прочесть его мысли. Седрик снова уткнулся в миску и заставил себя съесть еще ложку месива. Животу оно помогало, но удовольствия от еды не было никакого. Он поднял глаза и опять встретился взглядом с Карсоном, который внимательно наблюдал за ним.

– Спасибо за помощь. Я бы не хотел отрывать тебя от дел. Уверен, теперь я уже справлюсь сам. Должно быть, ты прав, я съел или выпил что-нибудь не то. Так что не стоит обо мне беспокоиться.

– Не беспокойство и было.

И охотник снова замолчал, как будто бы ждал от него чего-то еще. Непонятно только чего. Седрик снова уставился на свою «еду».

– Ну, мне уже лучше. Спасибо.

Охотник все еще медлил, но Седрик решил не отрывать взгляда от миски. Он ел размоченные сухари понемногу, делая вид, будто это занимает все его внимание. Взгляд Карсона беспокоил его. И когда охотник поднялся из-за стола, Седрик подавил вздох облегчения. Огибая стул Седрика, Карсон положил ему на плечо тяжелую руку и наклонился к самому уху.

– Надо нам с тобой как-нибудь побеседовать, – произнес он негромко. – Подозреваю, у нас гораздо больше общего, чем тебе кажется. Возможно, нам стоит больше доверять друг другу.

«Он знает». При этой мысли Седрик едва не подавился размоченными сухарями.

– Возможно, – сумел выдавить он, и хватка на плече ослабла.

Охотник, хмыкнув, убрал руку и вышел на палубу. Когда дверь захлопнулась за ним, Седрик оттолкнул от себя миску и уронил голову на руки.

«Что же теперь будет? – спросил он у окружающей его тьмы. – Что будет?»

Коричневая драконица казалась мертвой. Тимаре хотелось подойти поближе и убедиться, однако золотистый страж пугал ее. Меркор сидел почти неподвижно с тех пор, как она в последний раз проходила мимо них. Сейчас взгляд черных глаз сосредоточился на ней. Дракон не заговаривал, однако она ощутила его мысленное отторжение.

– Я просто беспокоюсь о ней, – произнесла Тимара вслух.

Сильве дремала, приткнувшись к передней лапе своего дракона. Услышав голос Тимары, она открыла глаза. Виновато покосилась на Меркора, а затем подошла к девушке.

– Он полон подозрений, – пояснила она. – Считает, что кто-то нарочно навредил коричневой драконице. Так что он стоит на страже, чтобы защитить ее.

– Защитить или первым съесть, когда она умрет? – Тимаре удалось произнести вопрос так, чтобы он не прозвучал обвинением.

Сильве ничуть не оскорбилась:

– Защитить. Он видел смерть стольких драконов с тех пор, как они вышли из коконов. Самок осталось так мало, что даже чашую и ущербную разумом следует беречь. – Сильве неловко фыркнула и прибавила: – Прямо как у нас.

– Что?

– Как у нас, хранителей. Среди нас всего четыре женщины, остальные мужчины. Меркор говорит, какими бы убогими мы ни были, мужчины все равно должны нас беречь.

Тимара лишилась дара речи. Она невольно подняла руку к лицу, дотронулась до чешуек, покрывающих нижнюю челюсть и скулы. Обдумала возможные последствия, но все-таки решила быть откровенной.

– Сильве, мы не вправе искать супругов или любовников. Мы все знаем правила, даже если Меркор их не знает. Дождевые чащобы отметили большинство из нас еще при рождении, и все мы помним, что это означает. Короткую жизнь. Если мы зачнем, почти никто из детей не выживет. Таких, как мы, оставляют умирать сразу после рождения. Все мы понимаем, зачем нас отобрали для этой работы. Не только для того, чтобы ухаживать за драконами. Но и чтобы заодно избавиться от нас.

Сильве окинула Тимару долгим взглядом и спокойно ответила:

– Это правда, точнее, прежде это было правдой для нас. Но Грефт считает, что мы можем изменить правила. Он говорит, когда мы доберемся до Кельсингры, она станет нашим городом, где мы сможем жить вместе с драконами. И там мы заведем собственные правила. Насчет всего.

Тимара ужаснулась легковерию девочки:

– Сильве, мы ведь даже не знаем наверняка, существует ли до сих пор Кельсингра! Скорее всего, она погребена под землей, как и прочие города Старших. Честно говоря, я никогда не верила, что мы доберемся туда. Мне кажется, лучшее, на что мы можем надеяться, – это отыскать место, пригодное для жизни драконов.

– И что потом? – возмутилась Сильве. – Оставим их там, а сами вернемся обратно в Трехог? Ради чего? Чтобы снова жить украдкой и стыдась, постоянно извиняясь за свое существование? Я не хочу этого, Тимара! И многие хранители со мной согласны. Где бы ни осели драконы, там останемся и мы. Значит, у нас будет новый город. И новые правила.

Внимание Тимары отвлек громкий хруст. Они с Сильве разом обернулись и увидели, как потягивается Меркор. Он поднял золотистые крылья и расправил их во всю ширь. Тимару поразило не только то, какие они огромные, но и рисунок в виде глаз, словно на перьях у павлина. Дракон еще раз встряхнул ими, обдав ее резким порывом ветра и драконьего запаха. Складывал он их неуклюже, как будто раньше и не пробовал ими шевелить. Он плотно прижал крылья к спине и снова замер на своем посту над коричневой.

Тимара внезапно осознала, что Меркор с Сильве обмениваются мысленными репликами. Дракон не издал ни звука, однако она что-то ощутила, хотя никто не вовлекал ее в разговор. Сильве подняла на нее извиняющийся взгляд.

– Ты пойдешь на охоту? – спросила девочка.

– Наверно. Вряд ли мы сегодня двинемся дальше.

Тимара старалась не думать об очевидном: пока коричневая не умрет, они с места не тронутся.

– Если пойдешь и добудешь свежего мяса...

– То поделюсь, чем смогу, – закончила за нее Тимара.

Она постаралась не сожалеть о данном обещании. Мясо для Синтары, мясо для больной Медной и слабоумного Серебряного. Зачем она вообще вызвалась им помогать? Она и Синтару-то не может как следует прокормить. А теперь еще и пообещала, что постарается принести еды для Меркора, золотистого дракона Сильве. Остается надеяться, что охотники тоже пойдут в лес.

С того дня, как драконы впервые поохотились сами, они научились промышлять для себя дичь и рыбу. Правда, успехи их были невелики – драконы созданы, чтобы охотиться в небе, а не ковылять за жертвой по земле. Однако все они достигли некоторых успехов. Переход на свежее мясо и рыбу, похоже, пошел на пользу почти всем. Они похудели, но нарастили мышцы. Проходя мимо драконов, Тимара оценивающе оглядела их и с удивлением поняла, что они стали куда больше походить на изображения с гобеленов и посуды, оставшихся от Старших. Девушка даже задержалась, чтобы присмотреться внимательнее.

Арбук, серебристо-зеленый самец, плескался на мелководье. Время от времени он опускал под воду голову, забавляя Алума, своего хранителя. Тот брел рядом, держа наготове острогу, хотя резвящийся дракон наверняка распугал всю рыбу. На глазах у Тимары Арбук расправил крылья. Они казались нелепо длинными по сравнению с телом, однако он все равно захлопал ими, баламутя воду и обдавая брызгами Алума. Тот возмущенно закричал, и дракон озадаченно замер. Вода капала с его расправленных крыльев. Тимара залюбовалась им.

Затем она резко развернулась и отправилась на поиски Синтары.

«Синтара, а не Небозевница», – угрюмо напомнила она себе.

Почему ее так сильно задело то, что некоторые драконы и не думали утаивать свои истинные имена от хранителей? Джерд, похоже, знала имя своей подопечной с первого же дня. И Сильве тоже. Тимара стиснула зубы. Синтара гораздо красивее всех остальных драконов. И зачем только ей достался такой несносный характер?

Синюю драконицу она застала разлегшейся с несчастным видом на клочке мокрой земли среди камышей и травы. Положив голову на передние лапы, та наблюдала за текущей водой.

Она не оглянулась и вообще ничем не выдала, что заметила Тимару, пока не заговорила.

– Нам надо двигаться дальше, а не торчать здесь, – сообщила она. – До зимних ливней осталось не так много дней, а когда они начнутся, река станет глубже и быстрее. Это время нам следовало бы потратить на поиски Кельсингры.

– Так ты считаешь, что мы должны бросить коричневую?

– Релпду, – поправила Синтара, и в ее мысленном голосе прозвучали мстительные нотки. – Почему никто до сих пор не знает ее истинное имя, в отличие от моего? – Драконица подняла голову и вдруг потянулась передними лапами, выпустив когти. – И она станет медной, а не коричневой, если за ней хорошенько ухаживать. Вот смотри. У меня расщепился коготь. Это все из-за ходьбы по камням под водой. Принеси бечевку и перевяжи его. А потом замажь варом, которым вы лечили хвост Серебряного.

– Дай-ка взглянуть.

Коготь разлохматился и размяк из-за постоянного пребывания в едкой воде. Он начал щепиться на конце, но, к счастью, до мяса трещина еще не добралась.

– Схожу к капитану Лефтрину и спрошу, есть ли у него в запасе бечевка и вар. И раз уж мы этим занялись, давай осмотрим тебя целиком. Остальные когти целы?

– Они все слегка размягчились, – признала Синтара.

Драконица протянула к Тимаре вторую переднюю лапу и растопырила пальцы, выпуская когти. Девушка закусила губу: все обтрепались по краям, словно твердый плавник, со временем поддавшийся влаге. Мысль о сырой древесине подсказала ей возможное решение.

– А что, если обработать их маслом? Или залакировать, чтобы защитить от воды.

Драконица отдернула лапу, едва не сбив Тимару с ног, и сама внимательно осмотрела когти.

– Возможно, – сдержанно согласилась она.

– Встань, пожалуйста, и потянись. Мне нужно проверить, нет ли грязи или паразитов.

Драконица недовольно заворчала, но все же подчинилась. Тимара неспешно обошла вокруг нее. Она и не замечала, насколько изменилась ее подопечная. Синтара заметно похудела, но окрепла. Едкая речная вода плохо сказывалась на чешуе, зато постоянное движение против течения делало драконицу сильнее.

– Расправь крылья, – попросила Тимара.

– Не хочу, – сухо заявила драконица.

– Предпочитаешь, чтобы в складках поселились паразиты?

Драконица снова заворчала, однако встряхнула крыльями и расправила их. Кожистые складки слиплись, словно зонтик, слишком долго пролежавший мокрым, и запах от них шел неприятный. Чешуйки на крыльях выглядели нездоровыми, тонкие кончики побелели, словно палая листва, тронутая плесенью.

– Плохо дело! – испуганно воскликнула Тимара. – Ты их вообще моешь? Разминаешь их, машешь? Твоей коже не хватает солнечного света. И чистки.

– Все не так уж и скверно, – прошипела драконица.

– Ты не права. Крылья в складках влажные и дурно пахнут. Хотя бы не складывай их, пока я хожу за варом и бечевой.

Не обращая внимания на возмущение Синтары, Тимара схватила крыло за кончик и расправила его. Драконица попыталась сложить его, но девушка упрямо тянула на себя. И удержать его оказалось слишком уж легко. Мышцы дракона должны быть гораздо сильнее. Тимара попыталась подобрать верное слово. Атрофия. Мышцы на крыльях Синтары атрофируются за ненадобностью.

– Синтара! Если ты не слушаешь меня и не займешься крыльями, скоро ты вообще не сможешь ими пошевелить.

– Даже не думай об этом! – прошипела драконица.

Она резко хлопнула крылом, вырвав его из рук Тимары, и та упала коленями в грязь. Девушка воззрилась на драконицу, а та негодуяще принялась снова складывать крылья.

– Стой! погоди, что это там? Синтара, расправь крыло еще раз. Дай мне заглянуть под него. Похоже, там наждачная змея!

Драконица застыла:

– Что еще за наждачная змея?

– Они обитают в тенистых местах. Тонкие, как пруттик, но очень длинные. Нападают невероятно быстро, а на морде у них зуб вроде яйцевого. Они кусают и вцепляются, зарываясь в плоть. А потом так и висят и кормятся. Я видела обезьян, обвешанных змеями так, как будто у них по сотне хвостов. Зачастую вокруг раны начинается воспаление, и животное гибнет. Редкостная пакость. Расправь крыло. Позволь мне взглянуть.

Она висела высоко под крылом – длинная, мерзкая тварь, похожая с виду на змею. Когда Тимара собралась с духом, чтобы дотронуться до нее, паразит внезапно принялся яростно извиваться, и Синтара вскрикнула от испуга и боли.

– Что это? Сними это с меня! – потребовала драконица, сунула голову под крыло и вцепилась в змею.

– Стой! Не кусай ее и не тяни. Если ты дернешь, голова змеи оторвется, останется в ране и нагноится. Пусти ее, Синтара. Выпусти змею, я все сделаю сама!

Глаза Синтары сверкнули медью, однако она послушалась.

– Вытащи ее из меня! – проговорила драконица сдавленным, яростным голосом, и Тимара вздрогнула, ощутив скрывающийся за гневом страх. – Поспеш, – мгновением позже добавила Синтара. – Я чувствую, как она там шевелится. Она пытается зарыться глубже. Спрятаться в моем теле.

– Да поможет нам Са! – воскликнула Тимара.

К горлу подкатила тошнота. Она попыталась вспомнить, что рассказывал отец о том, как избавляться от наждачных змей.

– Только не огонь, ни в коем случае. Если змею обжечь, она заползет еще глубже. Был какой-то другой способ... – Тимара лихорадочно рылась в памяти, пока ее не осенило. – Виски! Надо спросить, нет ли его у капитана Лефтрина. Не двигайся.

– Быстрее! – взмолилась Синтара.

Тимара бросилась было к баркасу, но вдруг увидела, что Элис и капитан прогуливаются неподалеку. Она свернула и помчалась к ним.

– Капитан Лефтрин! – кричала она на бегу. – Капитан Лефтрин, мне нужна твоя помощь!

Услышав ее, капитан с Элис оглянулись и поспешили навстречу. Когда они наконец-то добрались друг до друга, Тимара уже задыхалась.

– В чем дело, девочка? – обеспокоенно спросил Лефтрин.

– Наждачная змея! – только и смогла выговорить она в ответ. – На Синтаре. Впервые вижу такую здоровую. Зарывается в грудь, под крылом.

– Проклятые твари! – воскликнул капитан.

Тимара была признательна за то, что не пришлось ничего объяснять. Она хватала ртом воздух.

– Мой отец обычно выгонял их спиртным.

– Годится, но теребенное масло лучше. Поверь мне. Мне как-то пришлось вытаскивать змею из собственной ноги. Пойдем, девочка, на борту есть немного масла. Элис! Если один дракон пострадал, весьма вероятно, что и другие тоже. Скажи всем хранителям, чтобы проверили своих подопечных. И ту коричневую, что там лежит, тоже. Обязательно осмотрите. Загляните ей под брюхо. Змеи обычно кусают местечко понежнее, а затем уже заползают глубже.

Когда Лефтрин отвернулся от нее и направился к баркасу, Элис захлестнула волна решимости. Она поспешила вдоль берега, от одного хранителя к другому, извещая их об опасности.

Грефт почти сразу нашел змею на брюхе Кало – она пряталась за одной из задних лап дракона. Три впились в Сестикана. Когда его хранитель, Лектер, обнаружил короткие змеиные хвосты, Элис на миг показалось, что мальчик вот-вот рухнет без чувств. Она резко заговорила с ним, чтобы вырвать его из испуганного оцепенения, и велела вести Сестикана к Синтаре и ждать вместе с ней капитана Лефтрина. Парнишку, кажется, изумило то, насколько строгой способна быть Элис. Он с трудом сглотнул, взял себя в руки и повиновался.

А она совладала с собственным потрясением и поспешила дальше. Добравшись до Сильве и золотистого дракона, охраняющего грязную коричневую, Элис невольно замешкалась, собираясь с духом. Ей не хотелось спорить с драконом; она с радостью бы развернулась и поспешила прочь. И ей потребовалось некоторое время, чтобы убедить себя: это желание вызвано не ее собственной трусостью, а попытками дракона прогнать ее. Она расправила плечи и подошла к нему и девочке.

– Я пришла выяснить, нет ли у этой драконицы паразитов. Некоторые из ваших собратьев пострадали от наждачных змей. Пусть твоя хранительница осмотрит тебя, пока я занимаюсь коричневой.

Несколько мгновений золотистый дракон просто смотрел на нее. Как эти непроницаемые черные глаза могут излучать такой холод?

– Наждачные змеи?

– Паразиты, вгрызающиеся в плоть. Тимара говорит, обычно эти твари водятся в тенистых местах. Но эти, по ее мнению, обитают в реке. Они гораздо крупнее обычных. Эти змеи кусают жертву и зарываются вглубь, питаюсь соками твоего тела.

– Какая мерзость! – заключил Меркор. Не медля ни секунды, он поднялся и расправил крылья. – Моя шкура зудит от одной мысли о подобном. Сильве, сейчас же проверь, нет ли на мне этих тварей!

– Меркор, я полностью вычистила тебя сегодня. Сомневаюсь, что я проглядела бы такую гадость. Но я посмотрю.

– А я должна взглянуть на коричневую драконицу – нет ли змей у нее, – твердо заявила Элис.

Она ожидала, что Меркор возразит ей. Но он, похоже, забыл обо всем, испугавшись, что на нем самом могли завестись паразиты.

Элис отважилась подойти к безразличной медной драконице. Та лежала свернувшись, так что осмотреть ей брюхо было непросто, если вообще возможно. И Сильве была права: Медная была покрыта таким слоем грязи, будто кто-то нарочно обмазал ее. Чтобы понять, есть у нее паразиты или нет, придется сначала отмыть ее.

Элис беспомощно покосилась на Сильве, но девочка была всецело поглощена Меркором. Элис устыдилась своего первого побуждения. Что она собиралась сделать? Приказать ребенку вычистить коричневую, чтобы она, Элис, смогла осмотреть ее, не замавав рук? Тоже, выискалась важная птица! Много лет она уверяла всех, будто разбирается в драконах, но при первой же возможности помочь одному из них испугалась капельки грязи? Ну уж нет. Только не Элис Кинкаррон.

Неподалеку от того места, где лежала Медная, на берегу остались невытоптанные заросли камыша, чьи метелки доходили Элис почти до пояса. Она сняла с пояса короткий ножик, срезала полдюжины стеблей, скомкала в грубую мочалку и, вернувшись к драконице, начала усердно отскребать ее, начав с выставленного вверх плеча.

Засохшая грязь оказалась речным илом и сходила на удивление легко. Грубая мочалка обнажила медные чешуйки, которые вскоре чудно заблестели. Релпда не издала ни звука, однако Элис померещилась невнятная благодарность, исходящая от несчастной. Она удвоила старания, натирая спину драконицы вдоль хребта. За работой Элис все больше проникалась почтением к размерам дракона – ноющие мышцы говорили о них куда лучше, чем зрение.

Обширная шкура, нуждающаяся в мытье, неожиданно напомнила ей о трудах матросов, отдраивающих палубу баркаса. А ведь это еще мелкая драконица. Элис оглянулась через плечо на сверкающего золотой чешуей Меркора и мысленно сравнила его с маленькой девочкой, ухаживающей за ним. Сколько же часов она посвящает подобной работе каждый вечер?

Как будто почувствовав ее взгляд, Сильве обернулась к Элис:

– Он чист с головы до ног. Змей нет. Теперь я помогу тебе с Релпдой.

Из гордости Элис хотелось ответить, что она прекрасно справится сама. Но вместо этого она неожиданно для себя искренне поблагодарила девочку. Сильве улыбнулась, и на мгновение у нее на губах заиграли солнечные лучи. У нее что, и рот в чешуе? Элис резко отвела взгляд и снова занялась делом. Густой ил ручьями стекал по бедру Релпды, впитываясь в сырую почву под ней. Сильве вроде бы была не настолько чешуйчатой, когда они встретились впервые. Неужели она меняется так же стремительно, как и драконы?

Девочка присоединилась к Элис, прихватив с собой такую же грубую камышовую мочалку.

– Отличная мысль. Я обычно использовала хвойные лапы, когда удавалось их найти, или просто пригоршни листьев. Но камыш гораздо лучше.

– Будь у меня время переплести между собой стебли и листья, стало бы еще удобнее. Но думаю, мы и так справимся.

Элис было непросто говорить и работать одновременно. За годы, проведенные в доме Геста, ее мышцы потеряли силу. В детстве она всегда помогала убирать дом – ее семья не могла себе позволить держать много слуг. И вот теперь по спине Элис стекал пот, а на ладонях начали вздуваться мозоли. Плечи уже ныли. Ну и пусть! Немного потрудиться никому не вредно. А оглядывая вычищенный участок драконьей шкуры, Элис испытывала прилив гордости.

– Что это? Что тут такое? Это дырка от змеи?

Испуг и горе в голосе Сильве, кажется, передались ее дракону.

Меркор неуклюже подошел ближе и опустил голову, чтобы обнюхать пятно на медной шее.

– На что это похоже? – спросила Элис, опасаясь подходить ближе, пока золотистый так сосредоточен.

– Шкура повреждена. Грязь вокруг влажная – возможно, от крови. Сейчас она не сочится, но...

– Что-то проткнуло ей кожу, – высказал мнение Меркор. – Но это вовсе не «дырка от змеи», дорогая моя. И все же запах крови сильный, значит вытекло ее немало.

Элис собралась с мыслями:

– Не думаю, что наждачные змеи прогрызают дыры, чтобы заползти в тело. Кажется, они просто впиваются и сосут кровь.

Меркор стоял совершенно неподвижно, нависая над Медной. Его черные зрачки терялись в глянцево-черных радужках, но Элис показалось, что в них кружатся медленные вихри. Дракон будто унесся мыслями далеко от них. Затем встряхнулся всем телом, вздыбив чешуйки и став похож больше на кота, чем на ящера. И тут же Элис снова ощутила присутствие его разума. Как же это было чудесно! Если бы Меркор не покинул их на этот краткий миг, она никогда не осознала бы, насколько сильно влияет на нее дракон, когда сосредоточен на людях.

– Мне ничего не известно о змеях, называемых наждачными. Хотя давным-давно я слышал о тварях, похожих на твое описание. Тогда они назывались буравами и вгрызались очень глубоко. Они могут быть куда опаснее этих наждачных змей, о которых говорят другие хранители.

– Са, смилуйся над нами! – тихонько пробормотала Сильве.

Она чуть постояла молча, сжимая в руках камышовую мочалку. Затем вдруг обошла вокруг драконицы и подтолкнула ее.

– Релпда! – выкрикнула она, словно пытаюсь пробиться сквозь оцепенение Медной. – Перевернись. Я хочу осмотреть твой живот. Перекатись на бок!

К изумлению Элис, больная драконица зашевелилась. Она слабо засучила задними лапами по грязи, в которой лежала. Приподняла трясущуюся голову, разлепила веки, после чего уронила ее обратно на землю.

– Посторонитесь! – грубовато приказал Меркор.

Элис с Сильве тотчас же повиновались, отскочив назад, чтобы пропустить его к расprostертой драконице. Золотой опустил голову, подsunул морду под Релпду и попытался перевернуть ее. Та слабо заворчала и заскребла лапами, как будто его усилия причинили ей боль.

– Он ее поедает? Мне кажется, она еще жива! – вмешался еще один драконий хранитель, неожиданно подошедший к ним.

Рапскаль, вспомнила Элис. Так ведь его зовут? Симпатичный парнишка, несмотря на обычные для Дождевых чащоб странности. Его густые темные волосы и руки с черными когтями странно сочетались с бледно-голубыми глазами и безмятежной улыбкой. Вместе с ним подошла его коренастая красная, с короткими толстыми лапами и ярко сверкающей чешуей. Когда Рапскаль остановился рядом с девушками, она нежно прильнула щекой к своему хранителю, едва не сбив его с ног.

– Прекрати, Хеби! Ты крупнее и сильнее, чем тебе кажется! Стой на собственных лапах.

В голосе хранителя прозвучало больше нежности, чем упрека. Он отпихнул драконицу плечом, а та игриво боднула его в ответ.

– Меркор вовсе не ест ее! – возмутилась Сильве. – Он пытается ее перевернуть, чтобы мы могли осмотреть живот и поискать паразитов. Есть такие похожие на змей твари...

– Знаю. Я только что видел, как их снимали с Сестикана. Меня прямо замутило, когда их вытаскивали, а Лектер едва не плакал и винил во всем себя. Никогда еще не видел его в таком отчаянии.

– Но змей вытащили?

– Да, конечно, вытащили. Хотя это наверняка больно. Синий здоровяк пищал, как мышь, пока они лезли. Не знаю, что уж там намешал капитан Лефтрин, но этим снадобьем просто помазали вокруг дыры, в которую забралась змея, и та почти сразу начала извиваться, а там и пятиться назад. С ней вышло много крови и какой-то жижи, жутко вонючей! И наконец змея вывалилась на землю, Татс прыгнул на нее и разрубил топором. Я так обрадовался, что осматриваю Хеби каждый день от макушки до пят. Верно, Хеби?

Красная драконица фыркнула в ответ и снова боднула Рапскаля, отчего мальчик покачнулся. От его рассказа Элис слегка подурнело, но Сильве явно думала о другом.

– Рапскаль, нельзя ли устроить так, чтобы Хеби помогла Меркору? Мы пытаемся перевернуть Медную на спину.

– Ясное дело, можно. Довольно будет просто попросить. Эй, Хеби! Хеби, посмотри сюда, посмотри на меня. Хеби, послушай... Выслушай меня, девочка. Помоги Меркору перевернуть медную драконицу на спину. Понимаешь? Поможешь ее перевернуть? Ты ведь справишься? Ведь моя большая сильная драконица сможет это сделать для меня? Конечно сможет. Давай же, Хеби. Подсунь под нее нос, вот сюда, как Меркор. Вот моя умница! А теперь поднимай и толкай, Хеби, поднимай и толкай!

Маленькая красная драконица уперлась лапами в землю. На глазах у Элис мышцы на короткой толстой шее взбугрились. Драконица взрыкнула от усилий, и вдруг Релпда подалась. Она взвизгнула от боли, но Меркор с Хеби не обратили внимания на ее жалобы. Тяжело пыхтя и ворча, они перевернули Медную на спину. Ее лапы беспомощно месили воздух.

– Поддержи ее так, Хеби. Вот же умница. Держи ее!

В ответ на просьбу Рапскаля маленькая красная драконица собралась с силами и замерла, упершись головой в медный бок. Мышцы на шее вздулись, но золотистые глаза лучились счастьем от шумных похвал хранителя.

– Смотрите! – велел Меркор.

Элис в ужасе уставилась на Медную. Грязное брюхо драконицы было утыкано змеиными хвостами. Их оказалось не меньше дюжины, и торчащие наружу кончики хвостов извивались и подергивались из-за того, что их жертва пошевелилась. Сильве зажала рот обеими руками и отступила на шаг назад.

– Она не давала мне чистить ей брюхо, – чуть слышно бормотала девочка сквозь пальцы, качая головой. – Я пыталась. Честно, пыталась! Она всякий раз вырывалась и закапывалась в грязь. Так она пыталась от них избавиться, да, Меркор? Она не давала мне чистить ей брюхо, потому что ей было больно.

– Она недостаточно ясно мыслит, чтобы понять, что ты можешь ей помочь, – мрачно проговорил Меркор. – Никто тебя не винит, Сильве. Ты делала для нее все, что могла.

– Она умерла? – донесся до них чей-то крик.

Все обернулись. К ним рысцой бежали Тимара с Татсом. От них чуть отставал капитан Лефтрин. Следом, пытаясь сохранить достоинство, неторопливо двигалась Синтара. Еще полдюжины хранителей и драконов подтягивались с разных сторон.

– Нет! Но заражена паразитами. Не знаю, удастся ли нам ее спасти... – Голос Сильве сорвался на этих словах.

– Попробуйте! – сурово приказал Меркор, но затем склонился над девочкой и ласково подул на нее.

Выглядело это легчайшим ветерком, однако Сильве пошатнулась. И Элис поразила внезапно произошедшая в девочке перемена. Даже испугала. Сильве мгновенно превратилась из едва не плачущего ребенка в спокойную женщину. Она выпрямилась, подняла взгляд на своего дракона и улыбнулась ему.

– Обязательно, – пообещала Сильве, повернулась к Элис и произнесла: – Для начала камышовыми мочалками счистим с живота как можно больше грязи. Хеби, тебе придется поддержать ее в таком положении, на спине. Ей не понравится то, что мы будем делать, но, мне кажется, с ран необходимо смыть ил до того, как их обрабатывать.

– Разумно, – согласилась Элис, гадая, откуда взялась эта уверенная манера.

Это сама Сильве такая, когда ее не терзают сомнения, или это дракон Меркор наложил на нее свой отпечаток? Элис взяла камышовую мочалку и перевернула ее чистой стороной. Она приблизилась к драконице с опаской. Пусть Медная относительно мала и слаба, однако одного взмаха вяло болтающейся лапы будет довольно, чтобы сбить человека с ног. А если она начнет вырываться и опрокинется на хранителя, последствия будут самые плачевные.

Тимара замерла и уставилась на Элис. На какой-то миг женщина из Удачного показалась ей совсем другим человеком. Она отскребала живот медной драконицы, не обращая внимания на грязь, стекающую на ее брюки и сапоги. Грязь застыла у Элис на щеке, рубашка перепачкалась до локтей. Даже на светлых ресницах осела пыль. Однако ее лицо выражало лишь решимость и едва ли не удовольствие от работы. И куда только подевалась та элегантная дама из Удачного, равно безупречная в одежде и манерах? Тимара против воли ощутила некоторое восхищение.

Хеби стояла, опустив голову и упираясь лбом в Медную, чтобы удержать ее в неловком положении брюхом кверху. Замерший у ее плеча Рапскаль с гордостью поглаживал свою драконицу и вполголоса ее нахваливал. Меркор нависал над всей компанией, а Сильве, похоже, взялась всеми руководить. В девочке тоже что-то изменилось, хоть Тимара и не смогла бы сказать, что именно.

Она приблизилась еще на пару шагов, и ей сделалось дурно. Драконье брюхо было усеяно едва выглядывающими наружу змеиными хвостами. Тимара сглотнула комок в горле. Наблюдать, как один-единственный паразит корчится, выбираясь из плоти Синтары, уже было нелегко. А ведь та змея присосалась совсем недавно, почти все ее тело болталось снаружи. Как только капитан Лефтрин обмазал шкуру вокруг раны вонючим теребеновым маслом, змея на миг обмякла, а затем вдруг яростно забилась. Синтара взревела от боли. Тимара поспешно бросилась к ней и схватила змею за извивающийся хвост.

– Держи крепче. Я добавляю еще масла! – предупредил ее капитан Лефтрин.

После этого змея просто обезумела и начала выползать из тела жертвы. Когда значительная часть мерзкой твари выбралась наружу, Тимара усилием воли заставила себя перехватить ее на случай, если она попытается заползти обратно в драконицу. Змея была скользкой и верткой. Синтара вопила от боли, и вокруг них начали собираться остальные хранители с драконами. Когда наружу вышла вся змея, она извернулась, заляпав лицо Тимары кровью, и попыталась напасть на того, кто ее схватил. Девушка вскрикнула, когда брызги коснулись ее кожи, и швырнула тварь на землю. Татс уже стоял наготове с топором. Далеко змея не уползла. А Тимара так и замерла, оцепенев, содрогаясь от разделенной с драконом боли. Она попыталась утереть лицо рукавом, но только размазала густую кровь еще сильнее. Та пахла и отдавала на вкус драконом, и даже теперь, после того как она умылась, в носу Тимары все равно стоял навязчивый запах, и она никак не могла отделаться от послевкусия. Под конец Лефтрин промыл рану ромом и замазал варом, чтобы внутрь не попала едкая речная вода.

– Теперь вам придется осматривать драконов каждый вечер, – рассуждал капитан за работой. – В слюне этих змей есть что-то такое, от чего немеет плоть. Даже не чувствуешь, как она в тебя вгрызается. Одна такая тварь, некрупная, как-то впилась мне в ногу, а я не замечал ничего, пока из воды не вышел.

Пока Элис с Сильве трудились, Медная тихонько постанывала от боли. Тимара присела рядом с ней на корточки, чтобы заглянуть ей в глаза, но веки драконицы оказались плотно сомкнуты. Может, она сознание потеряла?

Тимара медленно поднялась:

– Что ж, теперь мы хотя бы знаем, что с ней не так. Если удастся выгнать змей, промыть раны и защитить от речной воды, возможно, она еще поправится.

– Мы смыли уже достаточно грязи, давайте теперь избавим ее от этих тварей, – решила Сильве.

Тимара стояла в кругу зрителей, в ужасе, но не в силах отвести глаз. Когда Лефтрин шагнул вперед с горшком масла и кистью, она отвернулась. С того мгновения, как кровь Синтары плеснула ей на лицо, Тимара ощущала только ее вкус и запах. И на сегодня с нее точно хватит. Заметив, что Синтара дожидается на краю собравшейся толпы, она протолкалась к своей драконице.

– Не хочу на это смотреть, – проговорила Тимара тихо. – Увидеть, как из тебя выползает одна змея, уже оказалось нелегко, а она висела на тебе совсем недолго. Я просто не могу видеть.

Синтара повернула голову к своей хранильнице. В ее глазах закружились водовороты расплавленной меди, и Тимаре вдруг показалось, что это целые озера жидкого металла кружатся на фоне мерцающей лазурной чешуи. Драконьи чары, напомнила она себе, но не сумела прислушаться к собственному предупреждению. Она позволила себе утонуть во взгляде, позволила себе поверить, что внимание дракона делает ее значительнее. Ехидный голосок в голове ехидно поинтересовался, так ли уж она значительна на самом деле. Но Тимара не стала его слушать.

– Тебе надо бы пойти на охоту, – предложила Синтара.

Тимаре не хотелось покидать дракона. Уйти от этих изумительных медных глаз – все равно что оставить тепло радушного очага в холодную, ветреную ночь. Она цеплялась за драконий взгляд, отказываясь верить, что драконица гонит ее прочь.

– Я голодна, – негромко заявила Синтара. – Не добудешь ли для меня еды?

– Конечно! – поспешно откликнулась Тимара, покоряясь воле драконицы.

– Грефт и Джерд недавно ушли в лес, – продолжила Синтара совсем тихо, словно ветерок подул над ухом. – Возможно, они знают хорошие места для охоты. Возможно, тебе стоит последовать за ними.

Эти слова уязвили Тимару.

– Грефту никогда не сравняться со мной в охотничьем мастерстве! – возразила она драконице. – Мне нет нужды ходить за ним.

– И все-таки я советую тебе пойти, – настаивала Синтара.

И вдруг эта идея показалась Тимаре не такой уж плохой. Где-то на краю сознания замаячила дразнящая мысль: если Грефт что-то добыл, она могла бы забрать часть добычи, как уже как-то раз проделал он. Она так и не расплатилась с ним за ту выходку.

– Ступай, – подтолкнула ее Синтара.

И она пошла.

Все драконьи хранители привыкли держать снаряжение в лодках. Неряшливость Рапскаля стала ежедневным испытанием для Тимары. Если задуматься, это же нечестно, что ей приходится все время терпеть такого напарника из-за того, что она опрометчиво согласилась с ним плыть в первый день. Остальные постоянно менялись местами, однако Рапскаль не выказывал подобного желания. И если даже Тимара сумеет уговорить его самого, вряд ли кто-то согласится плыть с ним. Он, конечно, хорош собой и прекрасно знает реку. И всегда в отличном настроении. Девушка попыталась вспомнить, видела ли хоть раз Рапскаля сердитым, но не смогла. Она улыбнулась своим мыслям. Да, он чудакват. Но к этой чудакватости можно привыкнуть. Тимара отодвинула в сторону мешок с его вещами и порылась в собственном, собирая охотничьи снасти.

Вдали от взгляда Синтары стало легче думать о том, что она делает и почему. Тимара поняла, что драконица испробовала на ней какие-то чары. Однако даже осознание этого не развеяло их до конца. Все равно более важных дел сейчас нет, а мясо, конечно же, лишним не будет – мясо вообще лишним не бывает. Медной после извлечения змей не помешает подкрепиться, да и Меркор наверняка не откажется перекусить... Но, закидывая мешок на плечо, Тимара задумалась, не ищет ли она всего лишь предлог, чтобы исполнить желание драконицы. Девушка пожала плечами – что толку гадать? – и направилась к опушке леса.

Берега реки Дождевых чащоб никогда не оставались прежними и никогда не менялись. Порой хранители и их драконы двигались вдоль хвойных лесов с их вечнозеленым кружевом лап. На следующий день стройные темно-зеленые ряды могли смениться бесконечными колоннами белоствольных деревьев с вытянутыми бледными листьями, все ветви которых были увиты цепкими лозами и лианами, отягощенными поздними цветами и зреющими плодами. Сегодня им открылся широкий заросший берег, весь в камышах, увенчанных метелками с пушистыми семенами. Ненадежная почва здесь состояла сплошь из песка и ила, и ее могло смыть следующее же наводнение. Дальше и лишь немногим выше рос лес деревьев-гигантов с серой корой и раскидистыми ветвями, под которыми земля не прогревалась, вечно оставаясь в тени. Лианы толщиной с Тимару свешивались с разлапистых ветвей, словно толстая решетка.

Грефт оставил в топкой почве отчетливые следы, идти по ним было легко. Вода уже заполняла глубокие отпечатки его сапог. Следы босых ног Джерд были не так заметны. Тимара едва обращала внимание на второй след, погружившись в мысли о драконице. Чем больше время и расстояние разделяли их с Синтарой, тем яснее становились ее собственные мысли.

Зачем Синтара отправила ее за мясом, сомнений не вызывало – драконица вечно была голодна. Тимара в любом случае собиралась поохотиться и ничуть не возражала против поручения. Несколько сильнее озадачивал вопрос, зачем бы драконице тратить силы, зачаровывая ее. Раньше она никогда так не делала. Значит ли это, что теперь она ценит Тимару выше, чем прежде?

Мысль легкая, словно камышовый пух, всплыла в ее разум.

– Может, раньше она не могла использовать чары. Может, она становится сильнее, причем не только телесно, и испытывает себя.

Эти слова Тимара прошептала вслух. Принадлежала ли мысль ей самой, или на краткий миг ее коснулся разумом кто-то из драконов? Вопрос был столь же тревожным, как и сама мысль. Неужели Синтара овладевает новыми силами из тех, что легенды приписывают драконам? А остальные тоже? И если так, то как они воспользуются своими способностями? Не ослепят ли они хранителей чарами, превратив их в покорных рабов?

– Это действует не так. Больше похоже на то, как мать направляет своенравного ребенка.

И снова Тимара произнесла эти слова вслух. Она остановилась у самой кромки леса и яростно затрясла головой, отчего темные косы хлестнули по шее. Мелкие талисманы и бусины, вплетенные в волосы, загремели.

– Прекрати! – прошипела она тому, кто бы ни вторгся в ее разум. – Оставь меня в покое!

Не самое мудрое решение, но выбор за тобой, человек.

И присутствие покинуло ее, словно с головы и плеч сдернули прозрачную накидку.

– Кто ты? – резко спросила она.

Но кем бы он ни был, он уже ушел. Может, Меркор?

– С этого вопроса стоило начать, – пробормотала Тимара себе под нос, входя под темный полог леса.

В полумраке след Грефта виднелся уже не так четко, но он все равно оставлял множество примет. А пройдя еще немного, Тимара могла уже не утруждать себя поисками. Она услышала голос Грефта, хотя слов было не разобрать. Ему ответил другой. Джерд, поняла Тимара. Должно быть, они охотятся вместе. Она замедлила шаг, двигаясь как можно тише, а там и вовсе остановилась.

Синтара аж настаивала на том, чтобы Тимара проследила за ними. Но зачем? Она вдруг изрядно смутилась. Что они подумают, если она вдруг выскочит на них? Что подумает Джерд? Не решит ли Грефт, будто Тимара таким образом признает его превосходство как охотника? Тимара взобралась на дерево и принялась перебираться с ветки на ветку. Любопытно, конечно, успел ли он что-нибудь добыть, и если да, то что именно. Однако ей вовсе не хочется, чтобы они узнали о ее присутствии. Теперь голоса хранителей слышались отчетливее, угадывались даже отдельные слова. Джерд сказала, что она «не поняла», и в ее голосе слышался гнев. Голос Грефта был ниже, и разобрать слова оказалось труднее. Тимара услышала, как он произнес: «Джесс вовсе не плохой человек, пусть даже он...», но остаток фразы прозвучал слишком тихо. Она подкралась ближе, поблагодарив Са за черные когти, которыми глубоко впивалась в скользкую кору. Тимара перебралась с дерева на дерево, с одной толстой ветки на другую, и вдруг оказалась прямо над Джердом и Грефтом.

Они вовсе не охотились. И вряд ли охотились до того. Разуму Тимары потребовалось немало времени, чтобы осознать, что именно видят ее глаза. Оба, Грефт и Джерд, были обнажены и лежали рядышком на одеяле. Сброшенная одежда висела на ближайших кустах. Чешуя Грефта была синей и покрывала куда больше поверхности его тела, чем предполагала Тимара. Он лениво замер полулежа, спиной к ней, и в лесном полумраке напоминал огромную ящерицу, высматривающую себе местечко на солнышке. Скучный свет обрисовывал его стройное бедро и ногу до колена.

Джерд расположилась к нему лицом. Она лежала на животе, устроив подбородок на скрещенные руки. Ее густые светлые волосы были взъерошены сильнее обычного. Рука Грефта покоилась на ее обнаженном плече. У Джерд было длинное стройное тело, а полоска зеленоватых чешуек вдоль позвоночника внезапно показалась Тимаре очень красивой. Она поблескивала в тусклом свете, будто изумрудный ручеек, сбегаящий по спине. Ноги Джерд были согнуты в коленях, и она покачивала ими в воздухе, демонстрируя густо покрытые чешуей лодыжки и ступни.

– Как ты вообще мог предложить такое? – ответила она Грефту. – Мы же пообещали сделать как раз обратное!

Он пожал обнаженным плечом, отчего свет пробежал по его спине сверкающей сапфировой волной.

– Я смотрю на дело иначе. Ни один хранитель не взял себе эту драконицу. Никто с нею не связан. Она почти мертва. Когда она умрет, другие драконы смогут съесть ее, чтобы немного подкрепиться и, может, получить пару воспоминаний. Но если учесть, насколько Медная тупа, едва ли они вообще будут. Однако же, если мы сумеем убедить драконов и они отдадут нам ее тело или хотя бы часть, Джесс сможет выручить за него кругленькую сумму, которая пригодится всем нам.

– Но это же не...

– погоди. Дай мне договорить.

Он прижал палец к губам Джерд, обрывая ее возражения. Та с возмущением отпрянула, но Грефт только засмеялся. Наблюдающая за ними Тимара никак не могла решить, что потрясает ее сильнее: их нагота или тема беседы. Они могли заниматься здесь только одним. Только одним запретным делом. Но Джерд была раздражена, она даже злилась на Грефта и все же лежала рядом с ним. Юноша взял ее за подбородок и повернул лицом к себе.

Она оскалилась на него, а он откровенно расхохотался:

– Ты временами такой ребенок!

– Совсем недавно ты обращался со мной вовсе не как с ребенком!

– Знаю.

Он огладил рукой ее шею и скользнул под живот. Коснулся груди, и оскал Джерд превратился в какую-то особенную улыбку, она потянулась, потираясь о ладонь Грефта. Испуг и странный трепет охватили Тимару. Дыхание замерло в горле. Неужели это и есть то, чем кажется? Она всегда думала, что соитие доступно только взрослым, причем тем, кому посчастливилось иметь нормальные тела. И вот сейчас, пока она наблюдала, как Джерд трется об руку Грефта, в ней шевельнулась непривычная зависть. Джерд явно просто взяла, что хотела, сама. Или, может, все начал Грефт, обманув ее или принудив силой? Нет. Взгляд, которым только что одарила его Джерд, был слишком уж понимающим. Тревожащий жар затеплился в теле Тимары. Отвернуться она не могла.

Грефт, похоже, напрочь забыл, о чем говорил.

– Так на чем ты остановился? – внезапно отстранившись от него, спросила Джерд. – Насколько я поняла, ты пытался оправдать продажу драконьей плоти паршивым калсидийцам?

Юноша разочарованно хмыкнул, а затем убрал руку.

– Я пытался объяснить, что нам понадобятся деньги, чтобы осуществить мою мечту, – отозвался он хрипловато. – И мне совершенно все равно, откуда эти деньги возьмутся. Но я точно знаю, где их нет. Ни торговцы Удачного, ни торговцы Дождевых чащоб не станут помогать нам строить собственный город. И те и другие презирают нас. Они были рады сплавить нас из Трехога, да еще и заодно с драконами. Они не ждут нашего возвращения и не верят, что мы выживем. А если мы и впрямь отыщем Кельсингру, неужели ты думаешь, что они признают город нашим? Нет, Джерд! Если мы найдем Кельсингру и если там сохранились какие-нибудь сокровища Старших, бьюсь об заклад, торговцы сразу же заявят на них права. Я видел

капитана Лефтрина за работой: он вычерчивал на карте проделанный нами путь. Для этого у него может быть лишь одна причина. Так что стоит нам найти что-нибудь ценное, как он вернется в Трехог и известит торговцев. И те узнают, как до нас добраться, чтобы отнять наши сокровища. Мы же снова окажемся лишними, ненужными, отверженными. Даже если мы не найдем ничего, кроме клочка суши, на котором смогут поселиться драконы, мы не окажемся в безопасности. Как давно уже торговцы ищут пахотные земли? Даже это они у нас отберут. Поэтому мы должны думать наперед. Все мы знаем, что благополучие Кассарика и Трехога зависит от внешней торговли. Они откапывают сокровища Старших и продают через торговцев Удачного. Они не в состоянии прокормить себя. Без находок все развалилось бы еще много лет назад. Но что достанется нам? Ничего! Возможно, если мы обнаружим твердую землю, то сможем построить там жилье для себя и своих детей. Но даже если мы захотим всего лишь что-нибудь выращивать, нам будут нужны семена и инструменты. Будут нужны дома. И будут нужны деньги, звонкая монета, чтобы купить все необходимое.

У Тимары голова шла кругом. Неужели Грефт говорит о городе для хранителей и их драконов? О будущем для них, будущем, не связанном с Трехогом или Кассариком? Будущем с детьми? С мужьями и женами? Это невероятно, немыслимо! Не задумываясь о возможных последствиях, Тимара распласталась на ветке и подползла еще ближе.

– Ничего не получится, – пренебрежительно отмахнулась Джерд. – Какое бы место ты ни выбрал для города, оно все равно окажется слишком далеко от реки. Да и кто захочет с нами торговать?

– Джерд, ты временами такой ребенок! Нет, погоди, не смотри на меня так. Ты в этом не виновата. Ты не видела в жизни ничего, кроме Дождевых чащоб. Я и сам выбирался за их пределы всего пару раз, но я хотя бы читал о мире вокруг. И наш охотник – человек образованный. У него имеются кое-какие идеи, Джерд, и он видит картину целиком. Когда он рассуждает, все обретает ясный смысл. Я всегда подозревал, что возможно добиться для себя другой жизни, просто не знал как. Джесс говорит, в меня слишком долго вдавливали правила и я забыл, что это всего лишь правила, выдуманные людьми. Но если одни люди могут выдумывать правила, то другие могут их изменять. И мы их изменим. Мы вовсе не обязаны жить так, а не иначе, потому что «так было всегда». Мы можем разорвать этот круг, если нам достанет храбрости. Взять хотя бы драконов. Они помнят, каким был мир во времена их владычества, и считают, что так будет и впредь. Но мы вовсе не обязаны предоставлять им такую власть. Все они прекрасно обойдутся и без тела Медной, когда та умрет. Для них это просто мясо, а мы кормим их вдоволь. Так что в каком-то смысле они обязаны нам его отдать, особенно если учесть, какую пользу оно принесет. С теми деньгами, какие можно выручить за труп, мы заложим основы лучшей жизни для всех нас, включая самих драконов! Если только нам достанет храбрости изменить правила и хотя бы для разнообразия поступить так, как лучше для нас всех.

Тимара почти воочию видела сказочные картины, порожденные воображением Грефта. Мрачная усмешка на его лице предвещала победу над давними унижениями и несправедливостями.

– Джесс говорит, если у тебя есть деньги, любой станет с тобой торговать. А если время от времени у нас будет некий редчайший, уникальный товар, какого нигде больше не достать, то всегда найдутся люди, готовые приехать к нам, невзирая на трудности пути. Они приедут и заплатят столько, сколько мы потребуем.

Джерд перекатилась на бок, чтобы посмотреть ему в лицо. В полумраке серебристые искры в ее глазах сверкали ярче. Она казалась встревоженной.

– Погоди. Ты предлагаешь и дальше торговать кусками драконьих тел? Не только один раз, сейчас, если медная драконица все-таки умрет, но и в будущем? Это же неправильно, Грефт! А если я предложу продать твою кровь или кости? А если драконы станут прикидывать, не стоит ли растить на мясо наших детей?

– Будет не так! Вовсе не обязательно все так обернется. Ты представляешь дело в наихудшем свете.

Он снова протянул к ней руку, лаская, успокаивая. Огладил пальцами по плечу до локтя и обратно. Затем скользнул вниз по шее, медленно спустился к животу. Грудь Джерд дрогнула от резкого вдоха.

– Драконы со временем поймут. Несколько чешуек, капелька крови, обрезок когтя. Ничего такого, что повредило бы им. И иногда, изредка, что-нибудь побольше, может, зуб или глаз, взятый у дракона, который все равно вот-вот умрет... Только не часто, чтобы редкости не стали повседневностью. Это никому не принесет пользы.

– Мне все это не нравится, – откровенно сообщила Джерд и отодвинулась от его ищущей руки. – И сомневаюсь, что это понравится кому-то из драконов. Как насчет Кало? Ты поделился своим замыслом с собственным драконом? И как он его воспринял?

Грефт пожал плечами.

– Он не одобрил, – признал он. – Сказал, что скорее убьет меня, чем допустит такое. Но он угрожает меня убить по нескольку раз на дню. Просто он так выражает недовольство, когда что-то идет иначе, чем ему хочется. Но он знает, что ему достался лучший из хранителей. Так что он угрожает, но терпит меня. Думаю, со временем даже он осознает всю мудрость этой идеи.

– Сомневаюсь. По-моему, он тебя убьет, – возразила Джерд ровным тоном, со всей серьезностью и уверенностью в собственных словах.

Отвечая Грефту, она потянулась, окинула взглядом собственную грудь, провела рукой по левому соску, как будто что-то смахнула. Взгляд юноши следовал за ее рукой.

– Может, до этого вовсе и не дойдет, – уступил он, и голос его сделался ниже. – Может, мы найдем Кельсингру и она окажется полна сокровищ Старших. Если мы отыщем клад, нам придется удостовериться, что все признают наши права на него. Трехог попытается его присвоить, можно не сомневаться. Удачный захочет, чтобы сокровища перепродавали через него. Мы еще услышим от них все то же самое: «Так заведено». Но мы-то с тобой понимаем, что вовсе не обязательно, чтобы так продолжалось и впредь. И мы должны быть готовы к тому, чтобы защитить свое будущее от их загребущих лап.

Джерд откинула с лица светлые волосы:

– Грефт, ты плетешь из грез такую чудесную паутину! Ты рассуждаешь так, будто нас тут сотни человек, ищущих пристанища, а не жалкая горстка, чуть больше дюжины. Ты говоришь «защитить свое будущее». Какое будущее? Нас слишком мало. В лучшем случае мы можем надеяться на сносную жизнь для нас самих. Мне нравится ход твоих мыслей, почти всегда, когда ты рассуждаешь о новых правилах для новой жизни. Но порой ты похож на ребенка, забавляющегося с деревянными игрушками и называющего их своим королевством.

– Разве это плохо? То, что я хотел бы стать королем? – спросил он, склонив голову набок, и улыбнулся загадочно. – А королю может понадобиться королева.

– Тебе никогда не стать королем, – сурово отрезала она, и в голосе ее звучало пренебрежение.

Однако ее руки говорили, что осуждение на словах было неискренним. Тимара с изумлением наблюдала, как Джерд схватила Грефта за плечи обеими руками и перекаtilась на спину, увлекая его за собой.

– Хватит болтовни, – объявила она.

Одной рукой она обхватила юношу за шею, заставила его наклониться ближе.

Тимара смотрела.

Хотя не собиралась этого делать. Она вовсе не решала остаться. Но когти глубоко впились в древесную кору, удерживая ее на месте. Нахмурив брови, Тимара смотрела во все глаза, не обращая внимания на насекомых, обнаруживших ее и теперь гудевших вокруг.

Она видела, как совокупляются животные, как самец птицы топчет самку. После нескольких порывистых движений и трепета все вскоре заканчивалось, и порой казалось, что самка едва замечает происходящее. Родители никогда не говорили с Тимарой об этой стороне жизни, поскольку для нее и ей подобных она запретна. Всякое любопытство на эту тему сурово пресекалось. Даже ее обожаемый отец предупреждал: «Тебе могут встретиться мужчины, которые попытаются злоупотребить твоим расположением, прекрасно понимая, что хотят запретного. Не доверяй мужчине, если он добивается большего, чем рукопожатие при встрече. Тотчас же уходи и расскажи мне».

И Тимара верила отцу. Ведь он же ее отец, он хочет, как лучше для нее. Никто не посва-тается к ней. Всем известно: если человек, сильно отмеченный Дождевыми чащобами, производит на свет детей, они либо рождаются настоящими уродами, либо просто не способны выжить. Таким, как она, нет смысла вступать в отношения. Пища, которую она съест за время беременности, пока не сможет охотиться или собирать плоды, трудности, ожидающие ее тело при рождении на свет ребенка, который почти наверняка умрет... нет! Запасы в Дождевых чащобах всегда оставались скудными, а жизнь – тяжелой. Никто не вправе тратить, не производя. У торговцев так не принято.

Вот только отец нарушил это правило. Он рискнул ради нее, понадеявшись, что она сумеет тянуть свою лямку. И она справилась. Так, возможно, правила не всегда непогрешимы... Неужели прав Грефт? Возможно ли, чтобы любые правила, придуманные одними людьми, другие могли изменить? Может, они не настолько обязательны, как она привыкла считать?

Парочка под деревом, похоже, вообще не думала ни о каких правилах. И по-видимому, им требовалось гораздо больше времени, чем спаривающимся птицам. Они постанывали, негромко вскрикивали от наслаждения, отчего у Тимары по спине пробежали мурашки. Когда Джерд выгнулась дугой, а Грефт принялся медленно целовать ее груди, отозвалось все тело Тимары, приведя ее в изумление и смятение. Свет мерцающими волнами омывал чешуйчатые тела,двигающиеся в едином ритме. Грефт бился о Джерд всем телом и, казалось бы, не мог не причинять ей боль, однако девушка лишь извивалась под ним, потом вдруг стиснула его ягодицы и, еще ближе притянув к себе, замерла. А затем приглушенно застонала.

Мгновением позже Грефт обмяк поверх нее. Еще долго они лежали так, не шевелясь. Тяжелое дыхание юноши постепенно выравнивалось. Он повернул голову и слегка приподнялся на руках, нависая над Джерд. Та, в свою очередь, лениво протянула руку, чтобы убрать с глаз пряди пропотевших волос. Она медленно улыбнулась, глядя вверх, на него. И вдруг ее глаза широко распахнулись, взгляд скользнул мимо Грефта и уперся в Тимару. Джерд вскрикнула и запоздало схватилась за сброшенную одежду.

– В чем дело? – требовательно спросил ее любовник, скатываясь с нее и поднимая взгляд к небу.

Но Тимара была уже в двух деревьях от них и бежала дальше. Она перепрыгивала с ветки на ветку, проворная, словно ящерица. Сзади донесся голос Джерд, взлетевший в гневной жалобе, а затем ее ошпарил смех Грефта.

– Вероятно, она никогда не осмелится на большее, чем смотреть, – звучно заключил он, и Тимара не сомневалась, что эти слова предназначались для нее.

Она бежала, а слезы жгли ей глаза, и сердце тяжело грохотало в груди.

Седрик стоял в одиночестве на палубе «Смоляного» и глядел на берег. Не было похоже, чтобы кто-нибудь собирался сегодня отправляться дальше. Вместо этого Лефтрин суеился над исходящим паром ведром, готовя какое-то снадобье для драконов. Седрик встревожился, увидев, что большинство драконов и их хранителей собрались вокруг лежавшей ничком Медной. Он ни в чем не виноват. Животное было больным уже тогда, когда он впервые его увидел.

Седрик в беспокойстве гадал, не оставил ли там каких-нибудь следов. Он вовсе не хотел причинить ей вред – только взять то, в чем так отчаянно нуждался.

– Прости, – пробормотал он тихо, сам не зная, перед кем извиняется.

Лефтрин присоединился к хранителям, сгрудившимся вокруг больной драконицы. Седрику не было видно, что они делают теперь. Она мертва? Хранители и другие драконы стояли плотной стеной. Чем они там занимаются?

Внезапно Седрик вскрикнул и согнулся вдвое, держась за живот. Все его внутренности сжимались в чудовищных спазмах. Он упал на колени, затем завалился на бок. Боль была такой сильной, что он не мог даже позвать на помощь. Впрочем, ему все равно никто не помог бы. Все ушли на берег хлопотать над драконами. Казалось, кто-то вырывает ему из тела кишки. Седрик обхватил живот, но никак не мог укрыться от муки. Он зажмурился, когда мир вокруг него начал вращаться, и потерял сознание.

*Седьмой день месяца Молитв, шестой год Вольного союза торговцев
От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, – Эреку,
смотрителю голубятни в Удачном*

Три отправленные сегодня птицы несут приглашения на свадьбу от семьи торговца Дэлфина. Список адресатов в Удачном прилагается. Если какая-нибудь из птиц подведет, пожалуйста, проследи, чтобы копия приглашения была доставлена каждому.

Свадьба уже скоро, и с доставкой надо поспешить.

*Эрек, позаботься о том, чтобы приглашения были доставлены как можно скорее, а не то, боюсь, гости поспеют не к свадьбе, а к рождению ребенка! Традиции в Трехоге соблюдаются уже не так строго, как раньше. Кое-кто винит в этом татуированных, но эта пара родилась и выросла в Дождевых чащобах!
Детози*

Глава 2

Коварные течения

Гест нависал над Седриком, глядя на него сверху вниз, и его красивое лицо искажала презрительная усмешка.

Он с досадой покачал головой:

– У тебя ничего не выходит, потому что ты плохо стараешься. Когда доходит до дела, ты вечно пасуешь перед трудностями.

В сумраке тесной каюты Гест казался крупнее, чем на самом деле. Он был обнажен по пояс, и темный треугольник густых курчавых волос на груди обрамляли широкие плечи и мышцы тренированного тела. Живот над ремнем элегантных брюк был плоским и твердым. Седрик смотрел на него с вожделением. И Гест это знал. Он засмеялся коротким низким и злым смешком и снова покачал головой.

– Ты ленив и слаб. Ты не пара мне и никогда не был. Сам не понимаю, почему связался с тобой. Наверное, из жалости. Ты стоял там, такой слезливый и робкий, и твоя нижняя губа дрожала от одной мысли о том, чего ты никогда не получишь. О чем ты даже не осмелишься попросить! Вот мне и захотелось просветить тебя, – сипло засмеялся Гест. – Что за пустая трата времени... Ты больше не представляешь никакого интереса, Седрик. Учить тебя мне больше нечему, а ты меня никогда не мог ничему научить. Ты же всегда знал, что однажды этот день настанет! И он настал. Ты мне надоел. Меня утомил и ты сам, и твое нытье. Мне опостылело платить тебе жалованье, которого ты едва ли заслуживаешь, надоело, что ты живешь за мой счет, словно пиявка. Ты презираешь Реддинга, верно? Но скажи, чем ты лучше его? У него, по крайней мере, имеется собственное состояние. Он хотя бы может сам за себя платить.

Седрик зашевелил губами, пытаясь ответить. Пытаясь рассказать ему, что все же совершил кое-что значительное, что драконья кровь и чешуя сделают его богачом и он будет счастлив разделить свое состояние с Гестом.

«Не бросай меня, – хотел сказать он. – Не рви со мной сейчас, не связывайся с другим, когда меня нет рядом, когда я не могу хотя бы попытаться тебя переубедить».

Его губы двигались, горло напрягалось, но звук никак не мог прорезаться. Только капли драконьей крови стекали по подбородку.

И было уже слишком поздно. Явился Реддинг. Реддинг с его пухлыми, как у шлюхи, губками, короткопалыми ладошками и сальными золотыми локонами. Реддинг стоял рядом с Гестом, легонько поглаживая пальцем его обнаженное предплечье. Тот обернулся к нему с улыбкой. Внезапно прикрыл глаза в так хорошо знакомой Седрику манере, словно падающий на добычу ястреб, накинуся на Реддинга и поцеловал его. Теперь лица Геста не было видно, зато растопыренные пальцы Реддинга, словно морские звезды, распластались по его мускулистой спине, притягивая к себе.

Седрик пытался закричать, так что даже горло заболело от напряжения, однако изо рта его не вырвалось ни звука.

Они обидели тебя? Мне убить их?

– Нет!

Звук прорвался внезапным криком. Седрик дернулся и проснулся на влажной от пота постели в маленькой душной каюте. Вокруг все тонуло во мраке. Ни Геста, ни Реддинга. Только он сам. И маленькая медная драконница, которая настойчиво тычется в стены его разума. Он смутно ощущал ее вопрос, ее бестолковую тревогу за него. Седрик отменил мысленную связь, крепко зажмурился и зарылся лицом в сверток, служивший ему подушкой.

«Просто скверный сон, – сказал он себе. – Всего лишь кошмар».

Но этот кошмар был из тех, что слишком похожи на правду.

Когда Седрик падал духом, он порой задумывался, не захотел ли Гест на некоторое время избавиться от него. Возможно, его выступление в защиту Элис дало Гесту долгожданный повод отослать его подальше.

Усилием воли Седрик мог воскресить в памяти те времена, когда между ними все еще только начиналось. Его привлекали спокойствие и сила Геста. Порой в его крепких объятиях Седрику казалось, будто он наконец-то нашел безопасное убежище. И сознание того, что это убежище существует, придавало ему сил и смелости. Даже отец заметил перемену в нем и сказал, что гордится человеком, которым становится сын.

Если бы он только знал!..

Когда же сила Геста из убежища превратилась для него в тюрьму? Когда на смену уюту и защищенности пришел страх, что она обернется против него? Как же он не заметил, насколько все изменилось, насколько Гест перекроил его самого? Да все он заметил. Все он понимал. Однако же слепо ковылял дальше, подыскивая оправдания жестокости и пренебрежению Геста, виня в размолвках себя самого, притворяясь, будто все еще может вернуться на круги своя.

А было ли когда-нибудь все так уж прекрасно? Или он сам обманывал себя напрасными мечтами?

Седрик перекатился, упал на подушку и закрыл глаза. Он не станет думать о Гесте и о том, что их некогда связывало. Он не станет раздумывать над тем, во что превратились их отношения. Даже нарисовать в воображении, как у них все будет хорошо, и то не получалось. Должна же быть какая-нибудь мечта получше. Знать бы еще какая...

– Ты не спишь?

Он спал, но уже проснулся. В приоткрытую дверь каюты Седрика проникал свет. Обрисованный им силуэт наверняка принадлежал Элис. Ну конечно... Седрик вздохнул.

И словно этот вздох послужил приглашением, она вошла в каюту. И не закрыла за собой дверь. Прямоугольник света упал на пол, озарив сброшенную одежду.

– Здесь так темно, – извиняющимся тоном произнесла Элис. – И душно.

Здесь воняет – вот что она постеснялась сказать. Седрик уже трое суток почти не выбирался из каюты, а когда все-таки выходил, ни с кем не разговаривал и старался поскорее вернуться в постель. Дэвви, ученик охотника, приносил ему еду, а спустя время забирал обратно. Поначалу Седрик не чувствовал голода из-за боли. А теперь был слишком подавлен, чтобы есть.

– Дэвви говорит, тебе вроде бы стало лучше.

– Не стало.

Почему она не может просто уйти? Он не хочет с ней разговаривать, не хочет ни с кем делиться своими тревогами. Хватит с него Дэвви, который докучает ему вопросами и рассказами о собственной ничем не примечательной жизни. С чего он вообще взял, будто в свои тринадцать успел совершить нечто, интересное кому-то, кроме него самого? Все уклончивые рассказы мальчишки, похоже, подводили к одной и той же мысли, которую слушатель никак не мог уловить, а сам он – толком изложить. Седрик подозревал, что Карсон подсылает ученика шпионить за ним. Он дважды просыпался и обнаруживал, что охотник молча сидит у его постели. А один раз, вырвавшись из кошмара, Седрик открыл глаза и увидел его товарища, Джесса, рядом на полу. Седрик понятия не имел, с чего все трое так им заинтересовались. Если только не разгадали его тайну.

По крайней мере, мальчишку он мог прогнать из каюты, и тот слушался. Вряд ли этот прием сработает с Элис, но Седрик все-таки решил попробовать.

– Просто уйди, Элис. Когда я буду готов видеть людей, то выйду сам.

Вместо этого она прошлась по каюте и уселась на сундук.

– Мне кажется, тебе не стоит столько времени проводить в одиночестве, ведь мы так до сих пор и не поняли, из-за чего ты так заболел.

Пальцы ее рук сплелись на колене, словно клубок змей. Седрик отвел взгляд.

– Карсон говорит, что я отравился. Съел что-то не то. Или выпил.

– Звучит разумно, вот только мы все ели и пили то же самое, что и ты, а кроме тебя, никто не пострадал.

Был один напиток, который она не пробовала. Седрик отмел эту мысль.

«Не думай ни о чем, что может выдать тебя или заставить звучать в голове те, чужие мысли».

Элис он не ответил. Она уставилась на свои руки.

– Прости, что втянула тебя в это, Седрик, – начала она, с трудом выдавливая из себя слова. – Прости, что в тот день вызвалась помочь драконам, не спросив тебя. Ты мой друг и был мне другом много лет. И вот теперь ты болен, а поблизости нет ни одного настоящего врача.

Она на миг умолкла, явно пытаясь сдержать слезы. Странно, как мало его это волновало. Наверное, если бы она знала, какая опасность угрожает ему на самом деле, и ее это тревожило, он бы с большим сочувствием следил, как ее пожирает чувство вины.

– Я говорила с Лефтрином, и он считает, что еще не поздно. Он говорит, хоть мы и зашли довольно далеко вверх по реке, Карсон еще может взять одну из лодок и благополучно доставить нас обратно в Кассарик до наступления осени. Будет нелегко, и ночевать придется под открытым небом. Но я его убедила.

Элис умолкла, задохнувшись от нахлынувших чувств, а затем продолжила таким сдавленным голосом, что слова едва ли не скрипели на зубах.

– Если хочешь, чтобы мы вернулись, я все устрою, – заверила она. – Мы отправимся сегодня же, только скажи.

Только скажи?

Теперь уже слишком поздно. Слишком поздно было даже в то утро, когда он сам настаивал на возвращении, хотя тогда он этого еще не понимал.

– Слишком поздно.

Седрик не сознавал, что прошептал эти слова вслух, пока не заметил, как изменилась в лице Элис.

– Са милостивая! Седрик, неужели ты настолько болен?

– Нет, – поспешно оборвал он ее. Он действительно понятия не имел, насколько он болен и вообще уместно ли здесь слово «болен». – Нет, ничего подобного, Элис. Я имел в виду, что уже слишком поздно возвращаться в Кассарик на лодке. Дэвви постоянно твердит, что скоро пойдут осенние дожди, и, когда они начнутся, наш путь вверх по реке сделается еще труднее. Может, тогда капитан Лефтрин осознает, насколько глупа вся эта затея, и развернет баркас. В любом случае я бы не хотел во время ливня оказаться в маленькой лодочке посреди бурной реки. Неподходящее время для загородных прогулок, на мой вкус.

Ему почти удалось вернуть себе обычный тон и голос. Может, если он сумеет вести себя как прежде, она уйдет?

– А теперь, если не возражаешь, я очень устал, – резко сообщил Седрик.

Элис поднялась. Она выглядела поразительно непривлекательной в брюках, которые лишь подчеркивали женственные очертания бедер. На ее блузе стали заметны следы безжалостной носки. Конечно, она стирала одежду, но здешняя вода превратила белоснежную ткань в серую. Солнце тоже сыграло свою роль, и рыжие волосы Элис, выбивающиеся из-под шпилек, выгорели до морковно-оранжевого оттенка, а веснушки потемнели. Элис никогда не считалась красавицей по меркам Удачного. Еще немного солнца и воды – и Гест, пожалуй, может и не принять ее обратно. Одно дело – неприметная жена-мышка, и совсем другое – такое вот пугало. Интересно, Элис приходило в голову, что по возвращении Гест может не пустить ее в дом?

Скорее всего, нет. Ее воспитывали в твердой уверенности, что жизнь устроена определенным образом, и даже когда все свидетельства говорили об обратном, Элис ничего не замечала. Она ни разу не заподозрила, что Седрик с Гестом не просто близкие друзья. Сам он по-прежнему оставался для нее другом детства, бывшим секретарем ее мужа и ее временным помощником. В своей уверенности, что мир определяется ее правилами, она не замечала происходящего под самым носом.

Вот и сейчас Элис только ласково улыбнулась ему.

– Отдыхай, милый друг, – пожелала она, тихонько прикрыв за собой дверь и оставив его в темноте, наедине со своими мыслями.

Седрик отвернулся лицом к стене. Его загривок зачесался. Он яростно поскребся, ощущая под ногтями пересохшую кожу. Что ж, не одна Эллис подурнела от этого путешествия. У него самого кожа пересохла, а волосы сделались жесткие, словно конский хвост.

Ему хотелось бы свалить всю вину на Элис. Но он не мог. С тех пор как Гест прогнал его, заставив ее сопровождать, Седрик сделал все, чтобы ни упустить ни единой возможности, которая могла открыться в путешествии. Это он, а не кто-нибудь хитрил и притворялся, чтобы заполучить все кусочки драконьей плоти, все чешуйки и капли крови, какие удастся. Это он тщательно продумал, как сохранить добытое. Бегасти Коред ждет от него вестей, предвкушая, как сколотит целое состояние, когда доставит запретный товар герцогу Калсиды.

Порой, грезя наяву, Седрик возвращался в Удачный с добычей, и Гест помогал ему выторговать лучшую цену. В этих мечтах они вместе распродавали товар и никогда уже не возвращались домой. Разбогатев, они оставались жить в Калсиде, Джамелии или на Пиратских островах, а то и еще дальше, на почти мифических островах Пряностей. А иногда Седрик представлял, как хранит свое сказочное богатство в тайне от всех, а сам тем временем выстраивает в каком-нибудь отдаленном месте роскошное убежище. А потом они с Гестом наймут корабль и ночью, скрытно, отплывут к новой жизни, свободной ото лжи и притворства.

Но в последнее время мечты Седрика изменились. Они сделались горькими, но в то же время не лишенными сладостного привкуса. Он представлял, как вернется в Удачный и обнаружит, что Гест нашел ему замену в лице этого мерзавца Реддинга. И тогда, вообразив, что отправится со своими богатствами в Калсиду, где и останется навсегда, и только потом откроет бывшему возлюбленному, что тот мог бы иметь, если бы ценил Седрика больше, если бы его чувства были искренними.

Теперь эти грезы казались глупыми и пустыми подростковыми фантазиями. Седрик натянул на плечи кусачее шерстяное одеяло и зажмурился крепче.

– Возможно, я уже никогда не вернусь в Удачный, – произнес он вслух, вынуждая себя посмотреть правде в глаза. – А если даже вернусь, то навсегда останусь безумцем.

На какой-то миг он перестал цепляться за себя как за Седрика. И вот уже она бредет по брюхо в холодной воде, борясь с течением. У нее на животе смоляные заплатки, которые нанес на раны Лефтрин. Седрик ощущал, как она слепо тянется к его сознанию, умоляя об утешении и дружбе. Он ничего не хотел ей давать, но никогда и не был жестокосердным. И когда она с мольбой вторглась в его разум, он вынужден был откликнуться.

Ты сильнее, чем сама думаешь, – заверил он ее. – Иди вперед. Следуй за остальными, моя медная красавица. Скоро для тебя настанут лучшие дни, но пока что ты должна быть сильной.

Его затопила теплая волна признательности. В ней запросто можно было утонуть. Но вместо этого Седрик позволил ей схлынуть и призвал драконицу сосредоточить те крохи разума, что ей достались, на упорном движении вперед. И малая толика его сознания, что принадлежала все еще лишь ему одному, задумалась, есть ли способ избавиться от этой нежеланной связи. Если медная драконица умрет, разделит ли он с ней боль? Или же только возрадуется сладостному избавлению?

Вернувшись на камбуз, Элис села за стол напротив Лефтрина и его неизменной кружки черного кофе. Вокруг них команда баркаса сновала по своим обычным делам, словно пчелы в улье. Рулевой стоял у румпеля, багорщики в размеренном ритме перемещались туда и обратно по палубе. Из окна Элис наблюдала за постоянным движением Хеннесси и Беллин вдоль правого борта. Григсби, рыжий корабельный кот, сидел на планшире, глядя на воду. Карсон поднялся еще до рассвета и отправился выше по реке за мясом для драконов. Дэвви остался на борту. Мальчик отчего-то сильно привязался к Седрику и переживал за его здоровье. Он не позволял никому другому готовить для больного еду и прислуживать ему. Элис трогало и одновременно раздражало то, насколько паренек, выросший в довольно грубом окружении, очарован утонченным молодым торговцем. Лефтрин уже дважды что-то бормотал себе под нос по этому поводу, но она не вполне уловила суть его недовольства, так что пропустила его мимо ушей.

Обычно к этому часу они с Лефтрином оставались в относительной тишине и уединении. Но сегодня охотник Джесс отчего-то задержался на борту – почти безмолвное, но крайне досадное соседство. Куда бы Элис ни пошла, он оказывался поблизости. Вчера она дважды ловила на себе его пристальный взгляд. Оба раза он не отводил глаз и многозначительно кивал, как будто они заключили какой-то уговор. Элис, хоть убей, не могла понять, на что он намекает. Она обсудила бы происходящее с Лефтрином, но Джесс постоянно был где-то поблизости, не давая поговорить наедине.

В присутствии этого охотника ей становилось как-то не по себе. Она уже привыкла к тому, как Дождевые чащобы отметили Лефтрина. Она воспринимала эти особенности как неотъемлемую часть его существа и даже не замечала, пока шальной солнечный луч не падал прямо на чешуйки у него на лбу. Но и тогда это казалось скорее необычным, чем отталкивающим. Джессу повезло куда меньше. Он напоминал Элис не дракона и даже не ящерицу, а змею. Нос его был таким плоским, что ноздри походили на щели на лице. Глаза расставлены слишком широко – еще немного, и они очутились бы по бокам головы. Элис всегда гордилась тем, что не судит о людях по внешности. Но даже просто глядеть на Джесса было неудобно, не говоря уже о том, чтобы по-настоящему разговаривать с ним. Поэтому, оказываясь рядом с охотником, она ограничивалась вежливыми беседами на общие темы.

– Кажется, Седрику сегодня немного лучше, – с воодушевлением сообщила она. – Я спросила, не хочет ли он вернуться в Кассарик на лодке, но он отказался. Думаю, он находит подобную затею слишком опасной, ведь уже скоро начнутся осенние дожди.

Лефтрин поднял на нее взгляд:

– Значит, вы оба останетесь с нами, сколько бы ни продлился поход?

Элис угадала в его голосе сотни вопросов и попыталась ответить на все сразу:

– По-видимому, да. Во всяком случае, я хочу увидеть, чем все закончится.

Джесс засмеялся, но не обернулся к ним и ничего не сказал. Он стоял, привалившись к дверному косяку, и смотрел на реку. Элис посмотрела на Лефтрина, как будто обращаясь за поддержкой. Капитан встретил ее взгляд, однако никак не отозвался на странное поведение Джесса. Возможно, она придает ему слишком большое значение.

– Знаешь, пока я не приехала сюда, я даже не представляла, с какими трудностями сталкиваются жители Дождевых чащоб, пытаюсь здесь строиться, – сменила тему Элис. – Мне всегда казалось, что где-нибудь в этой обширной долине все же можно отыскать обычную твердую почву. Но ее ведь здесь нет, верно?

– Болота, трясины и топи, – подтвердил Лефтрин. – Насколько я знаю, второго такого места в мире не найти. Сохранилось несколько карт с тех времен, когда сюда еще только прибыли поселенцы. Они пытались исследовать окрестности. На некоторых планах обозначено большое озеро выше по реке, – говорят, вода там простирается во всю ширь, насколько хва-

тает глаз. На других показано больше сотни притоков, питающих реку Дождевых чашоб, больших и малых. И ни у одного из них нет постоянного русла. Порой два притока сливаются, а на следующий год на их месте струятся уже три ручья. А еще через год все затопит болото, и никаких тебе отдельных потоков. Иногда лесные почвы кажутся надежными. Время от времени люди даже находили клочок земли, выглядевший сухим, и пытались строиться на нем. Но чем больше по ней ходили, тем быстрее «сухая земля» проседала. И вскоре грунтовые воды прорывались на поверхность, и та очень быстро превращалась в топь.

– Но ты все же считаешь, что где-то в верховьях реки найдется по-настоящему твердая почва, на которой смогут поселиться драконы?

– Я, как и ты, могу только гадать. Но по-моему, она должна найтись. Вода течет сверху вниз, и вся эта вода откуда-то берется. Вопрос в том, сможем ли мы подняться по течению достаточно высоко или же увязнем в болоте еще на подходах? Подозреваю, дальше нас вверх по этой реке еще не заходил ни один корабль. Смоляной сможет пройти там, где отступятся другие. Однако если река станет для него слишком мелкой, то на этом наше путешествие и завершится.

– Что ж, надеюсь, сегодня мы хотя бы найдем лучшее место для стоянки. По словам Тимары, ее беспокоят лапы и когти драконов. Постоянное пребывание в воде им вредит. Она говорит, у Синтары треснул коготь и ей пришлось подрезать его, замотать бечевкой и замазать сверху варом. Может, нам стоит обработать так же когти всех драконов, чтобы избежать повреждений?

Лефтрин нахмурился:

– Боюсь, у меня нет столько лишней смолы. Будем надеяться, сухое место для стоянки все-таки найдется.

– Надо подстричь им когти, – внезапно объявил Джесс, вторгаясь разом и в помещение, и в их разговор, выдвинул из-под стола табурет и тяжело опустился на него. – Сам подумай, кэп. Затупим драконам когти. Чуть-чуть подрежем, подмажем варом. И все в выигрыше, если разумеешь, о чем я.

Он переводил взгляд с Лефтрина на Элис и обратно, широко улыбаясь обоим. У него были мелкие зубы, редко расставленные в просторном рту. Улыбка выглядела по-детски невинной и не вязалась с мужским лицом; она приводила Элис в замешательство, даже тревожила. Как и ответ Лефтрина.

– Нет, – решительно отрезал он. – Нет, Джесс. И я не передумаю. Не пытайся настаивать. Не здесь, не сейчас. И тем более не предлагай хранителям.

Он многозначительно прищурился.

Джесс откинулся спиной на стену и взгромоздил сапоги на соседнюю скамью.

– Суеверия? – поинтересовался он у Лефтрина, понимая ухмыляясь. – А я-то считал тебя человеком широких взглядов, кэп! Свободным от предрассудков Дождевых чашоб. Ты рассуждаешь как деревенщина. А вот некоторые хранители вполне понимают, что порой стоит и поменять правила, чтобы не упустить свою выгоду.

Лефтрин медленно встал, уперся кулаками в стол, и плечи его напряглись, когда он подался вперед, к самому лицу охотника.

– Ты осел, Джесс, – понизив голос, произнес он. – Тупой осел. Ты даже сам не понимаешь, что предлагаешь. Почему бы тебе не заняться делом, за которое тебе платят?

Лефтрин оказался между Элис и Джессом – выглядело так, будто он защищает ее. Она не знала, от чего именно, но была искренне ему благодарна. Элис еще ни разу не видела капитана в таком гневе, но при этом настолько собранным. Она испугалась и в то же время ощутила мощный прилив приязни к Лефтрину. Вот, поняла она вдруг, вот о каком мужчине она мечтала всю жизнь.

Однако, несмотря на капитанский напор, Джесс сохранял невозмутимость.

– Делом, за которое мне платят? А разве не об этом мы сейчас говорим, капитан? Получить плату. И чем скорее, тем лучше. Может, нам всем стоит сесть и спокойно обсудить, как бы это устроить?

Он высунулся из-за спины капитана и понимающе ухмыльнулся Элис, приведя ее в полное смятение. На что это он намекает?

– Нечего нам обсуждать! – прорычал Лефтрин так, что задребезжали окна.

Джесс снова перевел взгляд на капитана.

– Я не позволю обвести меня вокруг пальца, Лефтрин! – прошипел он, внезапно понизив голос и подпустив в него угрожающих ноток. – Если она хочет свою долю, пусть сначала спросит меня. Я не стану молча стоять и смотреть, как ты меняешь партнера и вышвыриваешь меня из дела ради собственных шашней!

– Убирайся. – Голос Лефтрина опустился почти до шепота. – Уходи сейчас же, Джесс. Ступай на охоту.

Очевидно, тот понял, что злить капитана и дальше не стоит. Лефтрин не угрожал ему вслух, но от него так и веяло смертельной опасностью. Элис содрогалась от каждого оглушительного удара сердца и все никак не могла вдохнуть. Она до дрожи боялась того, что могло произойти в следующее мгновение.

Джесс спустил ноги со скамьи, грохнув сапогами об пол. Неторопливо поднялся, словно кот, который потягивается, прежде чем повернуться спиной к рычащему псу.

– Я уйду, – легко согласился он. – До следующего раза, – добавил он, выходя за порог, и уже из-за угла, но так, чтобы его слышали: – Все мы знаем, что это не последний разговор.

Лефтрин перегнулся через стол, чтобы дотянуться до створки двери. Он захлопнул ее с такой силой, что на столе подпрыгнула посуда.

– Вот ведь скотина, – прорычал он. – Вероломная скотина!

Элис вся дрожала, обняв себя руками за плечи.

– Я не поняла, – выговорила она срывающимся голосом. – О чем он говорил? Что он хочет со мной обсудить?

Лефтрин был зол, как никогда в жизни, и эта ярость говорила о том, что проклятый охотник не только рассердил, но и напугал его. И дело даже не в том, что сукин сын так грязно подумал об Элис. Но намеки охотника угрожали запятнать образ капитана в ее глазах.

Вопросы, на которые Лефтрин не решался ответить, повисли в воздухе между ними – острые как бритва, готовые изрезать их обоих в клочья. Капитан выбрал единственный безопасный курс. Он солгал.

– Ничего серьезного, Элис. Все будет хорошо.

И не успела она спросить, с чем ничего серьезного и что именно будет хорошо, как Лефтрин заставил ее умолкнуть единственным доступным способом: поднял ее на ноги и сжал в объятиях. Он привлек Элис к груди и прижался лицом к ее макушке, хотя и не должен был так поступать. Ее изящные маленькие руки легли поверх грубой, грязной ткани его рубахи. Ее волосы пахли чем-то душистым и были такими мягкими и тонкими, что путались в щетине на его подбородке. В его руках она была такая крошечная, такая хрупкая... Блуза под его ладонями казалась слишком тонкой, сквозь нее с легкостью просачивалось тепло кожи. Эта женщина была его противоположностью во всем, и он не имел ни малейшего права касаться ее. Даже если бы Элис не была замужней дамой, даже если бы она не была такой образованной и утонченной – все равно двое таких разных людей не могли бы стать парой.

И все же Элис не стала упираться, звать на помощь, колотить кулаками по его груди. Напротив, она вцепилась в грубую ткань его рубахи и притянула к себе, прижимаясь ближе. И снова они были противоположны друг другу во всем, и это оказалось прекрасно. Долгий миг он молча обнимал ее, на время позабыв о предательстве Джесса, о собственной уязвимости, об

опасности, грозящей им всем. Каким бы запутанным ни оставалось все прочее, это мгновение было простым и совершенным. Как бы он хотел задержаться в нем, не двигаясь, даже не думая о предстоящих им трудностях.

– Лефтрин... – прошептала Элис, уткнувшись ему в грудь.

В другое время и в другом месте это послужило бы разрешением. Но здесь и сейчас оно разрушило чары. Тот миг простоты, их краткое объятие остались в прошлом. Капитан еще немного склонил голову, коснувшись губами ее волос, а затем с тяжелым вздохом отстранился.

– Прости, – пробормотал он, хотя ни о чем не сожалел. – Прости, Элис. Не знаю, что это на меня нашло. Наверное, не стоило мне так злиться на Джесса.

Она не выпускала его рубашку, крепко сжимая ткань в маленьких кулачках. Лбом она упиралась ему в грудь. Лефтрин понимал: она не хочет, чтобы он уходил. Она не хочет, чтобы он прекращал то, что начал. Высвобождаясь из ее рук, он как будто отрывал от себя цепкого котенка, и дело лишь осложнялось тем, что сам он этого не хотел. Он и представить не мог, что однажды станет бережно отталкивать от себя женщину «ради ее же блага». С другой стороны, он никогда не думал, что окажется в столь сомнительном положении. Пока он раз и навсегда не разберется с Джессом, он не может позволить Элис ничего, что превратит ее в оружие против него.

– Похоже, течение становится ненадежным. Мне нужно переговорить со Сваргом, – солгал он.

Лишь бы уйти с камбуза, подальше от нее, чтобы она не успела спросить, как понимать слова Джесса. А заодно Лефтрин сможет убедиться, что охотник действительно убрался с баркаса и занялся своим делом.

Когда он мягко отстранился от Элис, та взглянула на него в крайнем замешательстве:

– Лефтрин, я...

– Я ненадолго, – пообещал он, отворачиваясь.

– Но... – успел услышать он, а потом осторожно прикрыл дверь, отгородившись от ее слов, и поспешил на палубу.

Отойдя подальше, чтобы его не было видно из окна, Лефтрин остановился и облокотился о планширь. Ему не хотелось разговаривать со Сваргом или с кем-то еще. Не нужно, чтобы команда знала, во что он их всех втянул. Будь проклят Джесс со своими туманными угрозами, будь проклят тот калсидийский купец и плотники, не умеющие держать рот на замке. И будь проклят он сам за то, что заварил эту кашу. Когда он только нашел то диводрево, он знал, что оно может навлечь на него беду. Почему он не оставил его там лежать? Или не рассказал о нем драконам и Совету, чтобы те сами о нем беспокоились? Ведь он знал, что присваивать диводрево и использовать его теперь запрещено. Но все равно это сделал. Потому что любит свой корабль.

Капитан ощутил, как по фальшборту Смоляного прошла дрожь беспокойства. Он успокаивающим жестом сжал планширь и заговорил вслух, хотя и негромко, обращаясь к живому кораблю.

– Нет, я ни о чем не жалею, – заверил он корабль. – Ты это заслужил. Я взял то, что было тебе нужно, и меня не заботит, может ли кто-то другой понять или простить меня. Я лишь опасаясь, что это принесет неприятности всем нам. Ничего больше. Но я найду способ все уладить. Можешь не сомневаться.

И, словно выражая разом благодарность и верность, корабль набрал скорость.

– И к чему такая спешка? – фыркнув, буркнул стоящий у румпеля Сварг.

Багорщикам пришлось ускориться, подлаживаясь к ходу судна. Лефтрин снял руки с планширя, засунул в карманы и прислонился к стенке палубной надстройки, чтобы не путаться под ногами у команды. Он ничего не сказал никому из них, а те знали, что не стоит обращаться

к нему, когда он стоит вот так, весь в размышлениях. У капитана трудности. Он справится с ними сам, без помощи команды. Именно так поступают капитаны.

Лефтрин выудил из одного кармана трубку, из другого – табак, но затем убрал их обратно, поняв, что не может вернуться на камбуз за огоньком. Он вздохнул. Лефтрин был до мозга костей торговцем Дождевых чащоб. Прибыль крайне важна. Но и верность тоже. И человечность. Калсидийцы предложили ему план, сулящий богатство. Если только он согласится предать Дождевые чащобы и убить разумное существо, словно обычное животное, то получит целое состояние. И свое предложение они замаскировали под угрозу – обычный для калсидийцев способ втягивать кого-либо в дело. Началось все с «торговца зерном», который поднялся на борт Смоляного в устье реки Дождевых чащоб, чтобы угрожать Лефтрину. Синад Арих был настолько откровенен, насколько это возможно для калсидийца. Герцог Калсиды держит в заложниках его родных, и Арих пойдет на все, чтобы добыть драконьи потроха и прочее старику на лекарства.

Лефтрин думал, что видел купца в последний раз, когда высадил его в Трехоге, думал, что угроза для него и его корабля миновала. Но нет. Если калсидиец однажды вцепился в тебя, то уже никогда не отпустит. Еще в Кассарике, перед самым отплытием, кто-то поднялся на борт и оставил под дверью маленький свиток. В тайной записке говорилось, что вскоре на борт поднимется сообщник. Если капитан будет с ним сотрудничать, ему щедро заплатят. Если же нет, всем станет известно, как он поступил с диводревом. И тогда его жизнь мужчины, судовладельца и торговца будет разрушена. Но главное, возможно, он упадет в глазах Элис.

И вот это подозрение перевешивало три несомненные угрозы. Капитана совершенно не прельщало предложение калсидийца, но прежде он раздумывал, не уступить ли принуждению. А теперь Лефтрин решил твердо: никогда. Стоило ему услышать, как драконьи хранители возмущенным шепотом обсуждают предложение Грефта, и он понял, кто предатель. Не Грефт – пусть юнец считает себя образованным и свободомыслящим, но Лефтрин повидал таких ребят. Все политические идеи и «свежие» мысли мальчишки пусты. Хранитель всего-навсего повторяет убедительные слова кого-то из старших. Причем не Карсона, с облегчением понял Лефтрин. Не придется ссориться со старым другом – и на том спасибо.

Засланец – Джесс. Охотник поднялся на борт в Кассарике, якобы тамошний Совет торговцев нанял его, чтобы обеспечивать драконов пищей в пути. Либо Совет понятия не имел о другом его нанимателе, либо там все настолько прогнило, что даже думать не хочется. Сейчас не до этого, главное – охотник. Джесс явно искал подходы к Грефту, болтал с ним у костра каждый вечер, обещал, что научит лучше управляться с охотничьим снаряжением. Лефтрин видел, как он втирается в доверие к юноше и завоевывает его уважение, как вовлекает его в замысловатые философские беседы, исподволь заставляя поверить, что Грефт сам видит, насколько узки и наивны взгляды его товарищей. Это Джесс убедил мальчишку, будто предводительство обязывает совершать немыслимые прежде поступки ради «высшего блага» тех, у кого кишка тонка признать такую необходимость. Джесс укрепил его убеждение, что он возглавляет драконьих хранителей. Сам Лефтрин находил это маловероятным. Он видел лица других ребят, когда те обсуждали предложение Грефта. Все как один были неприятно поражены. Даже его прихвостни, Кейз и Бокстер, не шагнули вслед за ним на эту зыбкую почву – только переглядывались, как растерянные щенки. Выходит, Грефт с ними это раньше не обсуждал.

Вот так Лефтрин и вычислил, откуда идет зараза. Джесс. Джесс наверняка подал идею так, что все выглядело разумно и практично. Джесс намекнул мальчишке, что настоящему предводителю иногда приходится принимать трудные решения. Настоящие предводители порой вынуждены совершать опасные, неприятные и даже безнравственные поступки ради тех, кто следует за ними. Например, разделать дракона и продать по частям чужестранцам, чтобы набить собственные карманы.

И юнец легковерно прислушался к словам мудрого старшего охотника и стал выдавать его мысли за свои. А когда его выступление провалилось, в опале оказался один Грефт. Дружба Джесса с остальными хранителями не пострадала, зато охотник узнал, как они относятся к забою драконов ради денег. Что весьма печально – Лефтрин считал, что Грефт способен со временем возглавить отряд, когда набьет достаточно шишек на пути наверх. Впрочем, эта оплошность может стать одной из таких шишек. Если парню хватит выдержки, он сделает выводы из случившегося и двинется дальше. Если же нет – что ж, некоторые матросы становятся капитанами, а другим не дослужиться и до помощников.

Как бы там ни было, промашка Грефта пролила для Лефтрина свет на происходящее. Он и раньше подозревал Джесса, однако теперь знал наверняка. Когда Лефтрин в первый раз побеседовал с охотником наедине и обвинил его в пособничестве калсидийскому купцу, тот даже бровью не повел. Он тут же признался и предположил, что теперь, когда между ними не осталось недомолвок, работать вместе будет куда как проще. Капитан до сих пор скрипел зубами, вспоминая, как гнусный негодяй ухмылялся, предлагая замедлить ход баркаса: тогда драконы, хранители и остальные охотники ушли бы далеко вперед, а они с легкостью прикончили бы отстающего зверя.

– И как только мы избавим бедолагу от мучений и разделаем тушу, то развернем судно и направимся в открытое море. Нет нужды ни заходить в Трехог или Кассарик, ни даже проходить мимо них при свете дня. Мы доставим груз напрямик к побережью. Когда окажемся на месте, я подам сигнал особым порошком – он испускает ярко-красный дым почти без огня. Печки с камбуза будут довольно. Нам навстречу выйдет корабль, и мы отправимся в Калсиду за деньгами, каких тебе с командой не потратить вовек.

– На борту Смоляного находится не только моя команда, – холодно заметил Лефтрин.

– Это я заметил. Но, между нами, по-моему, баба от тебя без ума. Так не церемонься с ней. Скажи, что увезешь ее в Калсиду, где она будет жить как принцесса. Она согласится. А тот щеголь, что ее сопровождает, только и мечтает, чтобы добраться до цивилизации. Скорее всего, ему безразлично, куда ехать, лишь бы не в Дождевые чащобы. Или включи его в уговор. – Охотник ухмыльнулся еще шире и добавил: – Или просто избавься от него. Лично мне без разницы.

– Я никогда не покину корабль. А Смоляной не выдержит дороги в Калсиду.

– Неужто? – изумился предатель, склонив голову набок. – Сдается мне, твой баркас может выдержать куда больше, чем кажется с первого взгляда. Если тебе мало тех денег, что ты получишь за куски дракона, бьюсь об заклад, ты не меньше выручишь за корабль, тем более «усовершенствованный». Целиком. Или по частям.

Вот так-то вот. Охотник спокойно встретил яростный взгляд капитана, не прекращая гаденько улыбаться. Он знал. Он знал, чем был Смоляной, знал, что нашел Лефтрин и как поступил со своей находкой. «Ты сам-то ничем не лучше», – говорила эта улыбка. Он такой же, как Джесс. Лефтрин уже наживался на драконах.

И если он выдаст Джесса, тот оплатит той же монетой. Капитан ощутил, как Смоляной тянется к нему. Он быстро шагнул к борту и положил руку на серебристую древесину.

– Все наладится, – заверил он корабль. – Поверь мне. Я что-нибудь придумаю. Я всегда нахожу выход.

Убрав ладонь с планширя, он направился к Сваргу, просто на случай, если Элис вдруг выйдет на палубу.

Сварг, по обыкновению неразговорчивый, налегал на румпель, и его взгляд, отстраненный и мечтательный, был прикован к воде. А ведь он немолод, понял вдруг Лефтрин. Да что там, он и сам уже давно не мальчик. Капитан пересчитал годы, проведенные ими бок о бок, припомнил, что им довелось пережить вместе, плохое и хорошее. Сварг не усомнился в решении капитана, когда Лефтрин рассказал о найденном диводреве и как намерен использовать

его. Сварг мог бы выдать его, но не стал. Сварг мог бы взять его за горло, потребовать себе часть древесины в обмен на молчание, уйти с судна, продать ее и разбогатеть. Но ничего этого он не сделал. Он попросил только об одном – простая просьба, с которой ему следовало бы обратиться давным-давно.

«Есть одна женщина, – проговорил он тогда медленно. – Хорошая женщина, из речных, умеет управляться с работой на корабле. Я знаю, что если останусь на судне сейчас, значит останусь навсегда. С такой женщиной легко быть рядом. Она сможет навсегда стать частью команды. Она понравится тебе, кэп. Я уверен, понравится».

Вот так Беллин стала частью заключенного с рулевым уговора, и никто об этом ни разу не пожалел. Она поднялась на борт, повесила на крюк матросскую кису и сшила занавеску, чтобы они со Сваргом могли уединиться. Смолянному она сразу понравилась. Баркас стал ее домом и его судьбой. Эти двое давно уже порвали все связи с сушей, и Сварг был доволен своей жизнью. И вот сейчас он стоял, сжимая широкими ладонями румпель, как и обычно, днями напролет. Лефтрин полагал, что Сварг, постоянно касающийся древесины, знает Смоляного не хуже его самого. Знает и любит.

– Как он сегодня? – спросил капитан, как будто сам не знал ответа.

Сварг поднял на него взгляд, слегка удивившись бессмысленности вопроса.

– Отлично идет, капитан, – буркнул он обычным низким тоном, так что требовалась привычка, чтобы разобрать произнесенное. – В охотку. Дно здесь хорошее. Не такой топкий ил, как вчера. Мы идем верным курсом. Это точно. И быстро.

– Рад слышать, Сварг, – отозвался Лефтрин, и рулевой вернулся к своим размышлениям и созерцанию.

В этом году Смолянному пришлось преобразиться, и это было для него непростое время. Лефтрин распустил бо́льшую часть команды, сообщив о своей находке и замыслах, связанных с диводревом, только тем, в ком был уверен, что они не разболтают и не уйдут. Ни один багорщик не смог бы поработать на Смоляном и не заметить, чем отличается баркас от других судов. Капитан лично отобрал каждого члена команды и взял с него обещание остаться на борту до конца своих дней. Хеннесси преданно любил баркас, Беллин нравилась жизнь на судне, а Эйдер отличался разговорчивостью якоря. Что до Скелли, корабль должен был перейти к ней по наследству. Казалось бы, тайна надежно скрыта от посторонних.

Но на деле вышло иначе. И вот теперь все они в опасности, включая корабль. Что примет Совет, если узнает о поступке капитана? Как воспримут это драконы? Лефтрин стиснул зубы и кулаки. Слишком поздно идти на попятный.

Капитан медленно обошел палубу кругом, проверяя то, что не нуждалось в проверке, и не находя ни единой неполадки. Джесс и его лодка исчезли. Отлично. Лефтрин на миг задумался, затем достал флягу с ромом и выплеснул ее содержимое за борт, в речную воду.

– Чтоб он никогда не вернулся! – свирепо воззвал капитан к Элю.

Как известно, этого бога не трогают мольбы, но время от времени его удается подкупить. Обычно Лефтрин обращался к Са, если вообще молился. Но порой жестокость языческого бога остается последней надеждой человека.

Ну, не вполне последней. Он всегда может прикончить негодяя и сам...

Эта мысль смущала капитана, причем не только тем, что Джесса наверняка будет не так-то просто убить. Лефтрин считал, что он не из тех, кто избавляется от неудобных людей. Однако Джесс дал понять, что доставит ему не просто неудобство.

На воде, размышлял Лефтрин, найдется множество способов избавиться от человека, выдав дело за несчастный случай. Он рассуждал хладнокровно. Джесс силен и проницателен. Глупо было сегодня рычать на него. Стоило изобразить интерес к предложению охотника, усыпить его бдительность. Стоило пригласить его на полночную прогулку к спящим драконам. Отличная возможность прикончить охотника. Но Джесс вывел Лефтрина из себя настолько,

что ему стало не до стратегии. Гнусные ухмылки в сторону Элис он стерпеть не мог. Этот крысук почуял, как относится к ней Лефтрин. И у капитана сложилось впечатление, что Джесс с радостью испортит им жизнь – просто потому, что может. Он видел лицо охотника, когда Элис вернулась на борт с драконьей чешуйкой, которую с таким восторгом всем показывала. Он видел жадный огонек, вспыхнувший в глазах Джесса, и испугался за Элис. Лефтрин прошел еще несколько шагов по палубе и поправил бухту троса, и без того уложенную вполне аккуратно.

Позапрошлой ночью Джесс явился к Лефтрину с новым планом. Плешь ему проел, твердя, что Седрик якобы охотно присоединится к «их» заговору. Он не пожелал объяснить, откуда у него такая уверенность, но Лефтрин дважды заставлял его около каюты больного. Джесс лишь презрительно ухмылялся – он явно считал, что Лефтрин, Элис и Седрик вместе сговорились против драконов, а он сам может присоединиться к их союзу и использовать его к собственной выгоде. Рано или поздно Джесс поговорит с Седриком, и тот легко поверит, будто Лефтрин заодно с охотником. Капитан ясно себе представлял, что скажет торговец из Удачного, когда Джесс поделится таким вот замыслом: Лефтрин похищает Элис и увозит ее в Калсиду, поскольку сам Седрик, получив достаточно денег, с радостью поедет туда же. Или что скажет Элис, если ее убедят, будто Лефтрин только и ждет удобного случая, чтобы прикончить дракона.

Этот Джесс непредсказуем. От него необходимо избавиться. В капитане зрела холодная уверенность, и он чувствовал, что Смоляной согласен с его решением. Это казалось едва ли не облегчением.

Убийство Джесса, предположил он, повлечет за собой определенные последствия, даже если обставить его как несчастный случай. Калсидийский купец Синад Арих захочет узнать, что случилось с его наемником, если Джесс не пришлет ему весточку в условленный срок. Что ж, пусть гадают! Река Дождевых чащоб – место опасное. Здесь люди и более опытные, чем Джесс, и куда более порядочные погибали. Решение укоренилось в душе Лефтрина. Скоро Джесс умрет.

Но это придется как-то подстроить. А значит, надо попытаться убедить охотника, что капитан передумал. Может быть, даже удастся уверить Джесса, что он потерял интерес к Элис. Если охотник перестанет видеть в ней оружие, которым можно воспользоваться против Лефтрина, то, скорее всего, прекратит ее донимать. После чего останется лишь дожидаться подходящей возможности.

Тут Смоляной без слов окликнул его, привлекая внимание.

– Что такое? – спросил он у корабля и остановился.

Быстро оглядевшись, Лефтрин не заметил ничего опасного. Несмотря на предлог, под которым он сбежал от Элис, эта часть реки не сулила никаких неприятностей. Русло окаймляли заросли камыша, и баркас просто двигался между ними. Рыбы здесь было полно, и Лефтрин подозревал, что драконы по пути как следует подкрепятся.

Затем капитан разглядел, как трепещут деревья, растущие за камышами. Кроны содрогались, с некоторых посыпались желтые листья и мелкие ветки. Мигом позже прибрежные камыши всколыхнула волна и покатила дальше, в реку, взбаламутив воду и траву. Она ударила в корпус судна и прошла дальше, почти незаметная на глубине.

– Землетрясение! – крикнул с кормы Сварг.

– Землетрясение! – проревел Большой Эйдер, предупреждая хранителей в лодках.

– Точно! – подтвердил Лефтрин. – Отведите Смоляного как можно дальше от берегов, но так, чтобы не потерять дно. Осторожно, взялись!

– Поберегись! – откликнулись багорщики.

Пока Смоляной отходил от берега, по кронам деревьев прошла еще одна волна. На землю дождем посыпались листья, ветки и старые птичьи гнезда. Миг – и камыши, ряд за рядом, оку-

нулись в воду, а затем баркас покачнулся. Лефтрин нахмурился, но не отвел взгляда от деревьев. Землетрясения частенько случались в Дождевых чащобах, и по большей части на слабые толчки никто не обращал внимания. Сильные же не только угрожали жизни рабочих, ведущих раскопки в городах Старших, но и могли свалить старое или подгнившее дерево. Даже если ствол не рухнет прямо на палубу, из-за них, как слышал Лефтрин, порой тонули корабли. Говорят, во времена его дедушки именно упавшее дерево, по-настоящему огромное, остановило все движение на реке, и рабочим потребовалось почти полгода, чтобы расчистить фарватер. Сам он несколько сомневался в правдивости этой истории, но в каждой легенде найдется зерно истины. Наверняка где-нибудь да упало достаточно большое дерево, чтобы пошли такие слухи.

– Что происходит? – В голосе Элис угадывалась тревога.

Она услышала крики и вышла на палубу.

– Землетрясение, и довольно сильное, – не глядя на нее, ответил Лефтрин. – Пока что никаких осложнений, похоже, только деревья как следует встряхнуло. Ни одно не упало. Если не будет второго толчка, посильнее, мы легко отделаемся.

К ее чести, Элис только кивнула в ответ. Землетрясения были обычным делом по всем Проклятым берегам. Жителей Удачного ими не удивишь, хотя капитан сомневался, что Элис доводилось переживать подобное на воде или остерегаться падения крупных деревьев. Возможно, и следующее предостережение окажется для нее новостью.

– Иногда из-за землетрясений вода в реке становится более едкой. Но не сразу. Считается, что-то происходит выше по течению и выпускает белую воду. Через два-три дня мы, возможно, увидим, что река совсем побелела. Или нет. А вслед за действительно сильным землетрясением иногда приходят грязевые дожди.

Элис тут же оценила угрозу.

– Если вода сделается едкой, что делать драконам? И выдержат ли лодки хранителей?

Лефтрин глубоко вдохнул и выдохнул через нос:

– Ну, эта опасность на реке была всегда. Лодки, вероятно, некоторое время продержатся, хотя на всякий случай, если вода станет едкой, мы затащим их на палубу, поставим друг на друга, а хранители поплывут с нами.

– А драконы?

Капитан покачал головой:

– Насколько я понял, у них довольно прочные шкуры. Многие животные, рыбы и птицы чащоб привычны к здешней воде. Кое-кто держится подальше от реки, когда она белеет, а другие вроде бы и не замечают разницы. Если вода станет едкой, многое будет зависеть от того, насколько сильно и как надолго она изменится. День-другой, думаю, драконы выдержат. Если дольше, я начну беспокоиться. Но может, нам повезет, мы найдем сухой берег, и драконы переждут на нем самое худшее.

– А если берега не будет? – негромко спросила Элис.

– Ты и сама знаешь ответ, – отозвался Лефтрин.

До сих пор за всю дорогу такое случилось лишь однажды. Как-то вечером они так и не нашли надежного места для отдыха. Во все стороны, сколько ни смотри, тянулись одни болота, и драконам некуда было вылезти из воды. Несмотря на все их ворчание, им пришлось ночевать прямо в реке, а хранители улеглись на палубе Смоляного. Драконам тот опыт пришелся совершенно не по вкусу, однако они выжили. Но тогда вода была не слишком едкой, а погода – мягкой.

– Им придется потерпеть, – заключил Лефтрин.

Ни он сам, ни Элис не заговорили вслух о том, что белая вода может разесть раны драконов.

– Это путешествие изначально сопровождали опасности, – чуть помолчав, добавил Лефтрин. – Очевидные опасности, с которыми мы постоянно живем бок о бок. Первые «посе-

ленцы» Дождевых чашоб были, по сути, брошены здесь на произвол судьбы. Ни один человек в здравом рассудке не пришел бы в эти края по доброй воле.

– Я знаю историю своего народа, – перебила Элис несколько резко, но тут же слабо улыбнулась. – И я, со всей определенностью, пришла сюда по доброй воле.

– Да, верно, история Удачного – это история Дождевых чашоб. Но по-моему, мы живем тут побольше вашего.

Капитан облокотился на борт, ощущая под руками крепость Смоляного. Окинул взглядом течение своего мира.

– Странность струится в водах этой реки и влияет на всех нас так или иначе. Трехог не самое удобное место для жизни, и Кассарик не лучше. Но без этих городов у Удачного не было бы магии Старших на продажу. То есть нет Дождевых чашоб – нет и Удачного, как я это вижу. Но я пытаюсь сказать, что поколение за поколением, десятилетие за десятилетием молодые исследователи пускались в путь, обещая, что найдут лучшее место для поселения. Некоторые так и не вернулись. Остальные же рассказывали об одном и том же. Ничего, кроме бескрайней долины, где много деревьев и еще больше сырости. И чем дальше углубляешься в лес, тем более странным он становится. Все экспедиции, поднимавшиеся вверх по течению, возвращались, уверяя, что дошли до конца судоходного русла или до места, где река разлилась во всю ширь, так что оба берега напрочь скрылись из вида.

– Но ведь они просто не заходили достаточно далеко, правда? Мне попадалось так много упоминаний Кельсингры, что я верю: она точно существовала. И где-то существует до сих пор.

– Горькая правда в том, что мы можем прямо сейчас проплывать над ней и никогда об этом даже не узнать. Или же она может остаться в полудне пути от нас, за деревьями, укрытая мхом и грязью. Или стоять на одном из притоков, которые мы миновали. Два других города Старших то ли затонули, то ли их засыпало. Никто не знает наверняка, что с ними случилось, но известно, что теперь они под землей. То же самое могло произойти и с Кельсингрой. Вероятно, так и было. Нам известно, что давным-давно стряслось что-то грандиозное и ужасное. От этого погибли Старшие и почти вымерли драконы. Изменилось все. И сейчас на самом деле мы всего лишь следуем за драконами по самому судоходному руслу и надеемся к чему-то прийти.

Лефтрин поднял взгляд на Элис и увидел, как побледнело ее лицо под веснушками, как сжались губы.

– Чистая логика, Элис, – добавил он, пытаясь говорить мягче. – Если бы Кельсингра выстояла, разве не уцелели бы Старшие? А если бы Старшие выжили, разве они не спасли бы драконов? Ведь на всех гобеленах они всегда рядом.

– Но... если ты не веришь, что мы найдем Кельсингру, если ты с самого начала не верил, что мы можем ее найти, зачем ты вообще отправился в этот поход?

Тогда он заглянул прямо в ее серо-зеленые глаза:

– Ты хотела поехать. Ты хотела, чтобы поехал я. Так я мог побыть рядом с тобой, пусть и не слишком долго.

При этих словах вся душа Элис отразилась в ее глазах. Лефтрин отвел взгляд:

– Вот что определило мое решение. Сперва, когда я только услышал об этом, я подумал: «Э, безумная затея! Вряд ли что получится, и, быюсь об заклад, платят соответственно». Часть денег вперед и обещание золотых гор, когда «дело будет сделано». И приключения по дороге. На реке нет человека, который не гадал бы, где ее исток. И вот представилась возможность узнать наверняка. А я всегда был азартен. Всякий, кто работает на реке, играет в орлянку так или иначе. Вот я и сделал ставку.

Лефтрин бросил сам себе вызов и принял собственное пари. Руки Элис лежали на планшете рядом с его руками. Он мягко накрыл ладонью ее пальцы – и его едва не скрутило судорогой. Дрожь охватила все его тело. Рука Элис лежала под его ладонью, а под ней был Смоляной.

«Все, что мне нужно в этой жизни, сейчас здесь, под моей рукой», – пронеслось у него в голове.

Мысль отдалась эхом во всем теле, проникла в кости, вошла в шпангоуты Смоляного и вернулась обратно, так что капитан уже не мог определить, где именно она зародилась.

Двенадцатый день месяца Молитв, шестой год Вольного союза торговцев

От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, – Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге

Приложенное письмо в запечатанном футляре, весьма секретное, адресовано торговцу Ньюфу. Была внесена дополнительная плата, чтобы обеспечить доставку с неповрежденной печатью.

Детози, мой ученик по-прежнему отлично справляется с обязанностями. Твоя семья прекрасно его воспитала. Еще будет голосование смотрителей, но, скорее всего, Рейал получит звание подмастерья. Я, разумеется, сообщая тебе это по секрету, зная, что ты не обмолвишься ему ни словечком до официального решения.

Он так преуспел, что я подумываю, не взять ли мне отпуск. Мне уже давно хотелось съездить в Дождевые чащобы и посмотреть на тамошние чудеса. Я, конечно же, не намерен злоупотреблять гостеприимством твоих родных, но был бы рад наконец-то увидеть тебя воочию. Что ты об этом думаешь?

Эрек

Глава 3

Первая добыча

Все до единого хранители сразу поняли, что им угрожает, когда прошедшая по воде рябь всколыхнула лодки. Шедшие впереди драконы внезапно встали, широко расставили лапы и зарылись когтями в речное дно, дожидаясь, пока волна не пройдет. Серебряный дракон неистово затрубил, мотая головой так, будто пытался посмотреть во все стороны одновременно. Вспугнутые птицы вспорхнули с деревьев и заматались над рекой, выражая ужас криками и писком.

– Хорошо, что мы не бросились к берегу! – крикнул Рапскаль, когда последовал второй толчок и на лесную почву и мелководье дождем посыпались листья и ветки. – Не хватало еще, чтобы на нас упало дерево!

Тимара об этом и не тревожилась, пока он не сказал. Она слишком увлеклась, сравнивая ощущения от землетрясения на воде и на вершине дерева. Может, родители тоже почувствовали толчок. Высоко в кронах Трехога, в шатких дешевых лачугах, прозванных Сверчковыми Домиками, при землетрясении содрогалось все. Люди кричали и хватались за ветви деревьев, если могли. Порой во время толчков падали дома, как тяжелые, так и хлипкие. От этих мыслей Тимару охватили тревога за родителей и тоска по дому. Однако возглас Рапскаля вырвал ее из задумчивости, как только она поняла, что оказаться под рухнувшим деревом не менее опасно, чем самому с него упасть.

– Правь подальше от берега! – приказала она Рапскалю и сама сильнее налегла на весло.

Они почти нагнали остановившихся драконов. Вокруг бестолково мельтешила разметанная лодочная флотилия.

– Нет. Все уже кончилось. Глянь на драконов. Они знают. Они пошли дальше.

Рапскаль был прав. Драконы впереди обменялись негромкими трубными звуками и медленно двинулись дальше по илу и воде. Остановившись, они сбились в кучу вокруг Меркора, а теперь снова рассеялись по руслу реки. Золотистый пошел первым, а остальные тащились за ним. Тимара уже привыкла ежедневно наблюдать, как драконы бредут по воде впереди. Но когда они снова сдвинулись с места, она вдруг увидела их свежим взглядом. Их было пятнадцать, от Кало, который почти достиг нормальных драконьих размеров, до Медной, чья холка была немногим выше головы Тимары. Солнце играло на воде и их чешуе. Золотые и красные, лиловые и оранжевые, сверкающие синие, от лазурной до почти черной, их шкуры едва не слепили блеском. Девушка поняла, что и цвета сделались ярче и насыщенней. Драконы стали не просто чище – они явно поздоровели. У некоторых в окрасе начали проявляться дополнительные цвета. Темно-синие крылья Синтары украсились серебряной каймой, а бахрома на шее приобрела новый оттенок.

Все драконы двигались с тяжеловесным изяществом. Кало с Сестиканом шли сразу за Меркором, и их головы при ходьбе покачивались взад-вперед. Прямо на глазах у Тимары Сестикан сунул морду под воду и вытащил жирную вялую речную змею. Дракон резко тряхнул добычу, и извивавшаяся тварь безвольно повисла в его пасти. Он съел ее на ходу, запрокинув голову и проглотив змею, как птица глотает червя.

– Надеюсь, моя крошка Хеби найдет что-нибудь съедобное по дороге. Она проголодалась. Я чувствую.

– Если не сумеет, постараемся вечером что-нибудь для нее добыть, – ляпнула Тимара, не подумав.

И вдруг поняла, что все безропотнее делится с остальными добычей, которую приносит с вечерней охоты. Чаще всего пища доставалась самому голодному дракону. Это не слишком-то

располагало к ней Синтару, но ведь и синяя королева не особенно любезничала с Тимарой. Пусть сама поймет, что верность – штука взаимная.

Остаток дня Тимара ждала новых толчков, но если они и были, то настолько слабыми, что никто их не ощутил. Когда они встали лагерем на топком берегу, все только и говорили что о землетрясении, гадая, побелеет ли после него вода. Разъяснив за ужином во всех подробностях нависшую угрозу для всех и каждого, Грефт внезапно поднялся и закрыл тему.

– Что бы ни случилось, оно все равно случится, – заключил он сурово, словно ожидая возражений. – Нет смысла переживать, а подготовиться невозможно. Так что просто будьте наготове.

И он ушел от их освещенного костром круга в темноту. Еще несколько минут все сидели молча. Тимара ощущала неловкость – Грефт явно до сих пор расплачивался за неосторожные слова о медной драконице. И то, как он провозгласил очевидное, показалось ей вялой попыткой отстоять свое главенство. Даже его ближайшим сторонникам, похоже, стало за него неловко. Ни Кейз, ни Бокстер не пошли за ним и даже не посмотрели ему вслед. Тимара не отрываясь глядела в огонь, однако краем глаза заметила, как вскоре поднялась Джерд, долго напоказ потягивалась, а затем тоже скрылась в темноте. Проходя мимо Тимары, она пожелала девушке доброй ночи тихим язвительным голоском. Та стиснула зубы и ничего не ответила.

– Что с ней в последнее время творится? – вслух спросил Рапскаль, сидевший справа от Тимары.

– Такая уж она есть, – кисло откликнулся Татс.

– Я точно понятия не имею, что с ней. И вообще иду спать, – заявила Тимара.

Ей хотелось уйти, пока кто-нибудь не заметил ее смущения.

– Что ж, доброй ночи, – пробормотал Татс чуть суховато, словно своим резким ответом она в чем-то его упрекнула.

– Я скоро приду, – радостно известил ее Рапскаль.

Тимара так и не сумела ему объяснить, что на самом деле вовсе не хочет все время ночевать с ним рядом. Однажды, когда она мягко намекнула, что не нуждается в охране, он жизнерадостно объяснил, почему ему нравится спать с ней спина к спине.

– Так теплее, а если что-то случится, ты наверняка проснешься быстрее меня. Да и нож у тебя больше.

Вот так, к скрытому изумлению остальных, Рапскаль сделался ее неизменным соседом по походной постели ночью и товарищем по лодке днем. Тимара по-своему привязалась к нему, но его постоянное присутствие все-таки не могло не раздражать. С тех пор как она увидела Грефта с Джерд, ее одолевали тревоги. Она пыталась разобраться в собственных переживаниях, но так и не нашла убедительных ответов на свои вопросы.

Мог ли Грефт сам создать для себя новые правила? А Джерд? Если смогли они, что насчет всех остальных? Тимара отчаянно мечтала улучшить минутку и спокойно поговорить с Татсом, но Рапскаль вечно оказывался рядом. А когда не было его, за Татсом таскалась Сильве. Тимара не была уверена, расскажет ли Татсу о том, что видела в лесу, но точно знала, что хочет это с кем-нибудь обсудить.

В тот вечер, вернувшись в лагерь, Тимара действительно подумывала, не рассказать ли о происходящем капитану Лефтрину, раз уж он командует судном, помогающим им в походе. Но чем дольше она размышляла, тем меньше ей хотелось обращаться к нему. Все подумают, решила Тимара, что она сплетница, да еще и предала своих. Нет. Происходящее между Грефтом и Джерд касается только драконьих хранителей, и никого больше. Именно они всю жизнь были связаны правилами, придуманными для них другими – вроде капитана Лефтрин, теми, кто тоже отмечен чащобами, однако не загоняет из-за этого себя в рамки. Разве это справедливо? Разве правильно, что кто-то другой может принимать подобные решения и связывать ими ее и других хранителей?

Тимара до сих пор заливалась румянцем всякий раз, как вспоминала о происшедшем. Смущало уже то, что она видела Грефта с Джерд и знала теперь, чем они занимались. Но еще хуже было понимать, что они застукали ее за подглядыванием. Она не могла смотреть им в глаза, но столь же неловко было и избегать их взглядов. Хуже того, из-за колких замечаний Джерд и самодовольных взглядов Грефта она невольно чувствовала неправой себя. А ведь она-то все делала правильно, правда же?

То, чем занимались Грефт с Джерд, противоречило всему, чему учили Тимару. Даже будь они супругами, это все равно осталось бы неправильным... не то чтобы им кто-то позволил бы пожениться. Все знают, что, если Дождевые чащобы сильно метят ребенка с самого рождения, лучше всего бросить его умирать и зачать нового. Такие дети редко доживают до пяти лет. В краях, где нужда в порядке вещей, глупо тратить силы и средства на обреченного младенца. Разумнее даже не пытаться его вырастить. Тем же, кто выжил, как Тимара, благодаря везению или упрямству родичей, запрещено вступать в связи, не говоря уже о том, чтобы обзаводиться детьми.

Но если это Грефт с Джерд поступили неправильно, почему же она чувствует себя не только виноватой, но еще и глупой? Тимара плотнее закуталась в одеяло и уставилась в темноту. Ребята, оставшиеся у костра, болтали и порой смеялись. Ей хотелось посидеть с ними, насладиться дружеским общением с товарищами по путешествию. Но Джерд с Грефтом каким-то образом все испортили. Вдруг остальные тоже знают, но им все равно? Что они подумают о ней, если она расскажет? Осудят ли они Грефта и Джерд? Или отвернутся от Тимары и посмеются над ее ограниченностью? Оттого что она не знала ответов на свои вопросы, девушка казалась себе маленькой и глупой.

Она еще не спала, когда Рапскаль пошел к лодке за своими вещами, и видела из-под ресниц, как он приближается к ней, кутаясь в одеяло. Юноша перешагнул через нее, сел спиной к Тимаре и уютно угнездился у нее под боком. От души зевнул и спустя несколько мгновений уже крепко спал.

Его тепло согревало Тимару. Она подумала, что может перекатиться и развернуться к нему лицом и это его разбудит. Интересно, что будет потом? Рапскаль, при всей его чудаковатости, очень красив. В его светло-голубых глазах было нечто одновременно тревожащее и очаровательное. Несмотря на чешуйки, у него сохранились длинные темные ресницы. Тимара его не любила – по крайней мере, не в том смысле, – но признавала, что как мужчина он привлекателен. Она закусила губу, вспомнив, за каким занятием застала Грефта с Джерд. Вряд ли Джерд любит Грефта или Грефт сильно к ней привязан. Они же спорили, прямо перед тем, как приступить к этому. Что бы это значило? Тепло Рапскаля проникало сквозь два одеяла, но Тимару вдруг пробрала дрожь. И породил этот трепет не холод, а возможности.

Очень медленно Тимара отодвинулась от Рапскаля. Нет. Не сегодня. Не поддаваться порыву, не действовать безрассудно. Нет. И не важно, что делают другие. Она должна как следует обдумать все сама.

Рассвет наступил слишком скоро и не принес с собой ответов. Тимара с трудом села, не уверенная, спала она вообще или нет. Рапскаль еще не проснулся, как и почти все остальные. Драконы не были ранними пташками, и многие хранители завели привычку вставать почти так же поздно. Однако Тимара нелегко расставалась со старыми привычками. Свет всегда будил ее, а отец говорил, что раннее утро – лучшее время для охоты или сбора растений. Поэтому, несмотря на усталость, Тимара поднялась. Она немного постояла, задумчиво глядя на Рапскаля. Его темные ресницы бросали тень на щеки, губы, пухлые и мягкие, были приоткрыты. Руки он подтянул к подбородку. Ногти стали розовее, чем раньше. Тимара наклонилась, чтобы рассмотреть их вблизи. Точно, меняются. Краснеют под цвет его маленькой драконницы. Тимара невольно улыбнулась при этой мысли и поймала себя на том, что чувствует Рапскаля

– мускусный мужской запах, который вовсе не кажется отталкивающим. Она выпрямилась и отошла от него. О чем она думает? Что он хорошо пахнет? Интересно, как Джерд выбрала Грефта и почему? Тимара сложила одеяло и бросила в лодку.

Среди обязательных вечерних дел по обустройству лагеря было рытье колодца в песке. На некотором расстоянии от воды копали яму и выстилали ее полотном. Вода, просачивающаяся сквозь ткань, получалась менее едкой, чем в реке. И все же Тимара приблизилась к колодцу с опаской. К ее облегчению, река осталась почти прозрачной, значит вполне безопасно было и умываться этой водой, и пить. Холодная вода живо прогнала остатки сна. Пора встречать новый день.

Большинство хранителей еще кутались в одеяла вокруг тлеющих углей вечернего костра. Словно синие коконы, подумалось Тимаре. Оболочки драконов. Она в очередной раз зевнула и решила пройтись вдоль берега с острогой. Если хоть немного повезет, она найдет либо завтрак для себя, либо закуску для Синтары.

Рыба пришлась бы кстати. А мясо было бы еще лучше.

Сонная мысль драконицы укрепила Тимару в ее намерении.

– Рыба, – твердо произнесла она вслух и одновременно разделила мысли с драконицей. – Если только случайно не наткнусь у воды на какую-нибудь дичь. Но в лес на рассвете я не пойду. Не хочу, чтобы меня ждали, когда все остальные проснутся и будут готовы к отходу.

Или ты боишься того, что можешь увидеть в лесу? – поддразнила ее Синтара.

– Я не боюсь. Просто не хочу на это смотреть, – огрызнулась Тимара.

Она попыталась, без особого успеха, закрыть разум от драконицы. Ей удалось отстраниться от ее слов, но не избавиться от присутствия.

У Тимары было время подумать о роли Синтары в ее открытии. Несомненно, драконица нарочно отправила ее вслед за Грефтом и Джерд, зная, что происходит между ними, и постаралась, чтобы девушка наверняка все увидела. И Тимару до сих пор жгло воспоминание о том, как Синтара обволокла ее драконьими чарами, посылая в лес по следам Грефта.

Не знала она только одного – зачем драконица ее туда отправила, но не стала спрашивать об этом прямо. Тимара уже выяснила, что самый верный способ добиться от Синтары лжи – это задать ей прямой вопрос. Она узнает больше, выжидая и слушая.

«Точь-в-точь как с матерью», – подумала Тимара, мрачно улыбнувшись.

Она выбросила из головы лишние мысли и сосредоточилась на охоте. В этот час еще можно найти покой. Мало кто из хранителей встает в такую рань. Драконы, может, уже ворочаются, но еще не оживились, предпочитая, чтобы солнце поднялось повыше и согрело их, прежде чем они начнут тратить силы. Речной берег был в полном распоряжении Тимары, когда она тихонько подошла к кромке воды с острогой наготове. Она забыла обо всем, кроме себя и добычи, и мир вокруг застыл в безупречном равновесии. Небо протянулось голубой полосой над широким руслом реки. Вдоль берегов в почти прозрачной воде шелестел камыш. Мягкая илистая почва хранила следы всей живности, побывавшей здесь за ночь. Пока драконьи хранители спали, по меньшей мере два болотных лося спустились к воде и вернулись в лес. Какое-то животное с перепончатыми лапами выбралось из воды, полакомилось моллюсками, насорило на берегу пустыми ракушками и скользнуло обратно.

Тимара увидела, что по мелководью ходит большая усатая рыбина. Та вроде бы не замечала ее. Она ворошила усами ил и глотала каких-то мелких тварей, вспугнутых со дна. Рыба приблизилась к тому месту, где стояла наготове Тимара, но в последний момент плеснула хвостом и скрылась, оставив только клубящуюся в воде муть.

– Будь проклято такое везенье! – буркнула девушка, выдернув острогу из илистого дна.

– Не очень-то похоже на молитву, – мягко упрекнула ее Элис.

Тимара чуть не подпрыгнула от неожиданности, однако постаралась не подать виду. Она снова взяла острогу на изготовку, глянула через плечо на Элис и медленно двинулась дальше вдоль берега.

– Я охочусь. И промахнулась.

– Знаю. Я видела.

Тимара шла дальше, не сводя глаз с воды, в надежде, что женщина из Удачного поймет намеки и оставит ее в покое. Она не слышала шагов Элис, однако краем глаза видела, что ее тень движется рядом. Какое-то время обе молчали, потому Тимара упрямо решила про себя: «Нет, я ее не боюсь!» – и заговорила:

– Раненько ты сегодня поднялась.

– Не спалось. Я встала еще до рассвета. И должна признать, на пустынном берегу примерно за час становится весьма одиноко. Я была рада тебя встретить.

Голос Элис прозвучал куда более дружелюбно, чем ожидала Тимара. С чего эта дамочка вообще к ней привязалась? Неужели ей и впрямь настолько одиноко?

– Но тебе же может составить компанию Седрик, – не подумав, выпалила девушка. – Почему ты одна?

– Ему до сих пор нездоровится. Да и, если уж на то пошло, в последнее время он не слишком меня жалует. Причем, увы, у него есть на то причины.

Тимара смотрела на воду, радуясь тому, что женщина из Удачного не видит изумления, написанного на ее лице. Она что, секретничает с ней? Зачем? Неужели она думает, что у них может быть что-то общее? Любопытство впилося в Тимару острыми коготками и терзало, пока она наконец не сдалась.

– И почему же он перестал тебя жаловать? – спросила она, стараясь не выдать интереса. Элис тяжело вздохнула:

– Понимаешь ли, он занемог. А Седрик всегда отличался завидным здоровьем, так что ему трудно мириться с болезнью. И тем более – в таких, по его мнению, невыносимых условиях. Его постель узкая и жесткая, ему не нравятся запахи баркаса и реки, еда либо безвкусна, либо отвратительна, в каюте темно, развлечений никаких. Он несчастен. И в том, что он оказался здесь, виновата я. Седрик не хотел ехать в Дождевые чащобы, не говоря уже о том, чтобы принимать участие в походе.

Еще одна крупная рыба выплыла на мелководье, исследуя залежи ила. На миг показалось, что она заметила Тимару. Девушка застыла и только потом, когда добыча принялась просеивать ил усами, нанесла удар. Она была твердо уверена, что попала, и страшно удивилась, обнаружив, что в иле никого нет, а острога просто засела в грязи. Она выдернула оружие.

– Ты снова промахнулась, – заметила женщина из Удачного, но в голосе ее прозвучало искреннее сочувствие. – Я была уверена, что ты ее убила. Но они весьма проворны. Не думаю, что мне когда-нибудь удастся такую поймать.

– О, надо просто пробовать, – заверила ее Тимара, не отрывая взгляда от воды.

Нет, рыба уплыла и уже далеко отсюда. И наверняка не вернется.

– А ты занимаешься этим с самого детства?

– Рыбу ловлю? Не слишком часто.

Тимара продолжала неспешно двигаться вдоль берега. Элис шагала рядом с ней.

– Я охотилась в основном в кронах, – негромко продолжила девушка. – Там попадают птицы и мелкие зверьки, иногда ящерицы и довольно крупные змеи. Но по части ухваток рыбалка не так уж сильно отличается от охоты на птиц.

– Как ты думаешь, я смогу научиться?

Тимара так и застыла на месте, а затем обернулась, чтобы посмотреть Элис в лицо.

– Но зачем бы тебе? – спросила она с искренним недоумением.

Элис покраснела и отвела взгляд:

– Было бы неплохо научиться чему-то по-настоящему полезному. Ты гораздо моложе меня, однако умеешь о себе позаботиться. Я завидую тебе. Иногда я наблюдаю за тобой и другими хранителями и ощущаю себя бесполезной. Вроде изнеженной домашней кошки, которая смотрит, как охотятся дикие коты. В последнее время я пытаюсь найти оправдание тому, зачем поехала с вами, чего ради потащила за собой бедного Седрика. Я говорила себе, что еду собирать сведения. Что я нужна, чтобы помочь людям лучше понять драконов. Я заявила мужу и Седрику, что получу здесь бесценную возможность учиться самой и делиться знаниями с другими. Я сказала Малте из Старших, что читала о потерянном городе и, возможно, сумею помочь драконам отыскать туда дорогу. Но я так ничего и не сделала. – На последних словах голос ее, и без того полный стыда, сорвался.

Тимара молчала. Неужели эта важная дама из Удачного ищет у нее утешения и ободрения? С ума сойти можно...

– А по-моему, ты помогла нам с драконами, – сказала она, когда тишина сделалась совсем уж неловкой. – Ты была рядом, когда капитан Лефтрин учил нас вытаскивать наждачных змей, и еще до того, когда мы перевязывали хвост Серебряному. Честно говоря, я тогда так удивилась. Я-то думала, что ты слишком утонченная дама, чтобы заниматься подобной грязной работой...

– Утонченная дама? – перебила ее Элис и как-то странно, надтреснуто засмеялась. – Ты считаешь меня утонченной дамой?

– Ну... конечно. Взять хотя бы то, как ты одета. К тому же ты из Удачного и ученая. Пишешь свитки о драконах, знаешь все-все о Старших.

У нее закончились доводы, и Тимара умолкла, глядя на Элис. Даже сегодня, собираясь прогуляться по берегу на рассвете, эта женщина уложила волосы в прическу и заколола шпильками. Она носит шляпу, чтобы защитить лицо от солнца. Да, на ней рубашка и брюки, но они выстираны и отглажены. Верх ботинок начищен до блеска, пусть к подошвам и прилипла свежая речная грязь. Тимара окинула взглядом себя. Той грязи, что засохла на ее обуви и шнурах, уже несколько дней, а не часов. Рубаха и штаны порядком истрепаны и нечасто попадают в стирку. А волосы? Тимара невольно коснулась темных косичек. Когда она в последний раз мыла голову, расчесывалась и переплеталась? Когда она в последний раз мылась целиком?

– Я вышла замуж за состоятельного человека. Моя собственная семья... скажем, живет куда скромнее. Наверное, я дама, когда нахожусь в Удачном, и, пожалуй, это не так уж плохо. Но здесь... хм... в Дождевых чащобах я начала видеть себя по-другому. Мечтать об иных вещах, чем прежде. – Голос Элис совсем стих, но затем она вдруг добавила: – Если хочешь, Тимара, приходи вечером ко мне в каюту. Я покажу тебе, как еще можно уложить волосы. И там можно принять ванну в одиночестве, хотя, конечно, ее едва хватает, чтобы встать туда двумя ногами.

– Я умею мыться! – уязвленно огрызнулась Тимара.

– Прости, – тут же произнесла Элис, залившись таким багровым румянцем, какого Тимара никогда еще не видела. – Мне не... Я неудачно выразилась. Просто я увидела, как ты смотришь на себя, и подумала, у меня-то есть возможность уединиться, чтобы вымыться и переодеться, а вы с Сильве и Джерд вынуждены проводить все свое время среди юношей и мужчин. Я не хотела...

– Я понимаю.

Разве это самые трудные слова, какие доводилось произносить Тимаре? Наверное, нет, но выговорить их все-таки оказалось нелегко. Элис в глаза она не смотрела.

– Я знаю, ты не имела в виду ничего дурного, – заставила себя продолжить девушка. – Отец часто говорил мне, что я слишком легко обижаюсь. Что не все хотят меня оскорбить. – Горло у нее перехватило. Непролитые слезы жгли уголки глаз. Хотя первые слова дались ей с

трудом, теперь Тимара уже не могла остановиться. – Я не жду, что люди будут добры ко мне или полюбят меня. Напротив. Я жду...

– Не стоит объяснять, – внезапно перебила Элис. – У нас с тобой гораздо больше общего, чем тебе кажется. – Она неуверенно рассмеялась. – Ты, случайно, не ищешь повода начать презирать тех, с кем еще даже не знакома, просто чтобы невзлюбить их прежде, чем они невзлюбят тебя?

– Ну, ясное дело, – призналась Тимара, и они обе невесело засмеялись.

Из камышей выпорхнула птица, напугав их обеих, и тогда их смех сделался более естественным и оборвался, когда им пришлось перевести дух.

Элис смахнула с глаза слезинку:

– Интересно, Синтара хотела, чтобы я узнала именно это? Утром она упорно советовала мне тебя разыскать. Как думаешь, может, она хотела, чтобы мы поняли, как много между нами общего?

Женщина говорила о драконице с теплотой в голосе, но от ее слов Тимару пробрало ознобом.

– Нет, – отозвалась она сдержанно.

Тимара тщательно подбирала слова, чтобы не задеть чувства Элис. Она еще не решила, хочет ли проявлять такое же дружелюбие, какое выказала ей женщина из Удачного, но уж точно не собиралась ее отпугивать.

– Нет. Мне кажется, Синтара просто пытается на тебя влиять – точнее, на нас. Пару дней назад она заставила меня сделать кое-что – как оказалось, совершенно лишнее.

Тимара с опаской глянула на Элис, но та казалась задумчивой, а не оскорбленной. Тогда девушка добавила:

– Думаю, она пытается понять, насколько велика ее власть над нами. Я ощутила ее чары. А ты?

– Конечно. Это же часть ее существа. Даже не знаю, может ли дракон полностью контролировать свое воздействие на людей. Это в ее природе. Так люди подавляют волю собак.

– Но я ей не собака! – возмутилась Тимара от испуга резче, чем хотела.

Неужели Синтара влияет на нее сильнее, чем она замечает?

– Нет. Ни ты, ни я. Хотя, подозреваю, меня она считает скорее ручной зверушкой, нежели кем-то еще. Тебя, я думаю, она уважает, потому что ты умеешь охотиться. Но мне она говорила, и не раз, что как женщина я не состоялась. Не могу сказать, в чем именно, но, кажется, я ее разочаровала.

– Сегодня утром она гнала меня на охоту. Я сказала ей, что пойду за рыбой.

– Мне она велела идти за тобой, когда ты пойдешь охотиться. Я увидела тебя на берегу.

Тимара ничего не ответила. Она снова подняла острогу и медленно пошла вдоль берега, размышляя. Не будет ли это предательством?

– Я знаю, что она хотела тебе показать, – заговорила она. – То же, что и мне. Думаю, она хотела, чтобы и ты знала, что Грефт с Джерд – любовники.

Она подождала ответа. Когда его не последовало, девушка оглянулась на Элис. Щеки женщины из Удачного снова порозовели, но рассуждать она попыталась спокойно.

– Что ж... Полагаю, в таких условиях, без уединения и надзора, девушке легко поддаться на уговоры юноши. Они не первые, кто попробует блюдо прежде, чем его подадут на стол. Ты не знаешь, они намерены пожениться?

Тимара посмотрела на нее с изумлением.

– Элис, – начала она, осторожно подбирая слова, – таким, как я или они, тем, кто сильно отмечен Дождевыми чашобами, не позволено жениться. Или заводить любовников. Они нарушают одно из древнейших правил чашоб.

– Это закон такой? – уточнила Элис, явно сбитая с толку.

– Я... я не уверена, закон ли. Это обычай, который все знают и соблюдают. Если ребенок уже при рождении сильно отличается от нормального человека, родители не растят его. Они «отдают его ночи» – то есть бросают и заводят другого. Лишь немногих, как, скажем, меня... ну, отец принес меня обратно. Он взял меня в дом и вырастил.

– Там рыба, и большая. В тени вон того топляка. Видишь? Она сливается с тенью.

Элис явно разволновалась. Тимара вздрогнула от неожиданной смены темы. Поддавшись порыву, она протянула острогу Элис:

– Поймай ее сама. Ты первая ее увидела. Только помни: не пытайся проткнуть рыбу. Бей так, будто хочешь всадить острогу в дно за ней. С силой.

– Лучше бы была ты, – возразила Элис, берясь за острогу. – Я промахнусь. Она уплывет. А рыба действительно крупная.

– Значит, это прекрасная большая цель для первой попытки. Давай же. Попробуй.

Тимара медленно отступила назад, подальше от воды.

Светлые глаза Элис округлились. Она переводила взгляд с Тимары на рыбу и обратно. Затем она дважды прерывисто вздохнула и вдруг прыгнула. Женщина приземлилась с криком и плеском, оказавшись по щиколотку в воде, и ткнула острой, вложив в удар гораздо больше силы, чем требовалось. Тимара с разинутым ртом смотрела, как дама из Удачного обеими руками вгоняет орудие еще глубже. Добыча, должно быть, давно уже уплыла. Но нет, Элис стояла в воде, крепко сжимая древко, а длинная толстая рыбина содрогалась в предсмертных муках.

Когда она наконец-то затихла, Элис обернулась к Тимаре.

– У меня получилось! – задыхаясь, воскликнула она. – Получилось! Я попала! Я убила рыбу!

– Да, получилось. Но лучше выходи на берег, пока башмаки не расплзлись.

– Плевать на башмаки! Я добыла рыбу. Можно я еще попробую? Можно я убью еще одну?

– Думаю, можно. Но, Элис, давай сначала вытащим на берег эту.

– Не упusti ее! Не дай ей уплыть! – закричала та, когда Тимара подошла ближе и взялась за острогу.

– Никуда она не денется. Она мертва. Но надо вытащить из дна острогу, чтобы нам удалось вынести добычу на берег. Не волнуйся. Мы ее не упустим.

– Но у меня ведь получилось? Я убила рыбу.

– Убила.

Потребовалось некоторое усилие, чтобы выдернуть острогу из дна. Рыбина оказалась крупнее, чем ожидала Тимара. Им пришлось тащить ее вдвоем. Тварь оказалась уродливой, плоскомордой, с мелкой черной чешуей и длинными зубами. Когда они выволокли ее на берег и перевернули, то обнаружили блестящее алое брюхо. Тимара никогда еще не видела ничего подобного.

– Не уверена, можно ли ее есть, – с сомнением произнесла она. – Порой животные с ярким окрасом оказываются ядовитыми.

– Надо спросить Меркора. Он наверняка знает. Он многое помнит.

Элис присела на корточки, рассматривая добычу. Она потянулась потрогать рыбу пальцем, но отдернула его.

– Странно. Похоже, у всех драконов разный запас воспоминаний. Иногда я думаю, что Синтара не отвечает на мои вопросы, потому что попросту не знает ответов. А с Меркором мне всякий раз кажется, что он знает, но не хочет делиться. Когда он со мной беседует, то говорит обо всем, кроме драконов и Старших.

– Наверное, не стоит ее трогать, пока не выясним точно.

Тимара осталась сидеть рядом с добычей. Элис кивнула, поднялась, подхватила острогу и пошла вдоль берега. Волнение явственно читалось у нее на лице.

– Посмотрим, нет ли тут кого еще. А потом спросим у Меркора насчет этой.

Девушка встала. Без остроги она чувствовала себя едва ли не голой. Как странно тащиться за другим человеком, занятым охотой... Не слишком приятное ощущение. Она заговорила, как будто это могло ей вернуть чувство собственной значимости:

– Меркор кажется старше других драконов, правда? Старше и более усталым.

– Точно, – негромко подтвердила Элис.

Она двигалась не так плавно, как Тимара, но старалась. Девушка вдруг поняла, что эта крадущаяся походка на цыпочках и чуть ссутуленные плечи – неловкое подражание ее собственным ухваткам. Тимара никак не могла решить, лестно ей это или оскорбительно.

– Дело в том, что он помнит намного больше других. Я иногда думаю, что возраст складывается из твоих поступков и воспоминаний, а не из числа прожитых лет. И мне кажется, Меркор помнит многое, даже о том, как был змеем.

– По-моему, он всегда выглядит печальным. И добрым, хотя остальные драконы вовсе не отличаются добротой.

Элис присела на корточки, заглядывая под путаницу ветвей и палых листьев.

– Думаю, он помнит больше остальных, – откликнулась она рассеянно, сосредоточившись на охоте. – Я как-то провела приятный вечер за беседой с ним. И он был куда откровенней остальных драконов, хоть и отделялся общими фразами, не упоминая о личных, наследных воспоминаниях. Но все равно он выражал мысли, которых я не слышала еще ни от одного дракона.

Элис ткнула острой в воду и попыталась отпихнуть с дороги спутанный ком водорослей. Навстречу ей метнулась рыба. Женщина кинулась на нее с громким криком и плеском, но рыба уже уплыла.

– В следующий раз, когда тебе покажется, что рыба может быть где-то рядом, просто ткни острой. Если потревожить воду рядом с ней, она уйдет. Лучше уж ударить наудачу – может, что и вытащишь.

– Верно.

Элис разочарованно выдохнула и двинулась дальше. Тимара последовала за ней.

– Меркор сказал что-то необычное? – напомнила она.

– О да, сказал. Он много говорил о Кельсингре. Сказал, что этот город много значил и для драконов, и для Старших. Там была особая серебристая вода, которая очень нравилась драконам. Он не смог или не захотел объяснить подробнее. Однако добавил, что это было важное место, потому что именно там Старшие и драконы встречались и договаривались. Его слова совсем иначе показали мне взаимодействие Старших и драконов. Словно соседние королевства, они вели переговоры и заключали соглашения. Но когда я это упомянула, Меркор сказал, что это больше походило на симбиоз.

– Симбиоз?

– Они сосуществовали к взаимной выгоде. Больше чем выгоде. Меркор не говорил этого напрямую, но, похоже, он считает, что, если бы Старшие выжили, драконы не исчезли бы из этого мира так надолго. Думаю, он верит, что если Старшие появятся снова, то и драконы сумеют здесь выжить.

– Ну, есть ведь Малта и Рэйн. И Сельден.

– Только ни одного из них нет здесь, – заметила Элис, шагнула было в воду, но замерла. – Видишь вон то пятно? Это тень на дне или рыба? – спросила она, склонив голову набок. – И вот теперь драконы рассчитывают на хранителей, надеясь получить то, что некогда обеспечивали им Старшие, – заключила она, рассматривая воду под другим углом. – Хм... Любопытно, не потому ли они настояли на том, чтобы их сопровождали не только охотники, но и хранители? Я много об этом думала. Зачем им столько хранителей, если им достаточно всего трех охотников? Что вы можете сделать для них, чего не делают охотники?

– Ну, мы ухаживаем за ними. И уделяем им прорву внимания. Ты же знаешь, как они любят лесть.

Тимара умолкла, задумавшись. Зачем драконы вытребовали себе хранителей? Она заметила напряженный взгляд Элис.

– Если тебе кажется, что там может быть рыба, бей! Если это всего лишь тень, хуже не будет. А если рыба, ты ее поймаешь.

– Ну хорошо.

Женщина набрала в грудь воздуха.

– Но только на этот раз не кричи, – предупредила Тимара. – И не прыгай в воду. Ты же не хочешь распугать всю прочую рыбу или дичь в окрестностях.

Элис замерла:

– А что, в прошлый раз я кричала?

Тимара постаралась не засмеяться слишком громко:

– Да. И прыгнула в воду. На этот раз действуй только острой. Дальше. Отведи руку подальше назад... Вот так. Теперь посмотри туда, куда хочешь попасть, и бей.

«Я говорю совсем как отец», – вдруг поняла Тимара. И столь же внезапно осознала, что ей нравится учить Элис.

Элис оказалась хорошей ученицей. Она прислушалась к совету. Женщина затаила дыхание, сосредоточилась на цели, что бы она там ни углядела, и ударила острой. Тимара не поверила, что там была рыба, но острие явно вошло во что-то живое, поскольку поверхность воды внезапно всколыхнулась рябью и брызгами.

– Крепче держи острогу, крепче! – прокричала Тимара Элис и бросилась к ней, чтобы налечь на древко двойным весом.

Добыча Элис, чем бы она ни была, оказалась огромной и, возможно, вовсе не рыбой. Острога пригвоздила нечто к речному дну. Нечто крупное, с плоским телом и похожим на кнут хвостом, которым оно внезапно начало хлестать под водой.

– У него могут быть шипы или жало! Осторожнее! – предостерегла Тимара.

Она думала, Элис выпустит острогу, но та, наоборот, упрямо вцепилась в древко.

– Принеси... еще острогу... или что-нибудь... – выдохнула она.

Тимара на миг замерла, а затем метнулась к лодкам. Суденышко Татса оказалось ближе прочих, и все его снаряжение лежало внутри. Сам он сидел рядом на земле, еще не до конца проснувшись.

– Одолжу у тебя острогу! – крикнула ему девушка, схватила, пока он соображал, оружие и кинулась обратно.

– Оно уходит! – прокричала Элис, пока Тимара неслась к ней.

Кто-то бежал за ней следом. Она оглянулась и увидела Рапскаля и Сильве, а позади них – капитана Лефтрина. Пока они рыбачили, проснулся лагерь. Не обращая внимания на хлещущий по сторонам хвост твари, Элис зашла в воду, чтобы посильнее налечь на острогу. Тимара стиснула зубы и шагнула с берега. Она ударила в мутную воду туда, где, как она решила, должно скрываться туловище рыбы. Наконечник глубоко вошел в мускулистую плоть, и древко остроги едва не вырвалось у нее из рук, когда добыча яростно забилась. Пытаясь спастись, она затаскивала Элис с Тимарой все глубже в воду.

– Придется отпустить! – прохрипела девушка.

– Нет! – крикнул у нее из-за спины Рапскаль и решительно полез в воду.

Несмотря на хвост, бешено хлеставший по сторонам, юноша сумел несколько раз ткнуть существо собственной острой. Темная кровь за клубилась в мутной воде, однако рыбина лишь удвоила усилия.

– Выдерни острогу! Не дай этой твари ее утащить! – крикнула Тимара Элис.

Она промокла до пояса и мрачно цеплялась за древко.

– И мою не упустите! – заорал Татс. – Тимара, у меня других нет!

– Прочь с дороги! – протрубила Синтара, но не оставила им времени исполнить приказ. Драконица тяжело ворвалась в воду, и Рапскаль едва увернулся от нее.

– Тимара! – окликнул Татс, и тут ее задело расправленное крыло Синтары.

Вода как будто взметнулась и подхватила Тимару, острогу выдернуло из рук. Затем что-то огромное, плоское и живое ударило ее, ободрав одежду и кожу на левой руке, прежде чем отшвырнуть на глубину. Она раскрыла рот, чтобы возмущенно крикнуть, и в горло хлынула мутная вода. Тимара ее выплюнула, однако воздуху было взяться уже неоткуда. Девушка отчаянно пыталась задержать дыхание. Она никогда не училась плавать: рожденная для жизни в кронах, она лазила по деревьям и вот теперь барахталась в чуждой среде, которая пленила ее и быстро поволокла куда-то.

Внезапно в лицо ударил свет, но не успела Тимара вдохнуть, как снова погрузилась под воду. Казалось, кто-то кричал. Глаза щипало, руку жгло. Что-то подхватило ее, крепко стиснув туловище. Она колотила по чешуйчатой шкуре кулаками, рот раскрылся в беззвучном крике. Что-то протащило ее сквозь воду и выдернуло на воздух.

Я держу ее! Держу! – ворвалась в голову чужая мысль.

А потом выяснилось, что она болтается в пасти Меркора. Тимара ощущала его зубы сквозь одежду. Он держал ее бережно, но они все равно царапали кожу. Но не успела она до конца осознать, что находится в пасти дракона, как он положил ее на топкий берег. Вокруг кольцом сомкнулись люди, все кричали, а она все давилась водой с песком. Грязные струйки сбегали из ноздрей. Тимара попыталась утереться, и кто-то сунул ей в руки одеяло. Она насухо вытерла лицо уголком и заморгала. Перед глазами все плыло, но зрение постепенно прояснялось.

– Ты цела? Цела? – снова и снова спрашивал Татс. Он стоял рядом на коленях, мокрый до нитки.

– Это я виновата! Я не хотела упускать рыбу. Да простит меня Са, это я виновата! С ней все будет хорошо? У нее кровь течет! Кто-нибудь, перевяжите же ее! – Элис была бледная, рыжие волосы мокрыми прядями липли к лицу.

Рапскаль хлопотал над Тимарой, пытаясь ее уложить. Она оттолкнула его и села, чтобы выкашлять еще воды с песком.

– Пожалуйста, расступитесь немного, – попросила она.

И лишь когда отодвинулась тень, Тимара поняла, что над ней стоял еще и дракон. Она сплюнула еще немного грязи. Глаза саднило, слез не было. Она легонько потерла веки пальцами, снимая ил.

– Запрокинь голову, – угрюмо велел Татс и, когда она послушалась, плеснул ей на лицо чистой воды. – Теперь займись рукой, – предупредил он.

Девушка охнула, когда руку обдало прохладой, унявшей жжение, на которое она пыталась не обращать внимания. Внезапно Тимара чихнула, и вода со слизью брызнула во все стороны. Она утерла лицо одеялом, вырвав у Рапскаля возмущенный вскрик.

– Эй, это же мое одеяло! – воскликнул он.

– Можешь забрать мое, – прохрипела она в ответ.

Внезапно Тимара осознала, что не умерла и даже не умирает, только почему-то чувствует себя оскорбленной, оказавшись в центре внимания. Она попыталась встать на ноги. Когда Татс поддержал ее, она сумела не отдернуть руку, хотя ей не хотелось выглядеть слабой перед остальными. Мигом позже стало еще хуже, поскольку Элис стиснула ее в объятиях.

– Ох, Тимара, прости! Я чуть не убила тебя из-за какой-то рыбы!

Девушке удалось выпутаться из объятий.

– Так что это была за рыба? – спросила она, пытаясь отвлечь от себя внимание.

Ободранная рука болела, одежда промокла. Она накинула на плечи одеяло.

– Сама посмотри, – откликнулась Элис. – Я такой никогда еще не видела.

Тимара, как выяснилось, тоже. Формой тварь напоминала перевернутое блюдо, только размером с пару одеял. У нее было два выпученных глаза и длинный, похожий на хлыст хвост с шипами на конце. Спина пестрела светлыми и темными пятнами, словно речное дно, а брюхо оказалось белоснежным. На теле добычи осталась добрая дюжина ран от острога и следы зубов Синтары, вытащившей ее на берег.

– А это точно рыба? – с сомнением уточнила Тимара.

– Немного смахивает на ската, так что да, это рыба, – заметил Лефтрин. – Но я никогда не видел их в реке, только в морской воде. И уж подавно не видел ската таких размеров.

– И съем его я, – заявила Синтара. – Если бы не я, его бы упустили.

– Твоя жадность едва меня не сгубила, – произнесла Тимара негромко, но твердо и сама удивилась тому, насколько спокойно прозвучали ее слова. – Ты столкнула меня в воду. Я чуть не утонула.

Она посмотрела на драконицу, и Синтара встретила ее взгляд. Тимара не уловила никаких чувств, исходящих от драконицы: ни раскаяния, ни желания оправдаться. А ведь они так много прошли вместе. Драконица стала сильнее, крупнее и заметно красивее. Однако, в отличие от прочих, она не сблизилась со своей хранильницей. Невыносимая горечь всколыхнулась в Тимаре. Синтара с каждым днем становится все прекраснее, она, без сомнения, самое великолепное создание, какое ей, Тимаре, доводилось видеть. И она мечтала стать товарищем этому удивительному существу, мечтала погреться в лучах его славы. Она изо всех сил старалась прокормить драконицу, каждый день чистила, лечила, если могла ей помочь, а еще хвалила ее и льстила ей, поощряя каждый шаг. Она наблюдала, как драконица становится сильнее и здоровее.

А сегодня та едва не убила ее. Не из злости, а просто по небрежности. И не высказывает ни малейшего сожаления. Тимаре на ум снова пришел прежний вопрос: зачем драконам хранители? Теперь ответ стал ясен. Чтобы прислуживать. Ничего больше.

Тимара прежде слышала выражение «разбитое сердце». Но она никогда не думала, что от этого и впрямь болит в груди, как будто сердце действительно раскололось на куски. Она посмотрела на свою драконицу и попыталась подобрать слова. Она могла бы сказать: «Ты больше не мой дракон, а я тебе не хранитель». Но не стала, поскольку ей вдруг стало ясно, что их никогда и не связывали такие отношения. Она медленно покачала головой, глядя на прекрасное сапфировое создание, а затем отвернулась. Окинула взглядом собравшихся драконов и хранителей. Элис смотрела на нее округлившимися серыми глазами. Она промокла до нитки, и капитан Лефтрин набросил ей на плечи свою куртку. Женщина из Удачного молчала, и Тимара знала: только она одна понимает, каково ей. Это было невыносимо. Тимара развернулась и пошла прочь. Закаменевший лицом Татс шагнул в сторону, уступая ей дорогу.

Она не прошла и десятка шагов, как ее неожиданно нагнала Сильве. Меркор неторопливо брел рядом.

– Меркор нашел тебя в воде и вытащил на берег, – негромко сообщила девочка.

Тимара остановилась. Именно тень Меркора падала на нее, пока она приходила в себя. Она невольно коснулась ребер, где его зубы прорвали одежду и оцарапали кожу.

– Спасибо, – сказала она, заглянув в медленно вращающиеся глаза золотистого дракона. – Ты спас мне жизнь.

Дракон Сильве спас ее после того, как собственная драконица столкнула ее в воду и даже не попыталась вытащить. Сравнение оказалось невыносимым. Тимара отвернулась и побрела прочь от них обоих.

У Элис разрывалось сердце, когда она смотрела вслед Тимаре. Казалось, вокруг нее клубится целое облако боли. Женщина перевела взгляд на Синтару. Но прежде чем она успела

подобрать слова, драконица вдруг вскинула голову, развернулась и пошла прочь, стегая хвостом по сторонам. Она расправила крылья и яростно встряхнула ими, не заметив, что окатила собравшихся людей и драконов брызгами воды с песком.

– Если она не будет рыбу, можно ее съест Хеби? – проговорил в тишине один из хранителей помоложе. – Хеби очень голодна. Ну то есть она всегда голодна.

– А драконам можно их есть? Они вообще съедобны? – встревоженно спросила Элис. – Выглядят довольно странно. Мне кажется, нам стоит поостеречься.

– Это рыба из Великого Лазурного озера. Я помню их с прежних времен. Рыба с красным брюхом годится драконам, но ядовита для людей. Плоскую могут есть все.

Элис обернулась на голос Меркора. Золотистый дракон приближался к кольцу людей. Он двигался с чуть тяжеловесным изяществом и достоинством. Может, он был и не самым крупным из драконов, зато самым внушительным.

– Великое Лазурное озеро? – переспросила она у золотого.

– Это озеро питают несколько рек, а оно порождает ту, которую вы называете рекой Дождевых чащоб. Оно было очень большим, а в сезон дождей разливалось еще сильнее. В нем превосходно ловилась рыба. Вашу сегодняшнюю добычу в те дни, что я помню, сочли бы мелкой, – отстраненно повествовал дракон, предавшись воспоминаниям. – Старшие выходили на ловлю в лодках с яркими парусами. Прекрасное зрелище открывалось с высоты: широкое голубое озеро, а по его глади рассеяны паруса рыбацких суденышек. Из-за разливов на берегах озера было мало постоянных поселений, но состоятельные Старшие возводили жилища на сваях или на лето пригоняли туда плавучие дома.

– А далеко ли Великое Лазурное озеро от Кельсингры?

Элис ждала ответа затаив дыхание.

– Для летящего дракона? Недалеко. – В его голосе прозвучало веселье. – Нам не составляло труда пересечь озеро, после чего мы летели напрямик, а не петляли вдоль реки. Но вряд ли по этим рыбам можно заключить, что мы уже близки к Великому Лазурному озеру или Кельсингре. Рыба не стоит на месте. – Меркор поднял голову и огляделся по сторонам, как будто оценивая обстановку. – И драконам не стоило бы. Мы теряем день. Пора нам всем поесть и отправляться в путь.

Без дальнейшей суеты золотистый дракон подошел к краснобрюхой рыбине, склонил голову и невозмутимо принялся за еду. Несколько драконов подобрались к скату. Маленькая красная Хеби первой вонзила в него зубы. Люди отошли назад, уступая драконам место. Никто из них, похоже, не собирался пробовать рыбу.

На обратном пути к брошенным постелям и лагерному костру Лефтрин подал Элис руку. Та оперлась на нее.

– Лучше переоденься поскорее, – посоветовал капитан. – Сегодня вода в реке мягкая, но чем дольше она касается кожи, тем вернее появится раздражение.

И как если бы его слова что-то подтолкнули, Элис тут же обратила внимание на то, как ворот натирает шею, а пояс брюк впивается в кожу.

– Пожалуй, мысль здравая.

– Еще бы! Что на тебя нашло, что ты взялась рыбачить вместе с Тимарой?

Элис слегка ошетинилась, уловив в его голосе нотку изумления.

– Мне хотелось научиться чему-нибудь полезному, – сухо сообщила она.

– Более полезному, чем изучение драконов? – уточнил он примирительным тоном, что едва не оскорбило ее еще сильнее.

– Я знаю, что мои исследования важны, но не уверена, так ли уж они полезны в этом походе. Если бы я обладала более практичными навыками, вроде добывания пищи...

– Ты не находишь, что сведения, только что полученные тобой от Меркора, вполне полезны? Не уверен, что кому-то еще удалось бы выудить их из него.

– Сомневаюсь, что они так уж важны, – возразила Элис.

Она постаралась сохранить боевой настрой, но Лефтрин слишком хорошо знал, как ее умиротворить. К тому же его взгляд на их разговор с драконом заинтересовал ее.

– Да, Меркор прав в том, что рыба не стоит на месте. Рыба движется. Но и ты права в том, что до сих пор подобные виды нам не попадались. То есть можно предположить, что мы стали ближе к тому месту, где эта рыба обитала прежде. Если ее предки пришли из озера, питавшего реку, которая протекала мимо Кельсингры, значит мы все еще движемся в верном направлении. У нас еще есть надежда отыскать город. А то я уже начал опасаться, что мы минуем место, где он стоял, и даже не заметим.

Элис была ошеломлена:

– Я даже не задумывалась об этом.

– Что ж, сам-то я в последнее время немного размышлял на эту тему. Твой друг Седрик так болен, а ты так пала духом, что я уже начал задаваться вопросом, есть ли вообще смысл двигаться дальше. Может, это лишь бесцельный поход никуда. Но этих рыб я считаю знаком, что мы на верном пути и стоит двигаться дальше.

– Но как долго?

– Пока не сдадимся, я полагаю, – ответил капитан, помолчав.

– И когда же это произойдет?

Зуд под одеждой перерос в жжение. Элис зашагала быстрее. Лефтрин ничего не сказал на это, только прибавил ходу, чтобы не отстать.

– Когда станет ясно, что дело безнадежно, – проговорил он тихо. – Когда река обмелеет настолько, что даже Смоляной не сможет пройти. Или когда начнутся зимние дожди и вода станет слишком глубокой, а течение таким сильным, что мы не сможем его одолеть. Вот что я говорил себе поначалу. Но, честно говоря, Элис, все обернулось совсем не так, как я ожидал. Я думал, к нынешнему времени все драконы уже перемрут или окажутся при смерти, а хранители заболеют, покалечатся или просто разбегутся. Но ничего подобного не произошло. И я привязался к этой молодежи сильнее, чем готов признать, и даже восхищаюсь некоторыми драконами. Например, этим Меркором. Он смел и отзывчив. Он нырнул за Тимарой, когда я уж думал, ей конец пришел. Крепкая, однако же, девица, – усмехнулся Лефтрин и покачал головой. – Ни слез, ни нытья. Просто встала и ушла. Они взрослеют с каждым днем – и хранители, и драконы.

– И куда быстрее, чем можно было ожидать, – согласилась Элис и распахнула пошире ворот. – Лефтрин, я, пожалуй, побегу к баркасу. У меня вся кожа горит.

– Что ты имела в виду? – окликнул ее капитан, но она не ответила, только припустила бегом, легко оставив его позади. – Я принесу тебе чистой воды! – прокричал он ей вслед.

А она бежала к «Смолянному», и кожа ее пылала.

Синтара вышагивала по берегу, прочь от рыбы, которую благополучно вытащила на берег, когда все остальные запросто могли ее упустить. Она не откусила ни кусочка. И виновата во всем была Тимара, не убравшаяся с дороги, когда драконица вошла в воду.

Люди настолько бестолковы, что просто никакого терпения не хватает. Чего ожидала от нее девчонка? Что драконица превратится в обожающую ее домашнюю зверушку? Или попытается заполнить каждое мгновение ее комариной жизни? Если ей нужна компания такого рода, пусть заведет любовника. И зачем люди ищут столь тесных отношений? Неужели им мало собственных мыслей? Зачем они ждут, пока другие утолят их нужды, вместо того чтобы позаботиться о себе самостоятельно?

Горе Тимары зудело, как комар над ухом. С тех пор как кровь Синтары брызнула ей на лицо и губы, драконица, к собственному неудовольствию, постоянно ощущала девчонку. И в том не было вины Синтары; она вовсе не намеревалась делиться с хранительницей кровью или создавать между ними связь, которая останется навсегда. И безусловно, не решала ускорить перемены, происходящие в Тимаре. У нее не было ни малейшего желания создавать Старшую, не говоря уже о том, чтобы уделять ее выращиванию потребное внимание и время. Пусть остальные задумываются о столь старомодных забавах. Жизни людей смехотворно коротки. И даже если дракон изменит кого-то из них так, что его век продлится в несколько раз дольше, человеческой жизни хватит лишь на малую долю драконьего существования. Так стоит ли возиться, создавать Старшего, привязываться к нему, если он все равно вскоре умрет?

Теперь Тимара ушла куда-то в одиночку, дуться. Или горевать. Порой разница между этими двумя состояниями казалась Синтаре ничтожной. И вот девчонка ревет, как будто бы слезы могут что-то исправить, а не просто неопытно выражают человеческое отношение к любым трудностям. Драконица совершенно не желала разделять с Тимарой ощущения: жгучие слезы, текущий нос, саднящее горло. Ей хотелось рывкнуть на девчонку, но она понимала, что от этого та завоет еще горше. Поэтому скрепя сердце Синтара бережно коснулась разума Тимары:

Тимара. Пожалуйста, хватит этих глупостей. Это лишь доставляет неудобства нам обеим.

Отторжение. Вот и все, чем ответила ей девчонка. Даже не связной мыслью, а лишь тщетной попыткой выпшвырнуть дракона из сознания. Да как она смеет так грубить? Как будто Синтаре интересно, что там с ней происходит!

Драконица отыскала на грязном берегу солнечное пятно и растянулась на земле.

Не суйся в мой разум, – предупредила она девчонку и решительно закрыла от нее свои мысли, но так и не смогла заглушить до конца смутное ощущение одиночества и тоски.

Четырнадцатый день месяца Молитв, шестой год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, – Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

Двадцать пять моих птиц погружены на живой корабль «Золотая пушинка». Совет торговцев Трехога передаст с капитаном денежную сумму, достаточную для закупки трехсот мер желтого гороха на корм голубям.

Эрек, мне наконец-то удалось убедить Совет, что для птиц важно правильное питание. Еще я показала им несколько королевских голубей, включая подросших птенцов, и рассказала, что эти птицы могут откладывать по два яйца каждые шестнадцать дней, причем хорошая пара часто повторяет кладку, как только вылупятся предыдущие, так что легко обеспечить непрерывный приток молодых птиц для стола. Кажется, идея прижилась им по вкусу.

Что же до Мельдара и Финбока, могу лишь пересказать слухи из Кассарика. Дама загорелась желанием отправиться с экспедицией и подписала договор. Мельдар, похоже, просто увязался с ними. На судно не взяли почтовых птиц – глупейшая оплошность, на мой взгляд. Пока отряд не вернется (если вернется вообще), мы не узнаем, что с ними случилось. Как ни жаль, никаких подробностей для их семей мне выяснить не удалось.

Детози

Глава 4

Синие чернила, черный дождь

Элис, выпрямившись, сидела за столом на камбузе. Вечер за окном плавно клонился к ночи. На ней было скромное, хоть и необычное длинное платье из мягкой материи. Она так и не смогла определить на ощупь, что это за ткань. Беллин тенью сновала по помещению в своей обычной, тихой и ненавязчивой манере. При виде платья багорщица в удивленном одобрении вскинула брови, заговорщически подмигнула, вогнав Элис в краску, и вернулась к своим делам. Элис опустила голову и улыбнулась.

Беллин стала ей подругой, каких у нее прежде не бывало. Их беседы были редки, но всегда давали пищу для размышлений. Как-то раз она наткнулась на Элис, когда та стояла на палубе, любуясь ночным небом.

– Нам, уроженцам Дождевых чашоб, отпущен не такой уж долгий срок, – заметила Беллин, приостановившись рядом. – Приходится ловить каждую возможность – или признавать, что она нам недоступна, отступаться и искать новую. Человек из Дождевых чашоб не может ждать вечно, если не хочет прозевать так всю жизнь.

Ответа она ждать не стала – как будто понимала, когда Элис необходимо время, чтобы обдумать услышанное. Но этим вечером ее улыбка намекала, что горожанка близка к решению, которое она, Беллин, одобряет. Элис глубоко вздохнула. Так ли это?

Лефтрин принес ей шелковистое облегающее платье, поскольку из-за купания в реке, даже пару дней спустя после злополучной рыбалки, кожа горела так, что прикосновение любой ткани превращалось в пытку. Наряд изготовили Старшие, в этом Элис не сомневалась. Искристо-медная материя больше походила на сеть тончайшего плетения, чем на ткань. Когда Элис двигалась, платье едва слышно шелестело, словно нашептывая секреты принцессы Старших, носившей его в незапамятные времена. Ткань успокаивала зуд там, где касалась кожи. Элис была поражена до глубины души, обнаружив, что простой речной капитан может владеть подобным сокровищем.

– Товары на продажу, – небрежно отмахнулся он и грубовато добавил, словно не зная, как предложить ей подарок. – Я бы хотел, чтобы ты оставила его себе.

В ответ на ее бурные изъявления благодарности капитан покраснел так, что чешуйки на скулах и лбу стали казаться серебряными накладками. Некогда подобное зрелище могло бы оттолкнуть Элис. Теперь же она с жарким трепетом представила, как проводит по этим чешуйкам кончиком пальца. Она отвернулась от капитана, а сердце в груди оглушительно грохотало.

Элис расправила на бедрах гладкую медную ткань. Она носила это платье уже второй день. Оно и согревало, и охлаждало кожу, унимая зуд от бесчисленных мелких волдырей, которые оставила на коже речная вода. Элис подозревала, что платье облегает тело несколько плотнее, чем подобало бы. Даже степенный Сварг одарил ее восхищенным взглядом, когда Элис проходила мимо него по палубе. Она даже ощутила себя по-девчоночьи легкомысленной. И почти обрадовалась тому, что Седрик все еще остается в постели. Уж он-то, вне всякого сомнения, не одобрил бы такой наряд.

Хлопнула дверь, и с палубы вошел Лефтрин:

– Все пишешь? Ты меня просто поражаешь! В моей лапе перо не продержится и полуджины строк, чтоб кисть не свело. Что же ты записываешь?

– Да что ты говоришь! Я видела твои заметки и наброски реки. Ты не менее дотошен, чем я. А сейчас я дополняю подробностями запись беседы, состоявшейся вчера вечером между мной и Ранкулосом. Теперь, когда Седрик мне не помогает, приходится набрасывать короткие заметки по ходу, а после уже заполнять пробелы. Наконец-то драконы начали делиться со мной

некоторыми воспоминаниями! Немногими и порой бессвязными, но каждый обрывок сведений бесценен. И складываются они в восхитительное целое.

Она похлопала по журналу в кожаной обложке. И он, и папка для бумаг были новенькими и блестящими, когда она покидала Удачный. Теперь они истрепались и поцарапались, и потерянная кожа потемнела. Элис улыбнулась. Сейчас они выглядели настоящими спутниками отважного исследователя, а не дневниками чокнутой матроны.

– Ну тогда почитай мне, что ты записала, – попросил Лефтрин.

Он ловко двигался по тесному камбузу. Сняв с небольшой печки тяжелый кофейник, он налил себе чашку крепкого кофе, а затем расположился напротив Элис.

Та вдруг застеснялась. Ей не хотелось читать вслух свои труды, расцвеченные учеными словечками. Элис побоялась, что они прозвучат напыщенно и тяжеловесно.

– Лучше я перескажу вкратце, – поспешно предложила она. – Ранкулос заговорил о волдырях у меня на руках и лице. По его словам, будь они чешуйками, я стала бы по-настоящему красива. Я уточнила, не потому ли, что тогда моя кожа походила бы на драконью, и он согласился, поскольку «ничто не может быть прекраснее драконьей шкуры». А затем рассказал, точнее, намекнул, что чем больше времени люди проводят с драконами, тем вероятнее они начнут изменяться, превращаясь в Старших. Он дал понять, что в древности дракон мог намеренно ускорить эти перемены для достойного человека. Как именно, он не уточнял. Но из его слов я заключила, что в древних городах наряду со Старшими жили и обычные люди. Ранкулос это подтвердил, но добавил, что люди селились в отдельных кварталах на окраинах города. Некоторые фермеры и торговцы жили за рекой, подальше от драконов и Старших.

– А это важные сведения? – спросил капитан.

Элис улыбнулась:

– Важна каждая мелочь, которую мне удастся узнать, капитан.

Он постучал по обложке тяжелой папки:

– Что же в таком случае хранится здесь? Я постоянно вижу, как ты что-то записываешь в журнал, но ее вроде бы просто таскаешь с собой.

– О, это мои сокровища, сударь! Все знания, накопленные за годы трудов. Мне крайне повезло: я получила доступ к ряду редких свитков, гобеленов и даже карт эпохи Старших.

Объявив это, Элис засмеялась, опасаясь, что Лефтрин сочтет ее хвастунией. Капитан приподнял кустистые брови – жест, который она нашла необъяснимо милым.

– И ты захватила все это с собой, сюда?

– О, конечно же нет! Многие документы очень ветхие, и все они слишком ценны, чтобы брать их с собой в дорогу. Нет, это всего лишь сделанные мною копии и переводы. И разумеется, мои заметки. Догадки о том, что могло содержаться в утерянных фрагментах, предположительные толкования неизвестных символов. Все в таком духе.

Она любовно погладила обложку пухлой папки.

– Можно взглянуть?

Элис удивилась вопросу:

– Конечно. Правда, не уверена, удастся ли тебе разобрать мои каракули.

Она расстегнула прочные латунные пряжки на широких кожаных ремнях и раскрыла папку. Как обычно, при виде толстой стопки пожелтевших страниц Элис охватил восторженный трепет. Лефтрин склонился над ее плечом, с любопытством разглядывая переводы, которые листала Элис. Его теплое дыхание над ухом отвлекало и волновало ее – к ее несказанному удовольствию.

Вот скрупулезно скопированный ею свиток с седьмого яруса Трехога. Она дотошно срисовала оттуда каждый символ и, как сумела, воспроизвела загадочный тонкий узор, обрамлявший текст. На следующем листе превосходной бумаги лучшими черными чернилами был переписан перевод шести свитков Старших, выполненный Клаймером; в нем красным цветом Элис

пометила свои дополнения и исправления, а темно-синим добавила примечания и отсылки к другим свиткам.

– Какой обстоятельный труд! – с благоговением заключил капитан, и сердце Элис окончательно растаяло.

– На эту работу ушли годы, – скромно отозвалась она и перевернула несколько страниц, чтобы показать срисованную картину Старших: орнамент из листьев, раковин и рыб в обрамлении абстрактного узора, выполненного в синих и зеленых оттенках. – А вот этого не понимает никто. Вероятно, рисунок пострадал от времени или по какой-то причине не был закончен.

Брови капитана снова взлетели.

– Ну, по мне, тут все ясно как день. Это подробная карта речного устья с отметками глубин, – сообщил он и осторожно провел по бумаге чешуйчатым пальцем. – Видишь, вот лучший проход. Разными оттенками синего отмечены глубины в прилив и отлив. Черным может быть обозначен глубокий фарватер для кораблей с низкой осадкой. Или сильное течение, или быстрина.

Элис всмотрелась в рисунок, затем подняла на капитана изумленный взгляд:

– Да, теперь я вижу. Ты узнал место?

Ее охватило волнение.

– Нет. Я никогда не был в этих краях. Но это точно речная карта, из тех, где главное внимание уделено воде, а суша почти не прорисована. Готов биться об заклад.

– Ты не мог бы посидеть со мной и растолковать эту карту? – попросила Элис. – Что могут означать вот эти волнистые линии?

Лефтрин с сожалением отказался:

– Боюсь, не сейчас. Я зашел только по-быстрому глотнуть кофе, и мне пора обратно под дождь. Уже темнеет, а драконы так и не собрались остановиться на ночлег. Мне лучше побыть на палубе. Если приходится идти по реке ночью, лишняя пара глаз никогда не помешает.

– Так ты все еще опасаясь белой воды?

Лефтрин поскреб в бороде и снова покачал головой:

– Думаю, угроза миновала. Трудно сказать. Дождь грязный и пахнет копотью. На палубе от него черные лужи. Значит, где-то что-то происходит. Настоящую белую воду я видел всего дважды в жизни, и оба раза она пришла на следующий же день после землетрясения. Вода в реке постоянно становится то более, то менее едкой. Но, как мне кажется, если бы она должна была побелеть, это уже произошло бы.

– Что ж... Это уже радует.

Элис задумалась, что бы еще сказать, как бы еще немного задержать Лефтрина на камбузе, за разговором с ней? Но она понимала, что капитан занят делом, так что удержалась от подобных глупостей.

– Пора бы мне вернуться к работе, – с явной неохотой заключил тот.

С почти детским восторгом Элис вдруг поняла: сам он тоже жалеет, что не может остаться. С этим знанием отпустить его оказалось легче.

– Да. Ты нужен Смолянному.

– Ну, порой я сомневаюсь, что Смолянному вообще хоть кто-то нужен. Но лучше будет, если я выйду и послежу за рекой. – Лефтрин помолчал, и все же решился добавить: – Хотя я бы предпочел не сводить глаз с тебя.

Она склонила голову, взволнованная комплиментом, а капитан засмеялся и вышел. Порыв ветра с шумом захлопнул за ним дверь. Элис вздохнула, затем улыбнулась тому, как нелепо себя ведет.

Она собралась было обмакнуть перо, но решила, что для примечания на листе, истолкованном Лефтрином, ей нужны синие чернила. Да, уверилась она, нужен синий цвет, и она обязательно укажет, кто высказал предположение. Ей было приятно представлять, как много

лет спустя ученые прочтут его имя и удивятся, что простой речной капитан разрешил загадку, ставившую в тупик других. Элис отыскала маленький пузырек с чернилами, откупорила и макнула перо. Но кончик его остался сухим.

Она поднесла бутылочку к свету. Неужели она так много писала в пути? Видимо, да. Столько наблюдений, наведших ее на мысли или заставивших пересмотреть былые убеждения. Элис подумала, не разбавить ли остатки водой, и скривилась. Нет. Это последнее средство. У Седрика в ящике с письменными принадлежностями, припомнила она, полно чернил. И она не навещала его с самого утра. Не худший предлог, чтобы заглянуть к больному.

Седрик проснулся, не резко, но как будто всплыв после нырка в черную глубину. Сон стекал с его разума, словно вода – с волос и кожи. Он открыл глаза в привычном сумраке каюты. Но что-то изменилось. Воздух оказался слегка холоднее и свежее обычного. Кто-то недавно открыл дверь. И вошел.

Он заметил силуэт, скрючившийся на полу у его постели. Услышал, как воровские руки ворошат ящики его гардероба. Медленно и незаметно Седрик сдвинулся так, чтобы выглянуть за край койки. В каюте было сумрачно. День снаружи уже мерк, а лампу он не зажигал. Единственным источником света служили маленькие окна-отдушины.

Но существо на полу у постели сверкало медью и как будто отражало свет, который на него не падал. На глазах у Седрика оно шевельнулось, и блик прокатился вдоль чешуйчатой спины. Она роется в его вещах, выискивая потайной ящик, где спрятаны пузырьки с украденной у нее кровью!

Седрика охватил ужас, и он едва не обмочился.

– Прости! – выкрикнул он. – Мне ужасно жаль, правда! Я не знал, что ты такое. Прошу тебя, пожалуйста,пусти меня! Оставь в покое мой разум! Пожалуйста...

– Седрик? – Медная драконница встала на дыбы и вдруг превратилась в Элис. – Седрик, как ты себя чувствуешь? Тебя лихорадит или просто дурной сон?

Она коснулась его влажного лба теплой ладонью. Юноша судорожно отшатнулся от ее руки. Это Элис. Всего-навсего Элис.

– Почему на тебе драконья шкура? И зачем ты роешься в моих вещах? – От потрясения Седрик негодовал и обвинял разом.

– Я... драконья шкура? Да нет же, это платье! Его одолжил мне капитан Лефтрин. Это работа Старших, просто чудесная. И совсем не раздражает кожу. Вот, пощупай рукав.

Элис подала ему руку. Он даже не попытался дотронуться до мерцающей материи. Работа Старших. Драконьи штучки.

– Но это не объясняет, зачем ты прокралась ко мне в каюту и роешься в моих вещах, – упрямо огрызнулся Седрик.

– Ничего подобного! Никуда я не «прокралась»! Я постучала, а когда ты не ответил, просто вошла. Дверь была открыта. А ты спал. Ты в последнее время выглядел таким усталым, что мне не хотелось тебя будить. Вот и все. Мне от тебя нужны только чернила, немножко синих чернил. Разве ты хранишь их не в том ящике? А, вот и он! Я только возьму чуть-чуть и оставлю тебя в покое.

– Нет! Не открывай! Дай мне!

Элис так и застыла, не отперев защелку. В гробовом молчании она протянула ящик ему. Седрик постарался не вырывать его из ее рук, но не сумел скрыть облегчения. Он поставил ящик на кровать рядом с собой так, чтобы заслонять его своим телом. Элис не проронила ни слова, пока Седрик возился с защелкой и на ощупь, просунув руку под крышку, перебирал склянки с чернилами. Удача была на его стороне – ему с первого раза попались синие.

– Я спал, когда ты вошла, – неискренне извинился он, протянув ей пузырек. – И я несколько не в себе.

– В самом деле, – холодно отозвалась она. – Больше мне ничего от тебя не нужно. Спасибо. – Элис взяла пузырек. – «Прокралась», ну надо же! – пробормотала она напоследок с порога, но так, чтобы он расслышал.

– Извини! – крикнул Седрик ей вслед, но она уже хлопнула дверью.

Как только Элис ушла, он скатился с постели, чтобы запереть дверь на задвижку, а затем упал на колени перед потайным ящиком.

– Это была всего лишь Элис, – напомнил он себе.

Да, но кто знает, что наговорила ей медная драконица? Он неловко выдернул ящик, так что он едва не застрял, а затем заставил себя успокоиться и осторожно вынул флакон с драконьей кровью. Все в порядке. Добыча по-прежнему у него.

А он по-прежнему в ее власти.

Седрик потерял счет дням, прошедшим с тех пор, как он попробовал на вкус драконью кровь. Его сознание раздвоилось, как двоится все перед глазами после удара по голове. Он еще оставался почти прежним, подавленным и угрюмым, но все же Седриком. Но вдруг приходили чужие ощущения и спутанные воспоминания, и ее невнятные впечатления смешивались с его мыслями. Иногда он пытался объяснить ей, что происходит вокруг.

Ты бредишь по воде, а не летишь, – твердил он. – Порой вода почти отрывает тебя от дна, но это не полет. Твои крылья слишком слабы, чтобы летать.

Иногда он ее подбадривал:

Остальные почти скрылись из виду. Тебе нужно идти быстрее. Ты можешь. Держись левее, где вода мельче. Видишь? Идти стало легче, верно? Вот умница. Не останавливайся. Я знаю, что ты голодна. Следи за рыбой. Может, ты сумеешь поймать рыбу и подкрепиться.

Порой он даже смутно гордился тем, что добр к ней. Но по большей части с горечью осознавал, что его жизнь навеки посвящена заботам о довольно тупом ребенке. Ценой немалых усилий Седрику иногда удавалось отгородиться от нее. Но если драконицу терзала боль, донимал голод или охватывал страх, невнятные мысли врываются в его разум. Даже если он избегал ее вялых размышлений, он не мог отделаться от неизменных усталости и голода. Ее тоскливое «за что?» неотступно преследовало его. И оттого, что он задавал тот же самый вопрос применительно к собственной участи, легче не становилось. Хуже всего было, когда она пыталась понять его мысли. Драконица не сознавала, что иногда он просто спит и видит сны. Она врывалась в них, предлагая убить Геста или пытаясь утешить Седрика. Все это казалось слишком странным. Он был измучен вдвойне из-за прерывистого сна и разделенных с ней бесконечных трудностей пути.

Жизнь на борту баркаса сделалась чужда ему. Он старался не покидать лишний раз каюту. Но и там не находил уединения. Даже когда драконица не вторгалась в его мысли, кто-нибудь все равно оказывался рядом. Элис, терзаясь совестью, никак не могла оставить его в покое. Ежедневно утром, днем и вечером перед сном она заходила его проведать. Ее краткие визиты выбивали его из колеи. Седрик не хотел выслушивать ее жизнерадостную болтовню о минувшем дне и не смел ничем поделиться сам, но не мог придумать, как вежливо заткнуть Элис и выставить за дверь.

Немногим лучше был мальчишка. Седрик не мог понять, что в нем так привлекает Дэвви. Почему он не может просто поставить поднос с едой и уйти? Нет же, малец жадно поедает его глазами, мечтал хоть чем-нибудь услужить, даже предлагал постирать ему носки и рубашки – Седрика аж оторопь взяла. Дважды он нагрубил мальчишке, не потому, что ему это нравилось, просто это был единственный способ того прогнать. И каждый раз Дэвви так расстраивался, что Седрик чувствовал себя последней скотиной.

Он чуть повернул флакон с драконьей кровью, наблюдая, как она переливается и мерцает в сумрачной каюте. Даже когда он просто неподвижно держал склянку в руке, красная жидкость внутри кружилась в медленном танце. Она светилась собственным рубиновым светом,

багровые нити внутри пузырька извивались и сплетались между собой. Искушение или одержимость? Седрик задавал себе этот вопрос, но ответить не мог. Кровь притягивала его. Он сжимал в руке настоящее сокровище, и ему оставалось всего-то добраться до Калсиды. И все же обладание им казалось ему сейчас более важным. Неужели он хочет глотнуть еще крови? Вряд ли. Ему не хотелось снова переживать те же ощущения. Он опасался, что если вдруг поддастся смутному принуждению, то окажется еще теснее связанным с драконицей. Или с драконами.

Под вечер, отважившись выйти на палубу, чтобы глотнуть свежего воздуха, он услышал, как Меркор окликает других драконов.

– Сестикан, Ранкулос! – позвал он их по имени. – Довольно ссориться. Берегите силы для борьбы с рекой. Завтра нас ждет еще день пути.

Седрик стоял на палубе, и речь дракона мерцала у него в голове. Он разобрал слова так отчетливо, как только возможно. Юноша попытался вспомнить, слышал ли он драконий рев или ворчание, выражающее мысли, но не смог. Драконы разговаривали, урезонивали друг друга, совсем как люди. На Седрика нахлынуло головокружение, смешанное с чувством вины. Удрученный, едва держась на ногах, он доковылял до своей тесной каюты и захлопнул дверь.

– Я больше так не могу, – проговорил он вслух.

И почти сразу же его настигло беспокойство медной драконицы. Она ощутила его смятение. И встревожилась за него.

Нет, со мной все нормально. Уходи. Оставь меня в покое!

Он вытолкнул ее из сознания, и она отстранилась, огорченная его резкостью.

– Я больше так не могу, – повторил Седрик, с тоской вспоминая те времена, когда знал наверняка, что его мысли принадлежат только ему одному.

Он снова взболтал флакон с кровью. Если выпить его до дна, это его убьет?

А если убить дракона, освободится ли его разум от чуждых вторжений?

Раздался звучный стук в дверь.

– Минуту! – крикнул Седрик, из-за страха и гнева несколько громче, чем намеревался.

Надежно спрятать склянку он не успевал, так что завернул ее в пропотевшую рубашку и сунул под одеяло.

– Кто там? – запоздало спросил он.

– Карсон. Мне бы перекинуться с тобой парой слов, если ты не против.

Карсон. Еще один человек, не желающий оставлять Седрика в покое. Днем охотники отправлялись на берег отрабатывать свою плату. Но если юноша вдруг вставал пораньше или заглядывал на камбуз вечером, Карсон неизменно объявлялся рядом. Дважды он приходил в каюту к Седрику, когда там был Дэвви, и напоминал, что не следует донимать больного. И каждый раз мальчишка уходил, пусть и нехотя. Зато задерживался Карсон. Он пытался вовлечь Седрика в разговор, расспрашивал, каково жить в таком большом городе, как Удачный, и случалось ли ему бывать в других. Седрик на все вопросы отвечал односложно, но Карсон как будто и не замечал грубости. Охотник продолжал обращаться к нему с мягкой обходительностью, которая совершенно не вязалась с грубой одеждой и родом занятий.

В прошлый раз, шуганув ученика, Карсон занял его место на сундуке и принялся рассказывать Седрику о себе. Он человек одинокий. Ни жены, ни детей, живет сам по себе и в свое удовольствие. Он взял в обучение Дэвви, своего племянника, поскольку предположил, что мальчик тоже склонен к подобному образу жизни, если Седрик улавливает его намек. Седрик не уловил. Он покончил с едой, а затем напоказ зевнул.

– Должно быть, ты еще слаб после болезни. А я-то надеялся, что тебе стало получше, – заметил Карсон. – Что ж, отдыхай.

Затем со сновкой человека, привыкшего заботиться о себе, Карсон сгрузил посуду на поднос. Складывая квадратный лоскут материи из тех, что на баркасе сходили за салфетки, он глянул на Седрика и как-то странно усмехнулся.

– Сиди смирно, – велел охотник и краем тряпицы промокнул что-то в уголке его рта. – Ты явно не привык носить бороду. За ней надо ухаживать. Мне кажется, тебе лучше снова начать бриться. – Охотник помолчал и, многозначительным взглядом окинув неприбранную каюту, добавил: – И мыться. И стирать одежду. Я помню, ты совершенно не рад тому, что попал сюда. Я тебя не упрекаю. Но это не означает, что ты должен перестать быть собой.

И охотник ушел, оставив Седрика разом возмущенным и униженным. Седрик отыскал зеркальце и придвинулся к свече, изучая свое лицо. Точно. В уголках рта обнаружились остатки супа, прилипшие к отросшей щетине. Он уже несколько дней не брился и толком не мылся. Седрик рассмотрел отражение, отметив, что выглядит осунувшимся. Под глазами залегли черные круги, на щеках пробила щетина. Нечесанные волосы висели паклей. Но от одной мысли о том, чтобы пойти на камбуз, нагреть воды, побриться и вымыться, его охватила усталость. Как удивился бы Гест, застав его в таком виде!

Однако и эта мысль почему-то не вызвала у Седрика желания привести себя в порядок. Он сел на кровать и уставился в темноту. Какая разница, что подумал бы Гест, увидев его таким, потным и небритым, в каюте, заваленной грязным бельем. Все идет к тому, что они вообще никогда больше не увидятся. И причиной тому сам Гест с его дурацкой мстью, отправивший его нянчиться с Элис. Вспоминает ли Гест о нем? Гадает ли, что задержало их возвращение? Едва ли.

Седрик уже много в чем сомневался насчет Геста.

Он забрался в койку, на подстилку, больше подходящую собаке, чем человеку, и проспал остаток дня.

Новый стук в дверь выдернул его разум обратно в настоящее.

– Седрик? Ты там жив? Отвечай, или я вынесу дверь!

– Со мной все хорошо.

Седрик сделал один-единственный шаг, необходимый, чтобы пересечь каюту, и отпер задвижку на двери:

– Можешь войти, если так уж надо.

Охотник либо не заметил, что в голосе Седрика недостает радушия, либо не обратил на это внимания. Карсон открыл дверь и окинул взглядом полутемную каморку.

– Сдается мне, на свежем воздухе и на свету тебе станет куда лучше, чем в душной каюте, – заметил охотник.

– Ни воздух, ни свет меня не вылечат, – пробормотал Седрик.

Он покосился на высокого бородатого охотника, а затем отвел взгляд. Карсон, казалось, заполнил собой всю крошечную каюту. У него был широкий лоб и большие темные глаза, прячущиеся в тени тяжелых бровей. Коротко подстриженная борода была того же рыжего оттенка, что и жесткие волосы. Обветренные щеки, четко очерченные красные губы. Должно быть, он почувствовал оценивающий взгляд Седрика, поскольку смущенно пригладил волосы.

– Тебе что-то нужно? – поинтересовался Седрик.

Слова прозвучали резче, чем он хотел. Дружелюбие в глазах Карсона вдруг сделалось несколько настороженным.

– На самом деле да, нужно.

Он закрыл за собой дверь, снова погрузив каюту в полумрак, поискал взглядом, куда бы ему сесть, после чего без приглашения взгромоздился на сундук.

– Слушай, я выскажусь прямо, после чего отстану от тебя. Мне кажется, ты поймешь, – ну, так или иначе, я тебе объясню. Дэвви – еще мальчишка. Я не хочу, чтобы он пострадал, и не хочу, чтобы его использовали. Мы с его отцом были как братья, и я понял, куда тянет Дэвви, задолго до того, как это заметила его мать. Если она хоть сейчас это осознала, в чем я лично сомневаюсь.

Охотник коротко засмеялся и посмотрел на Седрика, словно ожидая отклика. Но Седрик промолчал, и Карсон снова перевел взгляд на свои крупные ладони. Он потер руки, как будто у него ныли костяшки пальцев.

– Ну, ты понимаешь, к чему я клоню? – спросил он.

– Что ты Дэвви как отец? – рискнул предположить Седрик.

На это Карсон снова коротко хохотнул.

– Настолько, насколько я вообще могу стать кому-либо отцом! – заявил он и снова уставился на Седрика, как будто в ожидании.

Тот в ответ молча встретил его взгляд.

– Ясно, – проговорил охотник, куда тише и серьезнее. – Я понял. Обещаю тебе, дальше дело не пойдет. Я объясню, что хотел сказать, а потом уйду. Дэвви еще очень юн. Ты, вероятно, оказался самым красивым мужчиной, какого он встречал, и мальчик влюбился. Я пытался объяснить ему, что он еще слишком мал и что ты гораздо выше его по положению в обществе. Но щенячья любовь застилает ему глаза. Я сделаю все возможное, чтобы удержать его подальше от тебя, и буду признателен, если ты не станешь ему потворствовать. Когда парень поймет, что ему ничего не светит, он довольно быстро придет в себя. Может, слегка тебя возненавидит – сам знаешь, как это бывает. Но если ты высмеешь его или унизишь перед остальными, я из тебя душу вытряхну.

Седрик, закаменев лицом, уставился на Карсона. Мысли лихорадочно метались, заполняя умолчания смыслом.

Карсон спокойно выдержал его взгляд.

– А если я ошибся в тебе, если ты из тех, кто способен воспользоваться наивностью мальчика, мало тебе не покажется. Ты меня понял?

– Прекрасно понял, – ответил Седрик.

Наконец-то мысль Карсона пробилась в его разум, и теперь его раздирало между изумлением и смущением. Щеки его пламенели; он был рад тому, что в каюте так темно. Охотник по-прежнему пронизывал его взглядом. Седрик потупился.

– То, что ты сказал насчет унижения... Я никогда бы так не поступил. И просил бы того же от тебя. Что же касается... ну, его влюбленности... – сглотнув, выговорил он. – Я ее даже не заметил. Но если бы и заметил, то не воспользовался бы. Он же так молод. Еще совсем ребенок.

Карсон кивнул. Печальная улыбка тронула уголки его рта.

– Я рад, что не ошибся в тебе. Ты не похож на человека, готового воспользоваться ребяческой глупостью, но никогда нельзя утверждать наверняка. Тем более если речь идет о таком мальчишке, как Дэвви, который будто нарочно подставляется под удар. Пару месяцев назад, в Трехоге, он неверно оценил одного молодого человека и ляпнул кое-что лишнее. И всего лишь за предложение тот парень дважды вмазал ему по лицу, мальчик даже защититься не успел. Мне не осталось выбора, пришлось вмешаться, а нрав у меня горячий. Боюсь, нас еще не скоро снова пустят в ту таверну. Я еще и из-за этого в поход пустился. Хотелось на несколько месяцев увезти парня подальше от города с его соблазнами. Чтoб он подучился осторожности и сдержанности. Я думал, тут он ни во что не сумеет влипнуть, но он пропал с концами, стоило ему тебя увидеть. И кто может его винить? Н-да...

Охотник вдруг резко поднялся:

– Мне, пожалуй, пора. Мальчик больше не будет приносить тебе еду. Мне с самого начала казалось, что это скверная идея, но все не удавалось найти повод ему запретить. Теперь я скажу Дэвви, что ему нужно вставать и уходить вместе со мной, если мы хотим накормить драконов. Буду забирать его с баркаса пораньше. За едой тебе придется ходить самому. Или пусть Элис тебе приносит. – Он отвернулся и взялся за ручку двери. – Ты ведь работаешь на ее мужа? Так она сказала за ужином в первый вечер. Сказала, что обычно ты всюду едешь с ним и она

понятия не имеет, почему он отправил тебя с ней и как он там без тебя обходится. Ее всерьез терзает совесть, ты заметил? Из-за того, что ты здесь и так несчастен.

– Знаю.

– Но я подозреваю, что о многом она все же не догадывается – скажем, об одной из причин твоих страданий. Я прав?

Седрику словно что-то сдавило горло, мешая дышать.

– Не думаю, что это имеет к тебе какое-то отношение.

Карсон оглянулся через плечо:

– Может быть. Но я давным-давно знаком с Лефтрином. И еще ни разу не видел, чтобы он настолько потерял голову из-за женщины. Да и Элис, как мне кажется, не на шутку им увлечена. По мне, так если ее муж нашел в жизни толику радости, то и она заслуживает того же. И может быть, Лефтрин тоже. И они оба могли бы обрести эту радость, если бы Элис считала себя вправе ее искать.

Охотник взялся за щеколду, собираясь открыть дверь. Седрик совладал с голосом:

– Теперь ты расскажешь ей?

Карсон ответил не сразу. Он постоял у приоткрытой двери, глядя в щель. Вечер постепенно перетекал в ночь. В конце концов охотник тряхнул косматой головой.

– Нет, – ответил он, вздохнув. – Не мое это дело. Но по-моему, тебе стоит рассказать самому.

Он выскользнул за дверь плавно, словно крупный кот, и плотно закрыл ее за собой, оставив Седрика наедине с его мыслями.

В этот день они шли дольше обычного под мутным, грязным дождем, от которого кожа шелушилась и зудела. К вечеру берега реки сделались неприветливыми, их сплошь затянули колючие ползучие растения. Наверху эти лианы, поднятые к солнцу раскидистыми ветвями деревьев, были усыпаны алыми ягодами. Непрекращающийся дождь отмывал до блеска листья и плоды и взбивал рябью поверхность воды. Харрикин вытащил свою лодку на берег, чтобы собрать немного ягод, но только исцарапался и перепачкался. Тимара даже не пыталась. Она знала по опыту, что добраться до них можно лишь сверху, спустившись по стволу дерева. Но и тогда это оставалось опасным делом, чреватое множеством царапин. Девушка прикинула, что они с Рапскалем слишком сильно отстанут от товарищей, пока она будет искать дорогу к верхушкам деревьев.

– Может, вечером, когда будет привал, – предложила она, увидев, с какой тоской ее напарник провожает взглядом свисающие гроздья.

Но когда стало смеркаться, а берега по-прежнему остались неприступными, Тимара смирилась с тем, что им предстоит ночевка на палубе «Смоляного», с сухарями и соленой рыбой на ужин. Драконы с их чешуйчатыми шкурами, если придется, могут подобраться поближе к древесным стволам и там переночевать без удобства, зато в относительной сухости. У хранителей такой возможности нет. Последнее ее столкновение с рекой явно это доказало. Да, чешуя на ней разрослась, но все равно не идет в сравнение с драконьей броней. От зубов Меркора остались отметины, хоть он и очень старался держать ее бережно. Тимару изрядно смутило то, что Сильве увидела, насколько она теперь чешуйчатая, когда помогала перевязывать эти царапины и ободранную левую руку. Почти все раны оказались неглубокими, только одна борозда на спине до сих пор ныла и была горячее на ощупь. Рана болела, и Тимаре очень хотелось вытащить лодку на берег и поспать. Но драконы явно надеялись отыскать более подходящее место для привала, поскольку упорно брели вперед, и хранителям не оставалось иного выбора, кроме как следовать за ними.

Драконы уже казались темными контурами на фоне мерцающей воды, когда Тимара с Рапскалем к ночи их нагнали. Они рассыпались по длинной и широкой илистой косе, которая,

изгибаясь, уходила в реку. Отмель была сравнительно новой, и деревьев на ней пока не росло. Вдоль ее хребта пробивались только редкие кусты и пучки травы. Но дров для костра хватало с избытком – к берегу прибило огромное бревно, за которое зацепился целый ворох мелкого плавника. Сойдет.

Девушка сильно толкнулась, и нос их лодки вылетел на топкий берег. Рапскаль бросил весло, прыгнул за борт, схватил фалинь и вытащил суденышко еще дальше на отмель. Тимара со стоном отложила собственное весло и с трудом разогнулась. От постоянной гребли она стала сильнее и выносливее, однако к концу каждого дня все равно сильно уставала, и мышцы ее ныли.

А Рапскалю непривычно длинный переход, похоже, был нипочем.

– Пора разводить костер, – бодро объявил он. – И обсыхать. Хорошо бы охотники принесли мяса. Рыба мне осточертела.

– Да, мясо пришлось бы кстати, – согласилась Тимара. – И костер тоже.

Остальные хранители тоже вытаскивали лодки и устало выбирались на берег.

– Будем надеяться, – отозвался Рапскаль и, не обернувшись, исчез в темноте.

Тимара вздохнула, глядя ему вслед. Его неизменная жизнерадостность и бодрость духа утомляли ее почти так же сильно, как и поддерживали. С досадой вздохнув, она принялась раскладывать по местам снаряжение, раскиданное Рапскалем по дну лодки. Перепаковав свои вещи так, чтобы одеяло и посуда оказались сверху, она отправилась вслед за товарищем. Костер сложили с подветренной стороны бревна, так что оно и горело само, и защищало огонь, и отражало жар. Язычки пламени уже начали расцветать. Рапскаль изрядно наловчился разводить костры и никогда не уставал от этой работы. Кисет со всем необходимым неизменно висел у него на шее. Бесконечная мелкая морось шипела, соприкасаясь с огнем.

– Устала? – донесся из темноты слева негромкий голос Татса.

– Еще как, – отозвалась она. – Это путешествие вообще когда-нибудь закончится? Я уже забыла, как это – ночевать в одном месте больше пары ночей подряд.

– Это еще не самое худшее. А вот как только мы доберемся туда, куда стремятся драконы, нам придется поворачивать и возвращаться обратно, вниз по реке.

Тимара на миг застыла.

– Ты бросишь свою драконицу? – тихонько прошептала она.

Девушка так до сих пор и не помирилась с Синтарой и вспоминала о ней с горечью. Тимара заботилась о драконице, как и прежде, чистила шкуру и добывала для нее еду, но разговаривали они мало. И тем разительнее воспринимались эти перемены, когда Тимара видела, с какой нежностью относятся друг к другу некоторые драконы и хранители. Татс с Фенте были очень близки. Во всяком случае, так казалось Тимаре.

Татс накрыл ладонями ее плечи и легонько сжал:

– Не знаю. Думаю, это много от чего зависит. Иногда мне кажется, что я ей нужен, что она даже привязана ко мне. А иногда... ну...

Хоть Тимара и вывернулась из его рук, ее тело отметило, насколько приятным оказалось это теплое прикосновение для ноющих мышц. Татс отступил на шаг, уловив ее недовольство. А сознание девушки жарким приливом затопили образы Грефта и Джерд, прильнувших друг к другу. На мгновение она задумалась, не стоит ли повернуться к Татсу, и даже отважилась вообразить, как гладит руками его теплую обнаженную спину. Но тут же вздрогнула, представив, как его ладони скользят по ее чешуйчатой коже. Все равно что ласкать теплую ящерицу, высмеяла она себя и крепко сжала губы, чтобы не закричать от такой несправедливости. Может, Грефт с Джерд и не отказывают себе в запретном, но, должно быть, это стало возможным лишь потому, что отверженными были они оба. Их не смущали чужие отметины Дождевых чащоб. С Татсом этот номер не пройдет. Он из татуированных и родился не здесь. У него кожа гладкая, как у дамочки из Удачного, он не изуродован ни наростами, ни чешуей. В отличие от Тимары.

– Долгий выдался день, – нарушил молчание Татс.

Его осторожный тон как бы прошупывал, не рассердилась ли она на его вольность. Тимара проглотила свой гнев на судьбу.

– Да, долгий, – ровным голосом подтвердила она. – А у меня до сих пор ноют раны, оставленные Меркором. Хорошо бы погреться у огня и съесть что-нибудь теплое.

И словно в ответ на ее слова, пламя вдруг охватило ворох плавника. Отсветы озарили ее друзей, собравшихся вокруг костра. Тоненькая Сильве стояла рядом с узкоплечим Харри-кином. Они смеялись, поскольку долговязый Варкен скакал как безумный, пытаясь стряхнуть дождь искр с буйной шевелюры и поношенной рубахи.

По обыкновению неразлучные Бокстер и Кейз маячили в темноте двумя приземистыми силуэтами. Лектер пробрался мимо них, и отблеск костра ясно выхватил из мрака шипы, пробивающиеся вдоль его хребта. Ему стоило бы прорезать дырки в рубахе, чтобы та не стесняла гребень. Это зрелище почему-то придало Тимаре уверенности.

«Вот мои друзья», – подумала девушка с улыбкой.

Они носили на себе те же отметины, что и она. Затем она заметила среди них сидящую боком Джерд. Та расположилась на куске плавника, а Грефт стоял у нее за спиной, могучий и заботливый. На глазах у Тимары Джерд откинулась назад, прислонившись затылком к бедру Грефта, и что-то ему сказала. Юноша, склонившись ниже, ответил, и на какой-то миг они слились воедино, в общий силуэт, отгородившийся от прочего мира.

Тимару кольнула ревность. И не потому, что ей нравился Грефт, ей просто хотелось того же, что они взяли сами. Джерд громко засмеялась, и плечи Грефта задрожали, вторя ее веселью. Остальные либо не обратили внимания, либо признали их близость. Неужели лишь она одна еще негодует и смущается при виде их демонстративных выходок?

Не задумываясь она направилась к костру вслед за Татсом.

– Что ты думаешь о Джерд и Грефте? – спросила Тимара и сама поразилась тому, что произнесла это вслух.

Она тотчас же пожалела о сказанном, когда Татс оглянулся в явном изумлении.

– О Джерд и Грефте? – переспросил он.

– Они спят вместе. Занимаются любовью. – За откровенностью ее слов звенел гнев. – Она уединяется с Грефтом при каждой возможности.

– Пока что, – небрежно отмахнулся Татс, как будто отвечая на совершенно другой вопрос. – Джерд пойдет с кем угодно. Грефт довольно скоро это поймет. Или, может, знает и так, но его это не волнует. Вполне допускаю, он просто берет, что дают, а тем временем прикидывает, как бы заполучить кое-что получше.

Последнюю фразу он сопроводил многозначительным взглядом, который смутил и встревожил Тимару. Ее мысли скакали, словно блохи, с одного его слова на другое. На что он намекает? Девушка попыталась развеять неожиданное напряжение.

– Джерд пойдет с кем угодно? Даже с тобой? – засмеялась она, поддразнивая старого друга, но улыбка застыла у нее на губах, когда тот ссутулился и отвел взгляд.

– Со мной? Вполне возможно, – произнес он грубовато. – А что здесь такого невыносимого?

Тимаре вдруг вспомнилась ночь, когда Татс ушел от костра, возмущенный словами Грефта, и вскоре после того Джерд тоже поднялась с места и исчезла. А на следующий день эти двое гребли в одной лодке и еще несколько дней после того... Неожиданное осознание оглушило Тимару. Татс расстилал свое одеяло рядом с Джерд, сидел с ней бок о бок за ужином. Как она сразу не догадалась, что это означает? Ревность вспыхнула в ней, но прежде, чем это пламя успело опалить ей сердце, его сковал и раздробил лед. Какая же она дура! Конечно, так все и было; должно быть, с первой же ночи после того, как они покинули Трехог. Джерд, Грефт,

Татс – все они отбросили правила. И только глупая, упрямая Тимара притворялась, будто бы они все еще действуют.

– И со мной! – объявил Рапскаль, вынырнув из темноты, чтобы дополнить их разговор непростым замечанием.

– Что – с тобой? – невольно переспросил Татс.

Рапскаль посмотрел на него так, словно тот сморозил глупость:

– Джерд со мной тоже ходила. Еще до тебя. Только ей не понравилось, как я это делаю. Она сказала, тут нет ничего забавного, а когда я засмеялся из-за того, как грязно все вышло, она заявила: это, мол, доказывает, что я еще мальчишка, а не мужчина. «С тобой – больше никогда!» – пообещала она мне после того раза. А я ответил, что мне плевать. Правду, между прочим. К чему иметь дело с человеком, который все так серьезно воспринимает? Мне кажется, с кем-нибудь вроде тебя, Тимара, вышло бы куда веселее. Ты понимаешь шутки. То есть сама посуди... Мы ладим. Ты никогда не обижаешься просто из-за того, что у парня есть чувство юмора.

– Заткнись, Рапскаль! – рявкнула Тимара, опровергнув его слова.

Она рванулась в темноту, оставив обоих парней глазеть ей вслед. За ее спиной Татс обругал Рапскаля, а тот возразил, что ни в чем не виноват. Рапскаль? Даже Рапскаль? Горячие слезы брызнули из глаз, оставляя соленые дорожки на слегка чешуйчатых щеках. Лицо горело. Румянец? Она до сих пор краснеет от смущения – или уже от гнева?

Она была просто слепа. Слепа, глупа и доверчива, словно ребенок. Как же это унижительно! Она еще воображала, что раз уж она втайне мечтает о Татсе, то и он отвечает ей тем же. Тимара знала, что самой природой обречена на жизнь, лишенную человеческих страстей. Неужели она надеялась, будто он станет себя ограничивать только из-за того, что никогда не сможет заполучить ее? Тупица.

А Рапскаль? Тимару вдруг взяла такая злость, что она едва не задохнулась. Как Джерд могла обойтись так с простодушным, непритязательным Рапскалем? Каким-то образом то, на что она его подбила, замарало паренька в глазах Тимары. Его неукротимая жизнерадостность и безграничное дружелюбие вдруг предстали в новом свете. Тимара вспомнила, как он спал рядом с ней все эти ночи, порой греясь об ее спину. Она-то считала это просто ребяческой привязанностью. У нее вырвался возглас негодования. Что ему снилось в такие ночи? Что думали остальные об их близости? Неужели воображали, будто они с Рапскалем по ночам сплетались телами, как Джерд с Грефтом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.